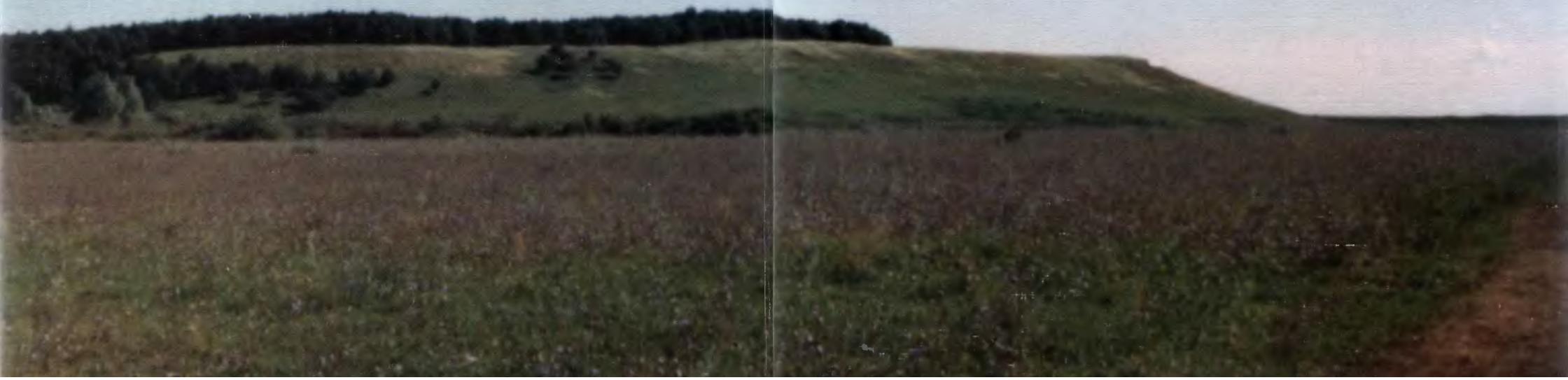

Д.А. Сташенков

**ОСЕДЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ
САМАРСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО
ПОВОЛЖЬЯ
в I-V веках н.э.**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

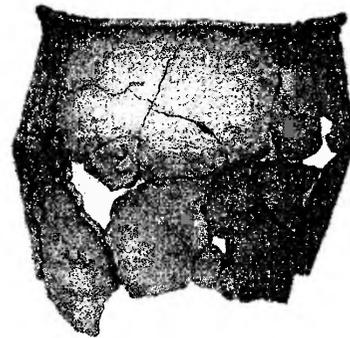
**САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

Д.А. СТАШЕНКОВ

**ОСЕДЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ
САМАРСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО
ПОВОЛЖЬЯ
В I-V ВВ. Н.Э.**

Москва 2005

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАНЕСЛАВЯНСКИЙ МИР

АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

ВЫПУСК 7

Серия основана в 1990 г.
С.А.Плетнёвой и И.П.Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О.Гавритухин, Н.В.Лопатин, А.М.Обломский

Москва 2005

Ответственный редактор выпуска
д.и.н. А.М. Обломский

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Рецензенты:
И.О. Гавритухин
к.и.н. Н.В. Лопатин

С78 **Сташенков Д.А.** Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V вв. н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 7). - Москва, 2005. - 150 с.: ил.
ISBN 5-94375-029-0

Монография знакомит с неопубликованными материалами предыменковского и раннеименьковского времени, хранящимися в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина.

Публикация новых материалов должна заполнить пробел в наших знаниях об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье в канун сложения именковской культуры.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/903
ББК 63.4

На обложке: гора Маяк у с.Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области.

ISBN 5-94375-029-0

© Институт археологии РАН, 2005.
© Самарской областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, 2005.
© Д.А. Сташенков, 2005.

ВВЕДЕНИЕ

В истории народов Евразии особое место занимает эпоха Великого переселения народов, ознаменовавшаяся миграциями германских, балтских и славянских племен в зоне европейских лесов и лесостепей, переселением западносибирских и зауральских угров в Восточную Европу, нашествиями гуннов, авар, болгар и множества других кочевых племен в степной зоне.

Для Самарского Поволжья, расположенного на стыке степной и лесостепной зон, эта эпоха не оставила письменных источников. Ее изучение возможно только по археологическим материалам, которые свидетельствуют о миграционных процессах и чередовании археологических культур в регионе.

Памятники первых веков н.э. – периода сарматского господства в евразийских степях - в Самарском Поволжье до 1970-х гг. были представлены только разрозненными подкурганскими сарматскими захоронениями. Поэтому по отношению ко всей эпохе и памятникам данного хронологического горизонта представлялось правомерным использовать термин «позднесарматское время».

В ходе исследований последних лет на Самарской Луке и в лесостепном Заволжье удалось выявить целый пласт поселенческих памятников первой половины I тыс. н.э. Изучение этих памятников позволяет вновь обратиться к проблеме происхождения именьковской культуры - одной из самых загадочных археологических культур Урало-Поволжского региона. Вопрос об истоках и этнической принадлежности населения, оставившего памятники именьковской культуры, до сих пор остается дискуссионным. В настоящей работе представляется необходимым познакомить читателя с историей изучения именьковской культуры в контексте проблем, связанных с определением этнической принадлежности именьковского населения.

Недостаточно разработанной остается и хронология именьковской культуры. Из общей

массы материалов с трудом вычлениаются комплексы, связанные с периодом формирования и ранним этапом существования культуры. Для выработки критериев выделения этих комплексов необходимо проанализировать материалы памятников, которые достоверно относятся к предыменьковскому или раннеименьковскому времени. Пока такие памятники выделены только в Самарском Поволжье.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот неопубликованных комплексов предыменьковского и раннеименьковского времени, хранящихся в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина. Они происходят как из старых исследований (раскопок на Царевом кургане, проведенных А.В.Збруевой в 1938 г.), так и из раскопок автора, проводящихся с 1995 г. на севере Самарского региона (Сиделькинские селище и могильник, селища Тимяшевское I и Крепость Кондурча II).

Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность всем тем, без кого написание этой книги было бы невозможным: археологам - сотрудникам отдела археологии СОИКМ им.П.В.Алабина А.Ф.Кочкиной и Д.В.Серых, Института истории и археологии Поволжья И.Н.Васильевой и Н.П.Салугиной, Института археологии РАН И.О.Гавритухину, Н.В.Лопатину, А.М.Обломскому, Государственного исторического музея И.Р.Ахмедову, администрациям Челно-Вершинского, Шенталинского и Волжского районов Самарской области, СОИКМ им. П.В.Алабина, Самарского городского дворца детского и юношеского творчества, Центра внешкольной работы «Поиск» Октябрьского района г.Самары, Самарского областного Центра детско-юношеского туризма и краеведения, которые оказали содействие в организации экспедиций, педагогам В.К.Лапазину и Е.А.Чертовой, руководителям групп школьников Шенталинского и Волжского районов, и конечно, всем школьникам - воспитанникам археологических кружков г.Самары, принимавшим участие в раскопках.

Природные условия Самарского Поволжья

Территория Самарского Поволжья находится на стыке двух природно-географических зон: степной и лесостепной. Границу между ними можно провести по рекам Самара и Б.Кинель на востоке области и по р.Волге в ее западной части. Особое место занимает Самарская Лука, которая в силу природных условий является изолированным участком с преобладанием лесостепной растительности. Значительная часть Самарской Луки занята отрогами Жигулевских гор. По географическим признакам к зоне Самарской Луки иногда относят и территорию, на которой расположен современный город Самара. В городской черте, ограниченной с запада р.Волгой, с севера и юга реками Сок и Самара, имеются выходы Сокольных гор – отрогов Жигулей, большие участки здесь заняты лесами.

Территория лесостепного Заволжья в геоморфологическом отношении входит в провинцию Высокого Заволжья, куда заходят отроги Бугульминско-Белебейской возвышенности. В целом Высокое Заволжье представляет собой возвышенную волнистую равнину, пересеченную глубокими узкими речными долинами. Характерная черта Высокого Заволжья – увалистая форма рельефа. Высокое Заволжье в основном сложено известняками, мергелями и песчаником пермских отложений. Это обусловило широкое распространение здесь остаточных карбонатных щебневатых и каменисто-щебневатых черноземов (Захаров, 1971, с.64-66). Отдельные участки леса представлены главным образом лиственными породами. Открытые пространства заняты участками луговых степей, которые в настоящее время распахиваются и сохранились небольшими участками. По территории района протекают реки Кондурча, Большой Черемшан, Большая Тарханка – притоки рек Волга и Сок, имеющих широкие залуженные пойменные долины, удобные для выпаса скота.

Ландшафтные особенности, естественно, оказали решающее влияние на характер хозяйственного использования территорий, что нашло отражение в археологических материалах.

В степной зоне южнее р.Самары и на пограничной кромке степи-лесостепи известны разрозненные кочевнические захоронения, не об-

разующие крупных могильников (Мышкин, Скарбовенко, 2000, с.31-37). На протяжении I тыс. н.э. отдельные группы кочевого населения проникали сюда как во время крупных миграций, так и, вероятно, в периоды экстраординарных природно-климатических изменений. Раннесредневековые поселения в данном районе не выявлены.

На Самарской Луке имеются многочисленные укрепленные и неукрепленные поселения земледельческого населения преимущественно именьковского круга и курганные могильники кочевников хазарского времени, значительно менее мобильных, чем их предшественники – сарматы.

На территории лесостепного Заволжья погребальные и поселенческие комплексы I-V вв. н.э. исследованы на севере Самарской области, на территории современных Шенталинского и Челно-Вершинского административных районов Самарской области в бассейне рек Большой Черемшан и Кондурча.

В ходе разведочных работ отмечено, что для раннесредневековых памятников Самарского лесостепного Заволжья характерно кустовое расположение поселений. В последние годы начаты стационарные исследования памятников, входящих в состав подобных комплексов. К настоящему времени автором проведены раскопки на следующих памятниках: Тимяшевском I селище, Сиделькинских II селище и I грунтовом могильнике, на Пролетарских городище и селище, селище Крепость Кондурча II.

Специфика этих памятников заключается в том, что они маркируют восточную границу расселения оседлого населения в эпоху раннего железного века и средневековья в регионе. Хотя ряд известных в настоящее время памятников был выявлен еще в 1960-70-е годы казанскими археологами (Старостин, 1967; Фахрутдинов, 1975), только в 1990-х гг. Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П.В.Алабина здесь начаты стационарные исследования. Эти исследования привели к выделению особой группы памятников раннесредневековой эпохи, характеризующейся значительной смешанностью различных этнокультурных компонентов.

Методика исследования

Памятники I-V вв. н.э. в Самарском Поволжье выделены сравнительно недавно. Основная часть этих памятников хронологически и культурно еще не расчленена. Для проведения подобной работы необходимо создание базы данных достаточно полно опубликованных материалов памятников, которые являются базовыми для выделения культурно-хронологических групп. Именно эту цель преследует настоящая работа.

Основной категорией находок на изученных памятниках является керамика. Для классификации керамики в настоящей работе используется методика, разработанная А.М.Обломским для памятников поздне римского и гуннского времени (Обломский, 2002, с.7-8) с естественными добавлениями новых типов для форм сосудов, отсутствующих в исходной классификации. Использование единой методики дает возможность сравнения керамического комплекса разных памятников, в том числе принадлежащих различным археологическим культурам, между собой.

В общей типологии лепной посуды А.М.Обломский использует четыре основные группы показателей: формы, пропорций, размеров и декора. Как и на памятниках Днепровского левобережья, наш керамический материал фрагментирован, и основной принцип описания заключается в делении целого на части. При характеристике формы сосуд расчленяется на условные участки по местам перегибов профиля. Классификация, которая строится на этом основании, организована по иерархическому принципу. При этом классы выделяются по форме наибольшего расширения тулова сосуда,

типы - по общей структуре его профиля, варианты - по форме венчика, разновидности - по соотношению диаметра венчика и диаметра наибольшего расширения тулова или диаметра венчика и наибольшей высоты. Классы обозначены латинскими цифрами, типы - арабскими, варианты и разновидности - буквами кириллического алфавита (табл.5).

Для памятников определяются общий типологический набор форм и структура керамического комплекса, т.е. процентное соотношение типов сосудов в наборе. При сравнении памятников между собой эти данные демонстрируют уровень сходства или различия (Обломский, 2002, с.7).

Сравнительно небольшое число сосудов, реконструируемых даже до места наибольшего расширения тулова, заставляет искать дополнительные критерии для возможности сравнения керамических комплексов различных памятников. Одним из таких критериев является размерность сосудов. В частности, для памятников различных культурно-хронологических групп характерно преобладание сосудов определенных параметров. В данной работе выбраны условные границы размеров сосудов по венчику:

- Малые - до 10 см;
- Средние 1 - 10-15 см;
- Средние 2 - 15,1-20 см;
- Крупные - более 20 см.

Необходимо отметить, что восстанавливаемые по небольшим фрагментам диаметры лепных сосудов дают представление только об общей тенденции распределения сосудов по размерам на отдельных памятниках.

ГЛАВА I.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ I ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э. В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

I.1. Начало исследований памятников I-V вв. н.э. в Самарском Поволжье

Традиционно памятники эпохи раннего средневековья на территории Самарского Поволжья делятся на две большие группы – памятники оседлого населения (преимущественно именьковской культуры) и кочевнические древности позднесарматского, гуннского и хазарского круга. Несмотря на многолетнюю историю изучения, до сего дня опубликована только часть накопленного материала, и многие комплексы остаются неизвестными даже специалистам.

Планомерное исследование памятников археологии в Самарском регионе начинается после открытия в 1918 г. Самарского университета. На базе университета было создано Общество археологии, истории, этнографии и естествознания, а затем открылись и Высшие этнолого-археологические курсы. Слушатели курсов и члены общества под руководством В.В.Гольмстен до самого ее отъезда из Самары в 1929 г. проводили разведочное обследование территории Самарского края. По причине крайней ограниченности в средствах раскопки производились в исключительных случаях, а результаты исследования конкретных памятников не были опубликованы. Вместе с тем еще в 1920-е гг. появилось несколько обзорных работ В.В.Гольмстен, в которых рассматривались и материалы средне- и позднесарматского времени. Так, в 1924 г. в очерке о древнейшем прошлом Самарского края она, основываясь на материалах собственных раскопок, обосновала выделение особой Березняковской культуры кочевого населения первых веков н.э. (Гольмстен, 1924, с.162-164). Отсутствие полноцен-

ной публикации материалов исследований самого Березняковского могильника объясняет тот факт, что предложение В.В.Гольмстен, видимо, специалистами серьезно не рассматривалось, и в настоящее время исследователи пишут о комплексах средне- или позднесарматского круга.

В 1925 г. в небольшой статье «Керамика древних мест поселений Самарской Луки» В.В.Гольмстен, основываясь на материалах собственных разведок 1922-1923 гг., по сути дела, дала первую систематизацию археологических памятников этого региона. В своей работе В.В.Гольмстен учитывала целый комплекс признаков – топографию памятников, мощность культурного слоя, взаимовстречаемость различных, выделенных ею же, групп керамики. В особую группу Вера Владимировна выделила ряд поселений с грубой лепной бугристой толстостенной керамикой, отнесенной ею к V типу, и с более тонкостенной и заглаженной, принадлежащей к VI типу. Памятники с подобной керамикой, на ее взгляд, синхронные, В.В.Гольмстен отнесла к поздней группе и на основании сходства керамики VI типа с посудой мордовского Барбашинского могильника датировала их XIV в. н.э. (Гольмстен, 1925, с.13). Основываясь на разведочном материале, она делала широкие исторические выводы о двух народностях, одна из которых, по ее мнению, чувашская, употреблявшая керамику V типа, находилась под постоянной угрозой нападений и возводила укрепления вокруг своих поселений, а другая, финская, пользовавшаяся керамикой VI типа, жила в открытых поселениях в значительно более спокойной обстановке (Гольмстен, 1925, с.12). Уже в 1970-е гг., после проведения сотрудниками Средневолжской археологической экспедиции широкого разведочного обследования Самарской Луки стало ясно, что большая часть поселений с керамикой V и

VI типов, по классификации В.В.Гольмстен, относится к именьковской культуре. Таким образом, В.В.Гольмстен первой выявила именьковские памятники Самарской Луки и объединила в одну группу, хотя и дала им неверную интерпретацию.

Впоследствии В.В.Гольмстен связала часть памятников этого круга с бургасами. В статье «Бургасы», вышедшей в 1946 г., уже после смерти Веры Владимировны, она выделила в отдельный тип группу памятников правобережья Волги и Посурья, датировав их IX-X вв. Сегодня ясно, что к памятникам одного круга были отнесены не только поселения именьковской культуры, но и мордовские древности. Население, оставившее их, В.В.Гольмстен соотнесла с бургасами на основании анализа арабских письменных источников X в., локализирующих эту этническую группу в Поволжье (Гольмстен, 1946, с.17-25). Видимо, для своего времени эта гипотеза была актуальной, и через несколько лет словосочетание «восточно-бургасская культура» по отношению к подобным комплексам стало широко использоваться в Поволжской археологии.

В 1938 г. археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР и Куйбышевского областного музея краеведения под руководством А.В.Збруевой провела раскопки на Царевом кургане, расположенном в окрестностях г. Куйбышева в зоне предполагаемого строительства Куйбышевской ГЭС. Краткое сообщение об этих работах было вскоре опубликовано (Збруева, Смирнов, 1939), но, к сожалению, до последнего времени материалы первых веков н.э., выявленные на памятнике, не привлекали внимания исследователей.

1.2. Изучение именьковской культуры в Среднем Поволжье

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в Среднем Поволжье начались систематические исследования средневековых памятников. Были проведены раскопки и на ряде памятников оседлого населения эпохи раннего средневековья, после которых стала очевидной необходимость выделения новой археологической культуры.

В 1951 г. Н.Ф.Калинин выделил особую группу археологических памятников западной Татарии, датированных им второй половиной I

– началом II тыс. н.э. Первоначально он отнес эту группу памятников к особому варианту послегородецкой (отличной от позднегогородецкой) культуры, сложившемуся на основе городецкой культуры в среде населения, пришедшего на правобережье р.Волги с запада в эпоху Великого переселения народов. В сложении новой культуры, по мнению Н.Ф.Калинина, принимали участие местные ананьинско-пьяноборские племена (Калинин, Халиков, 1954, с.62). Сходные памятники западной Татарии, восточной Мордовии, Ульяновской и Куйбышевской областей он объединил в особую восточно-бургасскую область и археологическую культуру населения, оставившего эти памятники, назвал восточно-бургасской. В носителях этой культуры Н.Ф.Калинин видел восточную группу племенного союза бургасов, народа, по его мнению, родственного мордве. Однако, помимо собственно «именьковских» памятников, в восточно-бургасскую группу Н.Ф.Калинин включал и памятники совершенно иной культурной принадлежности – раннеболгарские (например, Больше-Тарханский и Тетюшский могильники) и мордовские. Основываясь на данных о явной разнокультурности этих памятников и разведочных стратиграфических наблюдениях о культурных напластованиях на средневековых поселениях Поволжья, Н.Ф.Калинин сделал вывод о смешении в Закамье уже с VII в. восточно-бургасских и болгарских племен. Процесс завоевания бургасов болгарами в правобережье Волги он относил к X-XI вв. (Калинин, Халиков, 1954, с.52). Необходимо отметить, что идея Н.Ф.Калинина о плавном перерастании восточно-бургасской культуры в болгарскую не нашла подтверждения в археологических материалах, хотя и сегодня ряд исследователей (С.Г.Кляшторный, Г.И.Матвеева, В.В.Седов, Ю.А.Семькин, П.Н.Старостин) продолжает утверждать, что потомки именьковского населения внесли значительный вклад в формирование культуры Волжской Болгарии.

Термин «именьковская культура», по-видимому, первым применил в 1956 г. В.Ф.Генинг. Культуру средневожских памятников середины I тыс. н.э., которую до этого называли послегородецкой и восточно-бургасской, В.Ф.Генинг предложил переименовать в именьковскую по первому широко исследованному памятнику – городищу у с.Именьково Лаишевского района Татарстана. Ученый считал, что

именьковские племена пришли на Нижнюю Каму в IV в. с юго-запада из-за Волги, вытеснив пермское население азелинской культуры. Касаясь дальнейших судеб именьковской культуры, В.Ф.Генинг предположил, что с VII в. именьковские племена были ассимилированы булгарами и впоследствии составили основную массу населения Булгарского государства (Генинг, 1956, с.43-46). В 1959 г. он предложил датировать именьковскую культуру III-IX вв. (Генинг, 1959, с.208). Основываясь на предполагаемом городецком происхождении племен именьковской культуры, он считал их родственными волжским финнам (мордве, муроме и т.д.) (Генинг, 1959, с.217). Впоследствии он выдвинул гипотезу о сибирских (тюркских) истоках именьковского населения. Несмотря на последующие корректировки высказанных им положений, именно В.Ф.Генингу принадлежит заслуга в выделении именьковской культуры в том виде, в котором ее изучают современные исследователи.

А.П.Смирнов в своих публикациях сначала не выделял средневожские памятники в отдельную группу. Он рассматривал их на фоне большого массива городищ с «рогожной» керамикой, считая их следствием развития более ранних стадий местной культуры. Как и Н.Ф.Калинин, А.П.Смирнов видел прямую генетическую связь между памятниками этого круга и археологическими памятниками эпохи Волжской Болгарии (Смирнов, 1951, с.12-14).

Впоследствии в работах 1960-х гг. для обозначения группы средневожских памятников I тыс. н.э. А.П.Смирнов использовал термин «позднегородецкие памятники». В соответствии с концепцией о финно-угорской принадлежности населения городецкой культуры финно-угорскими он считал и «позднегородецкие» памятники. Термин «именьковская культура» для этих памятников А.П.Смирнов не принял, считая, что это название, по его мнению, введенное Н.Ф.Калининым, может быть сохранено для памятников второй половины I тыс. н.э. Предкамья (Смирнов, Трубникова, 1965, с.27-28). Вместе с тем он не видел принципиального отличия именьковских памятников от городецких и послегородецких, считая их однотипными (Смирнов, Трубникова, 1965, с.9-10). Обратившись к материалам исследованного В.Ф.Генингом Рождественского могильника, в котором были выявлены погребения, совершенные по обряду кремации, он не согласился

с предложенной автором раскопок датировкой памятника в пределах III-VI вв. Рождественский могильник, по мнению А.П.Смирнова, должен был датироваться VI-VIII вв. На его взгляд, он не связан с предшествующими памятниками Поволжья и оставлен пришедшими вместе болгарскими племенами лесостепи. На основании близости материалов Рождественского могильника комплексам Волинцевского могильника он предложил считать население, оставившее его, славянским (Смирнов, 1962, с.161-165). Сам славянский этнический элемент, представленный Рождественским могильником, для Поволжья он считал не особенно значительным (Смирнов, 1962, с.168). Возможно, это было одной из причин, по которой «славянская» гипотеза принадлежности населения именьковской культуры еще долгое время не находила себе сторонников.

В 1964 г. П.Д.Степанов выступил против мордовской, «буртасской» и «позднегородецкой» атрибуции памятников Среднего Поволжья середины I тыс. н.э. Ссылаясь на многочисленные аналогии средневожским материалам в памятниках на территории Башкирии и Венгрии, а также на Пастырском городище, он высказал гипотезу об угро-мадьярской принадлежности населения Среднего Поволжья эпохи раннего средневековья (Степанов, 1964, с.144). Эта гипотеза также не была поддержана другими исследователями.

В 1967 г. П.Н.Старостин в серии САИ опубликовал работу «Памятники именьковской культуры», содержащую перечень открытых к тому времени памятников и развернутую характеристику именьковской культуры. П.Н.Старостин четко разграничил именьковские памятники и памятники т.н. позднегородецкой культуры, показав отличие первых от древнемордовских и древнемарийских памятников. Формирование именьковской культуры П.Н.Старостин рассматривал как результат смешения двух компонентов – местного финно-угорского и пришлого тюркского. Хронологические рамки культуры он определил в пределах III-IV - VII вв. (Старостин, 1967, с.29), что в настоящее время является наиболее обоснованной датировкой именьковской культуры в целом. На сегодняшний день эта работа остается наиболее полной научной публикацией по проблемам именьковской культуры.

В 1971 г. П.Н.Старостин выступил с анализом этнокультурной ситуации предболгарского

времени в Нижнем Прикамье. На конкретном археологическом материале он убедительно показал, что существует большой хронологический разрыв между городецкими и именьковскими памятниками, поэтому генетически связывать их неправомерно, как неправомерно и включать именьковские памятники в область т.н. позднегородецкой культуры (Старостин, 1971, с.51). Не отрицая финно-угорского компонента в именьковской культуре, он отметил, что «в основной части именьковские племена для районов Поволжья и Прикамья были пришлыми племенами, вышедшими из областей, связанных с кочевниками и скорее тюркским миром» (Старостин, 1971, с.53). Вместе с тем он отмечал, что определение этноса именьковских племен еще требует дальнейшего изучения.

В 1985 г. в обобщающей статье, посвященной анализу именьковских погребальных памятников, П.Н.Старостин отказался от идеи о восточных параллелях и основных истоках именьковской культуры. В то же время он отметил, что и высказанная Г.И.Матвеевой идея о генетической связи именьковской культуры с зарубинецкой нуждается в подкреплении фактическими материалами (Старостин, 1986, с.100-101).

Со своей концепцией этнической принадлежности населения именьковской культуры с начала 1970-х гг. выступал казанский археолог А.Х.Халиков. Первоначально он уверенно говорил о тюркоязычной принадлежности именьковского населения и утверждал, что в результате смешения именьковских и азелинских групп началось формирование древнечувашских племен. Основываясь на наблюдениях языковедов, выделяющих значительное число древнейших тюркских заимствований чувашского типа в марийском языке, он связывал их именно с периодом именьковско-азелинских контактов (Халиков, 1971, с.20). В дальнейшем А.Х.Халиков признал преимущественно западное и юго-западное происхождение именьковской культуры. Ее истоки он видел в Днепровском левобережье, в зарубинецко-черняховской среде (Халиков, 1986, с.79). По мнению исследователя, на рубеже VII-VIII вв. «основная масса именьковского населения под натиском мадьяр-венгров с востока и ранних болгар с юга вынуждена была покинуть Среднее Поволжье и отойти на прежнюю территорию обитания, в лесостепное левобережье Поднепровья,

где в конце VII – начале VIII вв. начинают функционировать памятники вольтинцевского типа» (Халиков, 1986, с.83).

В 1969 г. с образованием Куйбышевского (ныне Самарского) университета в соответствии с научными интересами профессора СамГУ Г.И.Матвеевой началось планомерное исследование памятников именьковской культуры на территории Среднего Поволжья и Приуралья. В 1970-е гг. Г.И.Матвеевой наряду с поселениями раннего железного века исследовались и именьковские памятники Самарской Луки: городища Лысая гора, Каменная Коза, Торное II, селища Ош-Пандо-Нерь II, Малая Рязань. Г.И.Матвеева первой ввела в научный оборот материалы именьковских памятников Самарской Луки (Матвеева, 1975, с.105-119). В работе 1975 г. она представила результаты исследования именьковских памятников, раскопанных в 1970-1972 гг., а также проанализировала хранившиеся в КОКМ коллекции, собранные В.В.Гольмстен на памятниках Самарской Луки. В отличие от П.Н.Старостина, который отмечал близость памятников Самарской Луки к именьковским, но первоначально не причислял их к этой культуре, Г.И.Матвеева уверенно заявила о том, что Самарская Лука входила в ареал именьковской культуры IV-VII вв. и обосновала это положение (Матвеева, 1975, с.118-119).

В 1970-е гг. раскопки селищ именьковской культуры на Самарской Луке проводились Р.М.Юнусовой (Ключниковой), Н.П.Салугиной и Л.В.Кузнецовой (Выползовское I, Муромское I, Водозаборное, Кармалинское, Жигули II). Опубликована только краткая информация об этих работах.

Керамический материал большинства исследованных в 1970-е гг. памятников фрагментарный, индивидуальные находки немногочисленны и не выразительны. По этой причине выделить именьковский горизонт от предыменьковского на исследованных небольшой площадью памятниках не представляется возможным.

В 1977-1978 гг. С.А.Агаповым, В.И.Пестриковой и Н.П.Салугиной исследовалось селище Славкино I в Сергиевском районе. Материалы раскопок были опубликованы, причем авторы публикации, датировавшие памятник III-IV вв. н.э., отметили отличие полученных материалов от собственно именьковских. Это послужило основанием для выделения славкинского типа памятников, отличающихся от именьковских

наличием специфических форм керамических сосудов, пряслиц, малой насыщенностью территории поселения хозяйственными сооружениями, костями животных и рыб. Авторы раскопок затруднялись в определении этнической принадлежности славянского населения, предполагая определенное воздействие на него степной (сарматской) культуры и связь с именьковскими памятниками на поздних этапах развития славянских памятников (Агапов и др., 1981, с.118-119). Более конкретные выводы сделать было невозможно, материалы Славянского селища были не выразительными, а памятники этого круга до последнего времени стационарно не исследовались.

В 1980-81 гг. Г.И.Матвеева продолжила раскопки селища Ош-Пандо-Нерь у с.Шелехметь на Самарской Луке. В публикации материалов первых лет исследования памятника авторы раскопок отнесли поселение к числу позднейших памятников именьковской культуры и обосновали его датировку VI-VII вв. В статье подчеркивалась близость керамического комплекса селища Ош-Пандо-Нерь керамике зарубинецкой культуры (Ключникова, Матвеева, 1985, с.142-144). Особое значение имело выявление на территории памятника грунтового могильника новинковского круга, что автоматически ограничивало верхнюю дату поселения концом VII в.

В 1981 г. Г.И.Матвеева опубликовала статью «О происхождении именьковской культуры», в которой она, подробно разобрав все гипотезы о происхождении именьковской культуры, указала на их недостатки. Впервые обратив внимание исследователей на сходство погребального обряда, керамики, украшений, топографии и планиграфии поселений именьковской и классической зарубинецкой культур, Г.И.Матвеева положила начало плодотворным поискам западных параллелей именьковской культуре (Матвеева, 1981, с.52-73).

Стоит отметить, что гипотеза Г.И.Матвеевой о зарубинецких истоках именьковской культуры долгое время не находила поддержки у исследователей. Так, К.В.Каспарова, отмечая сходство именьковской и зарубинецкой культур, отметила наличие значительного хронологического разрыва между ними, что, несомненно, являлось слабым звеном в предлагаемой гипотезе (Каспарова, 1986, с.17).

В 1981 г. А.В.Растороповым были проведены раскопки городища Лбище на Самарской

Луке. В предварительной публикации материалов раскопок автор отметил близость керамического комплекса городища Лбище и именьковских памятников. Вслед за Г.И.Матвеевой он обратил внимание на наличие среди новых материалов характерных особенностей керамики и домостроительства населения зарубинецкой культуры. Вывод автора о том, что городище Лбище является своеобразным связующим звеном между именьковскими и зарубинецкими памятниками, соответствовал высказанному ранее Г.И.Матвеевой предположению о генетической связи этих культур (Расторопов, 1985, с. 105-106). Таким образом, стала ясна принципиальная значимость этого памятника для выяснения этногенетических процессов в Поволжском регионе.

Исследование городища Лбище в 1982-84 гг. продолжила Г.И.Матвеева. В публикациях 1990-х гг., характеризуя памятники лбищенского типа как раннеименьковские, она подчеркивает их близость памятникам верхне- и среднеднепровского вариантов классической зарубинецкой культуры. Хронологический разрыв между временем бытования городища Лбище и указанных памятников Г.И.Матвеева объясняет тем, что оторвавшаяся от основного этнического массива группа племен дольше сохраняет свои этнические традиции в материальной культуре (Матвеева, 1998, с.91).

В 1984-85 гг. Г.И.Матвеевой были проведены небольшие раскопки городища Кармалы на Самарской Луке. Особый интерес вызвала находка в одном из хозяйственных комплексов на городище денежно-вещевого клада, датированного по монетам серединой VI в. Авторы публикации, введя в научный оборот материалы раскопок, особое внимание уделили анализу позднеасанидских драхм. Анализ клада и целый ряд наблюдений позволил сделать вывод об отсутствии у племен именьковской культуры денежного обращения. Кроме того, были сделаны предположения о направлении торговых путей иранских купцов в Поволжье (Матвеева, Морозов, 1991, с.176-177).

В 1980-90-е гг. Г.И.Матвеева осуществила исследования Переволокского городища, Бахловского селища на Самарской Луке, городища Старая Майна в Ульяновской области. Материалы исследований на Самарской Луке не опубликованы, комплексы Старо-Майнского городища частично введены в научный оборот (Матвеева, 1993; Богачев, 1991).

С 1991 г. раскопки раннесредневековых поселенческих памятников на территории Самарской области проводятся автором. Были исследованы селища Новинки I, Новинки V, Карлинское I на Самарской Луке (Сташенков, 1993; 1994; 1995; 1996; 1997); селища Тимяшево I и Крепость Кондурча II в Шенталинском районе, селище и могильник у с.Сиделькино (Сташенков, 1996, с. 224-227; 2000; 2002), городище и селище у д.Пролетарий в Челно-Вершинском районе (Сташенков, 1997).

Из работ последних лет стоит отметить проведившиеся в 1993-96 гг. Г.И.Матвеевой, Р.С.Багаутдиновым, М.С.Седовой, В.А.Скарбовенко работы на селище Ош-Пандо-Нерь.

В 1998-2001 гг. экспедициями Самарского университета и Самарского педагогического университета под руководством М.С.Седовой, В.А.Скарбовенко и В.Н.Мышкина были проведены масштабные исследования селища Подгоры I на Самарской Луке. Среди разновременных комплексов на памятнике были обнаружены материалы именьковского и предыменьковского времени, судя по которым, поселение существовало с I-III по VII вв. Результаты исследований еще не опубликованы.

В 2002-2003 гг. Г.И. Матвеева продолжила исследование городища Лбище. Исключительно важным представляется выявление на памятнике керамических и вещевых комплексов позднесарматского круга, свидетельствующих об этнокультурной неоднородности обитателей городища (Матвеева, 2003, с.25-26, рис.1).

Новые материалы, полученные при раскопках последних лет, позволили заняться изучением отдельных аспектов именьковской проблематики.

Вышедшая в 1998 г. обобщающая статья казанского палеозоолога А.Г.Петренко «К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н.э.» дополняет имеющиеся археологические свидетельства о сложных путях формирования именьковской культуры. Автором был проанализирован остеологический материал, собранный в регионе за последние 30 лет. Сравнив остеологические комплексы, происходящие с различных территорий, А.Г.Петренко делает вывод о своеобразии именьковского остеологического комплекса и его отличии от синхронных комплексов кушнаренковской и мазунинской культур. Интересны наблюдения автора об отличии лбищенского и собственно именьковского остеоло-

гического комплекса (Петренко, 1998, с.208). Материалы западного круга памятников привлекались для сравнительного анализа в ограниченном объеме. К сожалению, указанная публикация остается пока единственной обобщающей работой о древнем животноводстве народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в I тыс. н.э.

Исследованием технологии железодельного производства именьковского населения занимается Ю.А.Семыкин. В 1986 г. в статье «О металлургических горнах именьковской культуры», посвященной результатам исследования в 1983 г. металлургического комплекса южнее с.Кармалы на Самарской Луке, он, описав стратиграфические условия памятника, дал реконструкцию горна и обосновал его именьковскую принадлежность. Остановившись на истории изучения черной металлургии племен именьковской культуры, на основании выявившихся конструктивных особенностей ямного горна у с.Кармалы и наземных горнов, исследованных в Татарстане, автор сделал предположение о том, что они могут служить хронологическим признаком (но в то же время не отвергалась и возможность локальных различий) (Семыкин, 1986, с.134-135).

В 1997 г. Н.А.Лифанов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную вопросам домостроительства племен именьковской культуры. В своей работе он повторяет высказанное ранее Г.И.Матвеевой (Матвеева, 1993, с.169) мнение о том, что типы именьковских построек не имеют сходства с жилищами финно-угорских общностей железного века Прикамья, и находят аналогии среди «культур полей погребений» (Лифанов, 1997, с.14-15), указывая, таким образом, на исходные районы миграции именьковского населения.

Первой работой, специально посвященной хронологии именьковской культуры, является статья А.В.Богачева «О верхней хронологической границе именьковской культуры», где автор на основании немногочисленных монетных находок и анализа поясной гарнитуры сделал вывод о прекращении существования именьковской культуры в последней трети VI в. (Богачев, 1995, с.20). Однако выбор для анализа именно этих категорий вещей не вполне удачен, т.к. автор не учитывает особенностей погребального обряда, вероятного отсутствия традиции ношения «боевых поясов» и монетного обращения у населения именьковской культу-

ры, а сам вывод не подкреплен анализом массового археологического материала.

Совершенно противоположную точку зрения на хронологию именьковской культуры высказал Е.П.Казаков, изучающий преимущественно погребальные памятники именьковской культуры на территории Татарстана. Он утверждает, что именьковская культура окончательно сформировалась только в середине VI в. При этом он подчеркивает органическую связь именьковских и турбаслинских древностей и указывает на восточные истоки оставившего их населения. В носителях турбаслинско-именьковских древностей Е.П.Казаков видит хионитов, которых он считает последними индоиранцами в Урало-Поволжье. По мнению исследователя, после VII в. часть этого населения была тюркизирована или вошла в состав такой своеобразной этнической группы, как буртасы (Казаков, 1998, с.110-111).

В 2001 г. в связи с развернувшейся дискуссией о хронологии именьковских древностей Г.И.Матвеева дополнительно обосновала хронологические рамки культуры в пределах IV-VII вв. По ее мнению, только в Приуралье именьковское (романовское) население доживает до VIII в., когда окончательно ассимилируется турбаслинскими и кушнаренковскими племенами (Матвеева, 2001, с.187).

Материалы многолетних исследований дали возможность Г.И.Матвеевой подвести некоторые итоги исследования именьковских памятников региона.

В 1986 г. в статье «Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье» Г.И.Матвеева дала свою периодизацию этнокультурной истории Поволжья. Первую, наиболее раннюю группу памятников, оставленных пришедшим с запада населением, по ее мнению, составляют поселения славянского типа, открытые в бассейне р.Кондурчи в окрестностях с.Славкино Сергиевского района Самарской области. Г.И.Матвеева считает, что топография поселений, типы жилищ, керамики и других изделий сближают эти памятники с пшеворским поселением Подберезцы в Верхнем Поднепровье. Однако необходимо отметить, что раскопок на поселениях славянского типа, кроме раскопок эпонимного памятника, долгое время не проводилось, что сужало источниковую базу исследований. Кроме того, встречающаяся с этих пор в публикациях информация о жилищах Славянского селища (см., напр., Матвеева, 2000, с.96; Лифанов, 1997, с.6; Седов, 1994, с.309) не вполне

корректна - достоверно не известно ни одной жилой постройки с этого памятника и авторы раскопок зафиксировали только скопления керамики, которые могли отмечать слабоуглубленные в землю сооружения (Агапов и др., 1981, с.110, рис.2, 1). Отсутствие на Славкинском I селище четких хронологических индикаторов затрудняет его датировку, но близость обнаруженных там пряслиц и имеющегося керамического набора к материалам селища Подберезцы дало основание Г.И.Матвеевой предполагать их одновременность и датировать памятники славянского типа I-III вв. н.э. (Матвеева, 1986, с.161). На основании вышесказанного она сделала вывод о миграции пшеворских племен в Среднее Поволжье в конце I века н.э. (Матвеева, 1986, с.164).

К более позднему времени (III-IV вв. н.э.) Г.И.Матвеева отнесла памятники лбищенского типа, принадлежащие, по ее мнению, переселившемуся в Поволжье смешанному зарубинецко-пшеворскому населению (Матвеева, 1986, с.162-164).

По мнению Г.И.Матвеевой, в середине V в. часть населения с территории пшеворской культуры переместилась в Поволжье и приняла участие в формировании именьковской культуры (Матвеева, 1986, с.164).

В основных чертах эта периодизация этнокультурной истории Среднего Поволжья была воспроизведена Г.И.Матвеевой в разделе коллективной монографии «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье» (Матвеева, 2000). Касаясь вопроса о дальнейших судьбах именьковской культуры, она отмечает, что в VII в. часть именьковцев ушла на запад – на левобережье Днепра, где приняла участие в сложении волынецкой культуры, а другая часть, оставшаяся в Поволжье, вошла в состав формирующейся болгарской народности (Матвеева, 2000, с.124).

Итоги изучения именьковской культуры были подведены Г.И.Матвеевой в учебном пособии «Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура» (Матвеева, 2003), в котором дана подробная характеристика самой культуры и проблем, связанных с ее изучением.

Точка зрения о славянской принадлежности именьковской культуры, впервые подробно обоснованная Г.И.Матвеевой, утвердилась в археологической науке во многом благодаря В.В.Седову. С начала 1990-х гг. в целой серии своих работ он выступил с анализом именьков-

ских материалов. Выдающийся славист считал весьма существенным вклад именьковского населения в сложение волынцевской археологической культуры в Среднем Поднепровье, а использование ретроспективного метода дало ему основание говорить о принадлежности именьковского населения к славянскому этносу. Говоря о миграции основной части населения под натиском кочевых приазовских племен, В.В.Седов вместе с тем утверждал, что какие-то именьковские группы сохранились в отдельных районах Поволжья и в раннеболгарское время (Седов, 1994, с.315).

Идею о существенном вкладе населения именьковской культуры в сложение волынцевской культуры поддержал и О.М.Приходнюк. Он отмечает, что волынцевский керамический комплекс не имеет местных корней, нет ему аналогов и среди древностей Западной, Южной и Северной Европы. Близкий волынцевскому керамический набор он видит в материалах именьковской культуры. Само переселение именьковского населения в Поднепровье О.М.Приходнюк рассматривает не как одноразовый, а как постепенный процесс, в ходе которого «население сумело сохранить свои основные этнокультурные черты, хотя не обошлось и без их трансформации» (Приходнюк, 1998, с.76). По мнению этого исследователя, в Поднепровье часть именьковских групп появилась уже с новой культурой волынцевского типа, а основная часть именьковского населения растворилась среди других народов, через территорию которых пришлось проходить.

К точке зрения о славянской принадлежности населения именьковской культуры присоединились и авторы совместной работы «Праславянские племена в Поволжье» С.Г.Кляшторный и П.Н.Старостин, также использовавшие в своих этнокультурных построениях не только археологические материалы, но и метод исторической ретроспективы (Кляшторный, Старостин, 2002, с.210-217).

Именьковскую культуру как славянскую рассматривают и ижевские археологи Т.И. Останина (Останина, 2002, с.53) и Р.Д.Голдина (Голдина, 1999, с.261, 266, 277).

Можно утверждать, что в последние годы в археологии утвердилась точка зрения если не о славянской принадлежности, то, по крайней мере, о значительном «славянском» компоненте в именьковской культуре.

Однако, пожалуй, слишком категоричным выглядит утверждение Г.И.Матвеевой о том,

что «в основной части именьковского ареала субстратом явилось лбищенское население» и что «исключительное единообразие именьковской культуры на всей ее территории свидетельствует о ее моноэтничности» (Матвеева, 1997, с.216).

Не случайно известный археолог-славист В.Д.Баран, хотя и заявил о принадлежности именьковской культуры к числу 5 археологических культур V-VII вв., связанных со славянами, все же отметил, что проблема этнической принадлежности памятников именьковской культуры требует дальнейшего изучения. Справедливо его замечание, что «некоторая близость их керамических форм к посуде волынцевских памятников не решает полностью проблемы их славянской принадлежности... Подкупает некоторая близость именьковских памятников к киевским древностям, особенно в домостроительстве и погребальном обряде. Однако сомнительными можно считать смелые попытки В.В.Седова подвести под все это пшеворскую основу... Нам кажется, что решение этих проблем как на восточном, так и на западном крыле славянского мира в раннем средневековье больше зависит от изучения местного компонента и ближайшего окружения. Тем более, что ни одна культура римского времени, в том числе киевская и пшеворская, не была моноэтничной» (Баран, 1997, с.154).

Возможно, полиэтничностью культур римского времени объясняется дискуссионность результатов, к которым приходят исследователи в ходе поисков основного этнического компонента в именьковской культуре.

Еще в 1980-е гг. Н.П.Салугина опубликовала серию статей с результатами технико-технологического анализа керамики преимущественно с именьковских поселенческих памятников Самарского Поволжья (Салугина, 1985; 1986а; 1986б; 1987; 1988). Важен ее вывод о том, что именьковская культура – многокомпонентное, вероятно, многоэтничное объединение, сложившееся на основе взаимодействия нескольких групп населения (местного постгородецкого, пришлого западного и пришлого же приуральского) (Салугина, 1988, с.141). В работе 2000 г. она делает заключение, что в формировании внешне культурно однородного населения «приняли участие как минимум две группы населения: продолжатели местных (городецких - Д.С.) традиций и выходцы из районов распространения культур полей погребений... Нельзя отрицать и инфильтрацию каких-либо

инокультурных групп, но на настоящем уровне исследования определить их истоки не представляется возможным» (Салугина, 2000, с.238).

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что на сегодняшний день в изучении именьковской культуры остается множество нерешенных проблем. Прежде всего, дискуссионным является вопрос о происхождении и судьбах культуры. Не разработана подробная хронологическая схема памятников оседлого

населения Среднего Поволжья I тысячелетия, недостаточно изучены межкультурные и межэтнические связи населения.

Публикация новых материалов, полученных в ходе экспедиционных работ Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина, должна в какой-то мере восполнить лакуну в наших знаниях о ситуации в Поволжье накануне сложения именьковской культуры.

2.1. Археологический комплекс «Царев курган»

Царев курган представляет собой высокий отдельно стоящий холм, расположенный на левом берегу р.Волги к северу от устья реки Сок в непосредственной близости от г.Самары (рис.1). Холм входит в систему Соколых гор, которые в свою очередь являются отрогами Жигулей.

Царев курган сложен из известняков, залегающих непосредственно под почвенным слоем. В 1768 г. Царев курган посетил руководитель академической экспедиции И.И.Лепехин, записавший в своем дневнике, что «верх сего Кургана плоский, и к полудню видны на нем остатки небольшого земляного вала» (Лепехин, 1795, с.251-252). Наличие на вершине Царева кургана вала позволяет рассматривать памятник как городище. В XIX в. вершина холма распаивалась, затем задерновалась.

В конце XIX в. на Царевом кургане начались разработки карьера по добыче известняка. Особенно активно велась добыча камня в 1938 г. в связи с началом строительства плотины Волжской ГЭС.

В августе 1938 г. в зоне предполагаемого загопления проводились масштабные археологические разведки. Карьер на Царевом кургане был осмотрен сотрудниками экспедиции Института истории материальной культуры и Куйбышевского областного музея краеведения под руководством А.В.Збруевой. Она выяснила, что во время земляных работ на вершине горы рабочие обнаружили несколько безымянных погребений. Три скелета лежали в вытянутом положении, головами на запад и юго-запад (к Волге). Одно захоронение было совершено в скорченном положении. Захоронения были выявлены на глубине около 80 см от поверхности. Планы и фотографии погребений не сохранились.

Рабочими были найдены также бронзовые предметы – вислообушный топор, ножи, браслеты, долота, серпы, тесло, а также фрагменты керамики эпохи бронзы и раннего железного века и кости животных (Царев курган, 2003).

В середине южной половины площадки на вершине Царева кургана был заложен раскоп площадью 190 кв.м (рис.2).

Культурный слой мощностью около 40 см состоял из рыхлой темно-окрашенной супеси с включением гумуса и мелкого щебня. Под слоем с культурными остатками залегала тонкая прослойка известкового щебня в светлом серовато-желтом слое толщиной около 10 см. Под ней начинался слой известняка (рис.3).

Культурный слой был насыщен фрагментами глиняной посуды и костей животных, причем наибольшее количество находок встречалось на глубине 20-30 см. Мощность культурного слоя уменьшалась по направлению с востока на запад. В западной части раскопа он едва достигал 25 см (Збруева, 1938).

Долгое время коллекция из Царева кургана в полном объеме оставалась неопубликованной. В 2003 г. коллективом авторов был подготовлен каталог коллекции, в котором были проанализированы все категории находок, относящиеся к различным хронологическим периодам (Царев курган, 2003). Однако в связи с особой значимостью для Самарского Поволжья выявленных на Царевом кургане поселенческих материалов первых веков н.э. представляется необходимым в настоящей публикации дать подробное описание находок этого времени.

В ходе раскопок 1938 г. каких-либо сооружений на раскопе не выявлено, однако анализ музейной описи коллекции позволяет отметить, что основная масса индивидуальных находок (пряслиц) из раскопа и фрагментов керамики происходит из одного участка размерами 8 x 4 м, в центре которого находился развал миски (рис.9, 1). Культурный слой там был чуть более мощным и в нижней части грунт был более рыхлым, чем на соседних участках. На глубине 10-15 см на этом участке были найдены 10 миниатюрных «горшочков» (Збруева, 1938). Возможно, в этом районе располагалась небольшая наземная постройка.

Основу коллекции Царева кургана из 600 единиц хранения составляет керамика из раскопа. Большая часть керамического материала - фрагменты нелощеных мисок и горшков, украшенных защипами по венчику, которые уже в

первой публикации А.В.Збруева отнесла к скифской эпохе (Збруева, Смирнов, 1939, с.197).

Погребения на вершине Царева кургана, вероятно, также были связаны с основным слоем поселения. Остатков кремации не отмечено.

Остеологические материалы не сохранились, однако А.В.Збруева упоминала о том, что определение костей проводилось в Москве и определены кости лошади, крупного рогатого скота, овцы, свиньи, собаки, козы, медведя и бобра (Збруева, Смирнов, 1939, с.196).

Описание керамического комплекса

Керамика Царева кургана фрагментирована, целые формы практически отсутствуют, поэтому для статистики использовались фрагменты верхних частей сосудов. Для 76 фрагментов удалось определить форму сосуда. На основании находок фрагментов горловин и ручек кувшинов восстанавливаются еще как минимум 3 сосуда. Керамический комплекс памятника содержит следующие категории: миски, горшки, кувшины, диски, миниатюрные сосуды. В процентном соотношении эти категории представлены следующим образом:

1. Миски (14 экз.) – 17,7 %;
2. Горшки неорнаментированные (11 экз.) – 13,9 %;
3. Горшки орнаментированные (51 экз.) – 64,6 %;
4. Кувшины (3 экз.) – 3,8 %.

Сосуды баночной формы на памятнике отсутствуют.

Горшковидные сосуды имеют крупные и средние размеры, прямой или отогнутый наружу венчик. Диаметр верхней части установлен для 27 сосудов.

Малые сосуды (до 10 см) представлены только одним неорнаментированным горшочком. Средних - от 10 до 15 см и от 15,1 до 20 см выявлено по 5 сосудов, и крупных - диаметром более 20 см - 16 сосудов. Среди орнаментированных преобладают сосуды крупных размеров (75 %), среди неорнаментированных их всего 36,4 %.

Имеются как полностью неорнаментированные сосуды (11 экз.), так и сосуды, декорированные в основном пальцевыми вдавлениями по краю венчика (51 экз.). Декорированы крупные сосуды с отогнутым наружу венчиком.

Прямые шейки характерны только для неорнаментированных сосудов (среди них они составляют 72 %), венчики всех без исключения

орнаментированных горшков отогнуты наружу. Горшки закрытых форм отсутствуют.

Для 10 сосудов горшковидной формы установлены диаметры днищ. Размеры их варьировали от 10 до 15 см.

Систематизация материала с целью дальнейшего анализа может быть выполнена при условии реконструкции формы хотя бы верхней части сосудов. Вместе с тем необходимо отдавать себе отчет в том, что в силу фрагментарности керамического материала количественные показатели распределения сосудов по типам могут в какой-то мере отличаться от реально существовавших.

По типологии А.М.Обломского сосуды, выявленные на памятнике, относятся к следующим группам:

Класс I. Округлобюкне сосуды.

Судя по сохранившимся фрагментам, к этому классу принадлежат все без исключения горшковидные сосуды с Царева кургана. Сосуды с выраженным ребром на памятнике отсутствуют.

Тип I. (24 экз.). Сосуды с выпуклым плечиком. Все сосуды, у которых удастся реконструировать форму плечика, относятся только к этому типу.

Вариант I.1.а. (2 экз.). Шейка отогнута наружу.

Вариант I.1.б. (7 экз.). Шейка прямая, вертикальная. Вся керамика этой группы не орнаментирована.

Вариант I.1.в. (15 экз.). Шейка прямая, отогнута наружу. В этот вариант в основном входят сосуды с конической раструбообразной верхней частью. Горшки этой группы составляют основную часть керамического комплекса Царева кургана. Все они орнаментированы пальцевыми вдавлениями (большая часть) или насечками по венчику. Остальная поверхность сосудов не орнаментирована. Диаметр сосудов по венчику от 13 до 26 см, плечо покато. Вероятно, наибольшее расширение тулова приходится на среднюю часть. С внутренней стороны в месте перехода шейки в тулово имеется или выраженное ребро, или характерное утолщение.

По составу формовочной массы и характеру обработки поверхности сосудов визуально определено несколько групп сосудов. По отобранным образцам к.и.н. Н.П.Салугиной, с.н.с. Института истории и археологии Поволжья, были выполнены технологические определения (автор приносит ей глубокую благодарность за

постоянную помощь в работе с керамикой памятников предыменьковского и именьковского круга). По составу формовочной массы среди горшковидных сосудов выделяется пять групп с различной традицией отбора сырья:

1. Самая многочисленная группа - керамика с заглаженной поверхностью желто-коричневого цвета (видимо, в основном эта керамика относится к варианту I.1.в). В изломе черепок желтого цвета, иногда в средней части фиксируется серая прослойка. Черепок рыхлый. В составе формовочной массы наблюдается дробленая кальцинированная кость в концентрации 1:5 - 1:6, мелкий и средний шамот в концентрации 1:4, фиксируются очень мелкие органические отпечатки (возможно, навозная выжимка). В самой глине наблюдаются естественные включения бурого железняка. Толщина стенок сосудов этой группы около 1 см. Поверхность некоторых сосудов этой группы «мажущаяся».

2. Вторая группа менее многочисленна - также керамика с заглаженной поверхностью коричневого цвета (эта керамика также в основном относится к варианту I.1.в). В изломе черепок черного цвета, в наружном слое фиксируется коричневая прослойка. Черепок более плотный. В составе формовочной массы наблюдается дробленая кальцинированная кость в концентрации 1:4, мелкий шамот в концентрации 1:5, мелкие органические отпечатки (возможно, навозная выжимка). Возможно, подобная же примесь имела в шамоте. В этой группе использовалась та же пластичная жирная глина с включениями бурого железняка. Толщина стенок сосудов этой группы 0,7-0,8 см.

3. Третья группа представлена единичными фрагментами (3 фр.) - керамика с заглаженной поверхностью коричневого цвета. Черепок плотный, в изломе черного цвета. В составе формовочной массы наблюдается дробленая раковина высокой концентрации, шамот отсутствует, органики больше (возможно, использовался влажный навоз). Глина имеет естественные примесь мелкого пылевидного песка и включения более крупных частиц бурого железняка. Керамика сравнительно тонкостенная (толщина стенок 0,5-0,6 см).

4. Четвертая группа представлена фрагментами сосудов с поверхностью темно-коричневого цвета (вероятно, в основном эта керамика относится к варианту I.1.б). Черепок плотный, в изломе черного цвета. В составе формовоч-

ной массы имеется крупный (до 14 мм) шамот, мелкие органические включения, кость и раковина отсутствуют. Толщина стенок - 0,7-0,8 см. Сосуды этой группы, вероятно, представляют собой неорнаментированные горшки средних размеров, форма, характер обработки поверхности и состав формовочной массы которых близки уже к сосудам именьковской культуры, однако в них не столь заметна примесь навоза и не так явно выражена «шероховатость».

5. Пятая группа представлена фрагментами стенок сосудов с поверхностью коричневого цвета, покрытой расчесами. Черепок в изломе серого цвета, в наружном слое фиксируется коричневая прослойка. В составе формовочной массы фиксируется некалиброванный (мелкий - крупный (до 3 мм)) шамот в концентрации 1:4 - 1:5, навоз во влажном состоянии. В этой группе использовалась пластичная глина с естественными незначительными примесями мелкого пылевидного песка, включениями частиц бурого железняка и раковины. Однако керамика этой группы может относиться к более раннему хронологическому периоду, чем рассматриваемый комплекс (возможно, это фрагменты керамики белогорского типа).

Миски (14 экз.) по признаку ребристой или округлой профилировки бочка относятся к двум классам:

Класс I. Округлобокие (без выраженного ребра). Представлен единичным экземпляром лепной низкой миски диаметром около 25 см.

Тип 2. Миска со слегка отогнутой наружу шейкой и выступающим венчиком, и округлым бочком. Венчик приострен. Поверхность темно-коричневого цвета, возможно, подлощена или тщательно заглажена. Черепок плотный, в изломе серого цвета. В керамическом тесте визуально фиксируется примесь мелкого шамота и известковой (?) крошки.

Класс II. Миски с выраженным сглаженным ребром. К этому классу относится большинство мисок с Царева кургана. Все они принадлежат к типу 3 - миски с невыделенной шейкой и прямой или слегка вогнутой линией верхней части. Вероятно, эти миски сделаны или подправлены на гончарном круге. В рамках типа выделяются варианты:

Вариант II.3а - с вертикальной шейкой (цилиндро-конические). К этому типу относится большинство сосудов (9 экз.).

Подварианты: II.3a.1.

Лощеные (1 экз.). Миска черного цвета, с подгранным вертикальным венчиком, с двумя прорезными желобками. Диаметр миски по венчику 22 см, у дна – 6 см, высота – 6 см (рис.9,2). Вся внешняя поверхность миски, включая дно, покрыта лощением. Черепок плотный, в изломе черного с внешней части и серого с внутренней части цвета. Миска изготовлена на гончарном круге, о чем свидетельствуют горизонтальные полосы на ее внутренней поверхности. В керамическом тесте визуально фиксируется примесь мелкого шамота (?), кальцинированной кости и, вероятно, естественная примесь песка. Эта миска хранится вместе с остальной коллекцией и, хотя на ней отсутствует музейный шифр и она не отмечена в коллекционной описи и в предварительной публикации А.И. Збруевой и А.П. Смирнова, отнести ее к комплексу находок с Царева кургана позволяет тот факт, что в коллекции имеется еще два фрагмента чернолощенной миски, подобной вышеописанной. Сама миска синхронна основному керамическому комплексу.

Вместе с тем необходимо отметить, что в целом лощеная керамика не характерна для керамического комплекса Царева кургана. В коллекции, кроме трех описанных, есть только один лощеный фрагмент шейки и один лощеный фрагмент ручки кувшина.

Подвариант II.3a.2.

Миски желто-коричневого и коричневого цвета, тщательно заглаженные диаметром по венчику около 25 см (8 экз.). Большинство фрагментов мисок имеют двугранный или односторонний венчик.

Вариант II.3б – миски со слегка загнутой внутрь шейкой. Крупные миски (диаметр полностью реконструируемой миски по венчику 30 см, диаметр дна и высота по 9 см), желто-коричневого цвета, тщательно заглаженные.

Вариант II.3в – с отогнутой наружу шейкой (1 экз.). Диаметр миски по венчику 23 см. Миска лепная, поверхность коричневая. Край венчика закруглен и скошен внутрь. Черепок в изломе трехслойный, коричневый с серой прослойкой. В составе формовочной массы прослежена дробленая в сухом состоянии засоренная включениями минеральной крошки глина, мелкий и средний шамот в концентрации 1:5, возможно, мелкая кость в небольшой концентрации, органическая примесь в виде навозной выжимки.

Миски «конической» формы.

Судя по отсутствию в керамическом материале памятника фрагментов днищ с поддоном, все они относятся к классу I плоскодонных мисок.

Тип 1. Чашевидные, без выраженной шейки. Два фрагмента чернолощенной миски (рис.10, 1) диаметром около 23 см, с закругленным венчиком. Венчик утолщен, бортик (?) четко выражен. Черепок сравнительно рыхлый, в изломе серого цвета. Эта миска, вероятно, была изготовлена вручную. В керамическом тесте фиксируется примесь мелкого шамота в концентрации 1:5 (?), вероятно, значительная естественная примесь мелкого доломита (?), незначительная примесь кальцинированной кости и органика в виде навозной выжимки.

Тип 2. Чашевидная. Венчик плоский, края венчика выступают наружу. Лепная, диаметр около 22 см (рис.10, 3). В формовочной массе визуально фиксируется примесь мелкого шамота, известковой крошки (?), и органики, вероятно, в жидком виде. По форме и по составу формовочной массы данная миска отличается от описанных выше, поэтому с уверенностью говорить о ее принадлежности к какому-либо хронологическому горизонту из выделенных на памятнике пока не представляется возможным.

Миниатюрные сосуды – сохранился один экземпляр тонкостенного бочонковидного сосуда-горшочка (рис.11, 2). Наибольший диаметр сосуда и его высота – 4 см. Сосудик загипсован, но, судя по характеру обработки поверхности, он может быть отнесен к керамике четвертой технологической группе. В сохранившемся тексте отчета указано, что только на одном из квадратов было встречено 10 подобных сосудов, на другом квадрате было отмечено еще одно скопление миниатюрных сосудов, однако их число не указано. По музейной книге учета числится только один фрагментированный сосудик, остальные в коллекцию не поступали.

Кувшины – представлены единичным фрагментом горловины (диаметром 14 см) чернолощенного сосуда с валиком и фрагментом ручки от этого кувшина (?) с тремя канелюрами, а также двумя фрагментами ручек от сосудов, поверхность которых имеет желто-коричневый цвет (рис.8).

Глиняные диски – в коллекции сохранилось два фрагмента разных дисков-сковород с невы-

соким бортиком, орнаментированным насечками или пальцевыми вдавлениями по краю.

Возможно, на памятнике были и глиняные крышки, подобные широко известным в материалах культур первых веков н.э. Фрагмент глиняного предмета (рис.11, 1) мог быть ручкой такой крышки, или же фрагментом кубка.

Имеется в материалах и фрагмент небольшого глиняного диска (ритуальный хлебец?) (рис.7, 4). Аналогии ему имеются в материалах городищ Саратовского Поволжья первых веков н.э., причем подобные предметы появляются там еще на памятниках городищ культуры (Чардымское городище, раскопки Рыкова, 1930 г. – экспозиция Саратовского областного краеведческого музея).

Индивидуальные находки представлены пряслицами и 2 фрагментами каменных оселков с отверстиями для привешивания (рис.5, 1-2).

Пряслица (12 экз.) нескольких типов - биконические, бочонковидные, уплощенные цилиндрические.

Тип 1. Биконические (6 экз.; рис.6, 7-12). Пряслица достаточно крупные (диаметр их 29 – 34,5 мм), высокие (15-26 мм), отверстие небольшое (6,7-7,5 мм). Пропорции пряслиц: отношение высоты к диаметру пряслица – 0,51-0,87; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица – 0,22-0,25.

Тип 2. Уплощенно-цилиндрические (3 экз.; рис.6, 4-6). Диаметр пряслиц 25,2-32,8 мм, диаметр отверстия – 6-7,5 мм, высота 13,7 – 20 мм. Пропорции пряслиц: отношение высоты к диаметру пряслица – 0,51-0,63; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица – 0,23-0,26.

Тип 3. Бочонковидные – 2 экз. (рис.6, 1-2). Диаметр пряслиц 25-29 мм, диаметр отверстия – 6,3-7,4 мм, высота 26,9 – 32,5 мм. Пропорции пряслиц: отношение высоты к диаметру пряслица – 1,08-1,12; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица – 0,22-0,3.

Тип 4. Шаровидное пряслице (1 экз.; рис.6, 3). Диаметр пряслица 32 мм, диаметр отверстия 7,4 мм, высота 25,2 мм. Пропорции пряслица: отношение высоты к диаметру пряслица – 0,79; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица – 0,22. Необходимо отметить, что это пряслице не типично для памятника и его нельзя уверенно соотнести с эпохой раннего железного века.

Датировка и культурная принадлежность памятника

Аналогичные царевкурганским горшковидные сосуды с отогнутой наружу шейкой, декорированные в основном пальцевыми вдавлениями по краю венчика, известны на «скифоидных» и «сарматоидных» поселенческих памятниках в Воронежской области и других культурно и хронологически близких им памятниках верхнего Подонья (Медведев, 1998; 2000, рис.6, 1-10). Известны подобные сосуды, как декорированные вдавлениями по венчику, так и не орнаментированные, в позднесарматских погребениях Кировского I курганного могильника на Нижнем Дону, датирующихся II – первой пол. III в. н.э. (Ильюков, 2000, с.111, рис.11, 5-6). Там же находят немногочисленные аналогии практически все типы мисок (Ильюков, 2000, рис.13,1; 14,6; 24,1).

Стоит отметить, что в целом мискообразные сосуды не характерны для сарматов, и, по мнению А.С. Скрипкина, «появление этой глиняной посуды у сарматов волго-донских степей обусловлено широким изготовлением ее в ремесленно-земледельческих центрах Северного Причерноморья, в первую очередь, в меотских поселениях Кубани и в среде меото-сарматского населения Нижнего Дона. В составе глиняной посуды сарматов миски относятся к изделиям неместного производства, они поступали в степи в результате тесных экономических и политических связей сарматов с указанными районами» (Скрипкин, 1990, с.53). Интересно, что в своей публикации, посвященной хронологии и культурно-типологической позиции Кировских погребений, Ю.К.Гугуев, обращаясь к материалам позднескифских и сарматских памятников, говорит о том, что аналогии подобной миске (рис.14,6) ему не известны. Сам комплекс, в котором она найдена, им датируется в пределах сер. II – сер. III в. н.э. (Гугуев, 2000, с.145).

Аналогии подобным сосудам известны и в памятниках зарубинецкой культуры.

Близкие к царевкурганским миски типа II 4 с короткой вертикальной верхней частью (цилиндро-конические) в киевской культуре, по мнению Р.В.Терпиловского и Н.С. Абашиной, восходят непосредственно к зарубинецким прототипам. По их мнению, подобные изделия наиболее типичны для памятников I-II вв. н.э. Верхнего Подесенья типа Почепа, однако встречаются в позднесарубинецких памятниках

и на других территориях (Терпиловский, Абашина, 1992, с.57-58).

Пряслица типа 3 аналогичны пряслицам типа 1, по классификации В.М.Косяненко, встреченных в материалах некрополя Кобякова городища на Нижнем Дону. Там они появляются во второй пол. I в. н.э. и существуют до середины III в. н.э. (Косяненко, 2000, с.272). Бочковидные, высокие биконические, уплощенно-цилиндрические и шаровидные пряслица (типы 1-4) известны в материалах раннего горизонта Чертовицкого III городища на Верхнем Дону (Медведев, 2000, рис.4,5; 7, 4-5; 10, 11-15). Следует отметить, что преобладание среди пряслиц изделий биконической формы – черта, свойственная не столько сарматским и позднескифским памятникам, сколько культурам круга полей погребений. Единственное известное мне исключение – набор пряслиц Подгоренского городища в Липецкой области, где преобладают высокие биконические пряслица (Медведев, 1996, рис.3, 5-10). Но этот памятник своеобразен, вероятно, хронологически более поздний, и стоит заметить, что в его материалах, в отличие от других верхнедонских городищ, имеется группа горшковидных сосудов с примесью крупного шамота в тесте, придающего поверхности сосудов специфичный бугристый характер. Возможно, эта группа близка 4 технологической группе горшковидной керамики Царева кургана. Сооружение и функционирование Подгоренского городища А.П.Медведев относит ко времени не ранее конца II – сер. III в. н.э. (Медведев, 1996, с.120).

Ближайшие аналогии комплексу с Царева кургана имеются в материалах Алексеевского городища в Саратовском Поволжье, где встречены близкий царевокурганскому набор пряслиц, характерный комплекс орнаментированной вдавленными и защипами по венчику гор-

шковидной посуды с выраженным внутренним ребром, миски и миниатюрные сосуды (Юдин, 2001, рис.11-12; 16).

Возможно, ко времени существования поселения относятся погребения, выявленные в 1938 г., в том числе и скорченное. К сожалению, в коллекции СОИКМ им. П.В. Алабина сохранились только два черепа из погребений на вершине Царева кургана, которые были изучены самарским антропологом А.А.Хохловым. Несмотря на малочисленность выборки, можно обратить внимание на заключение А.А.Хохлова, что эти черепа «как равно отличаются от местных краниологических комплексов савромато-сармат, так и обнаруживают среди них определенные подобию по ряду морфологических черт». По мнению исследователя, индивидуальные аналогии черепам с Царева кургана можно обнаружить среди краниологических материалов скифской и некоторых других восточноевропейских культур, в том числе и зарубинецкого круга, однако даже близкое морфологическое сходство отдельных черепов может быть объяснено и явлением конвергентности (Хохлов, 2003а, с.82).

На основании имеющихся материалов представляется возможным датировать основной слой Царева кургана второй половиной I – первой половиной III вв. н.э., хотя не исключено, что некоторые формы керамики могут встречаться и в более раннее время. Население, оставившее памятник, генетически не связано с предшествующими поволжскими культурами и, вероятно, было родственным населению, оставившему памятники позднескифского круга в Нижнем Подонье. Примечательно, что еще в первой публикации А.В.Збруева сопоставила царевокурганские находки именно с материалами скифских поселений, правда, более раннего времени (Збруева, Смирнов, 1939, с.197).

2.2. Памятники царевокурганского круга в Самарском Поволжье

Для Самарского Поволжья Царев курган является единственным поселенческим памятником I-III вв. с хорошо выраженным культурным слоем, исследованным в ходе археологических раскопок. Однако отсутствие достоверной информации о погребальном обряде и домостроительстве населения, оставившего этот памятник, вынуждает нас оставить открытым вопрос о том, является ли Царев курган опорным памятником для выделения особой культурно-хронологической группы памятников Среднего Поволжья, или же он принадлежит к общности позднескифских памятников Верхнего Подонья и Саратовского Поволжья. Вместе с тем для Самарского Поволжья Царев курган представляет собой новый тип памятников, и поэтому для Самарского региона необходимо определить критерии выделения памятников царевокурганского типа. В качестве таких критериев могут выступать следующие признаки:

1. Преобладание в керамическом материале крупных (с диаметром венчика более 20 см) сосудов горшковидной формы с раструбообразным расширением и четко выраженным внутренним ребром, орнаментированных пальцевыми вдавлениями по венчику.

2. Наличие пряслиц бочонковидной и уплощенно-цилиндрической формы. Биконические пряслица, в основном неорнаментированные, имеют высокие пропорции. Для всех типов пряслиц этой группы памятников характерно небольшое (до 0,75 см) отверстие, что для Самарского Поволжья является важным хронологическим признаком.

3. Наличие в керамическом комплексе памятника большого числа мисок острорезных форм, с невыделенной шейкой и прямой или слегка вогнутой линией верхней части.

4. Наличие в формовочной массе значительной части сосудов примеси дробленой кости или раковины.

Немногочисленные материалы царевокурганского круга выявлены на многослойных па-

мятниках, расположенных на Самарской Луке. Фрагменты специфических раструбообразных горшковидных сосудов с пальцевыми вдавлениями по венчику и пряслица бочонковидной формы, а также специфические биконические пряслица с небольшим отверстием имеются в материалах Подгорского I и Шигонского селищ (пользуясь случаем, приношу благодарность сотрудникам археологической лаборатории СГПУ В.Н.Мышкину и О.В.Кузьминой за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами раскопок), селища и городища Лбище (раскопки Г.И.Матвеевой и И.Б.Васильева), Новинковского V селища (раскопки автора) (рис.22). Комплексы царевокурганского типа, несомненно, будут выявлены в Самарском Поволжье (в первую очередь на Самарской Луке) и при последующих исследованиях, но в любом случае это будут единичные памятники, оставленные сравнительно немногочисленным населением.

В II-IV вв. в Самарском Поволжье появляется новая группа оседлого населения, которая не была связана с населением, оставившим памятники типа Царев курган и, видимо, принадлежала к иной культурной среде.

В материальной культуре памятников периода сложения именьковской культуры (селища Сиделькинское II, Крепость Кондурча II) находят параллели только отдельные традиции, зафиксированные на Царевом кургане (орнаментация части венчиков горшков пальцевыми защипами, наличие керамики с примесью дробленой кости, специфическая обработка поверхности сосудов, эпизодическое использование нелощенных кувшинов и т.д.). Это дает основание предполагать, что лишь часть «царевокурганского» населения могла принять участие в генезисе именьковской культуры в Среднем Поволжье как один из многих компонентов.

Вместе с тем отметим, что памятники V-VII вв., в материалах которых были бы представлены комплексы царевокурганского круга, на сегодняшний день не известны. С большой долей вероятности можно утверждать, что непосредственного продолжения в собственно именьковских древностях памятники типа поселения Царев курган не имели.

ГЛАВА 3. ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ III-V ВВ.

3.1. Комплекс памятников у с. Сиделькино

В настоящее время у с. Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области известно несколько археологических памятников рубежа раннего железного века - раннего средневековья, расположенных вдоль р. Большой Черемшан: селищ Сиделькино I площадью 4,2 га, Сиделькино II площадью 3 га, Сиделькино III площадью 4,2 га, Сиделькино IV площадью 4,8 га (рис.23).

Правобережье р. Большой Черемшан (левый приток р. Волга) представляет собой высокую террасу, возвышающуюся над широкой поймой реки, сложенную пермскими отложениями. Ее поверхность имеет полого-увалистый рельеф с крутыми склонами, в окрестностях с. Сиделькино участок террасы вдаётся в пойму и представляет собой холм, имеющий местное название «гора Маяк». Высота его около 40 м над урезом реки Большой Черемшан. Выступ высокого коренного берега спускается к пойме реки, имеющей в этом месте ширину до 5 км.

В 1995-2002 гг. экспедиция Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина проводила охранные исследования грунтового могильника Сиделькино I и Сиделькинского II селища, расположенных на вершине и восточном склоне горы Маяк (Сташенков, 1996; 2003; Кочкина, Сташенков, 2002). Исследования проводились на шести раскопах общей площадью 406 кв.м. Памятник многослойный. Основной материал относится к рубежу раннего железного века-средневековья, однако здесь же располагались кратковременное поселение и грунтовой могильник эпохи мезолита (Кузнецова и др., 2004).

С 1980-х гг. на территории памятника разрабатывается карьер по добыче щебня. В 1991 г. в обнажении карьера было обнаружено и исследовано разрушенное погребение, совершенное по обряду трупосожжения (погр. 1), в 1995 г. на памятнике был заложен раскол 1, в котором выявлены остатки двух разрушенных безинвентарных погребений, совершенных по обряду трупоположения (рис.24-26).

Раскопы 2-6, расположенные у восточного склона горы, примыкали к карьере. В настоящее время территория раскопов 1-2 уничтожена карьером.

Мощность культурного слоя составляла 30-60 см. Стратиграфия следующая:

1. Дерн - 5 см
2. Чернозем – гумусовый горизонт, черного и темно-серого цвета, комковато-призматической структуры, с включением известковой крошки, обильно пронизан норками. Мощность слоя до 20-25 см. Находки содержатся в основном в этом слое.
3. Гумусированный суглинок, крупчатый, рыхлый, с обилием известковой крошки желтовато-серого цвета, практически без находок. Мощность слоя 15-20 см.
4. Светло-охристый, красно-коричневый суглинок с обилием карбонатных пород. Этот слой мощностью до 15-25 см прослеживается не на всех участках раскопов.
5. Материк – щебень (на раскопе 6 и 3) или желто-коричневый суглинок.
6. В ряде случаев культурный слой перекрывался старым слоем отвала карьера, состоящим из известнякового щебня или пестроцвета.

Сразу после снятия дернового слоя встречены фрагменты костей животных и керамики. Находки сосредоточены преимущественно на I - 2 штыках. Керамика и кости сильно измельчены, что связано со спецификой образования культурного слоя на карбонатных почвах.

Погребение 1.

В 1991 г. в обнажении карьера было исследовано разрушенное погребение 1, совершенное по обряду трупосожжения (рис.26, 1). Захоронение произведено в округлой яме диаметром придонной части 80 см, углубленной в материк на 50 см. На дне ямы были выявлены остатки погребения - зольная полоса шириной 5-8 см с включением небольшого количества мелких кальцинированных костей, пересекавшая яму с севера на юг почти по центру. В засыпи могильной ямы на разных уровнях были встречены единичные мелкие фрагменты стенок лепных сосудов, однако определить точно,

связаны ли они с погребальным комплексом или попали в яму из культурного слоя, не представляется возможным.

Раскоп 1.

В 1995 г. на памятнике в зоне разрушения был заложен раскоп 1 площадью 26 кв.м (рис.24). В раскопе исследованы остатки двух погребений, совершенных по обряду труположения.

Погребение 2 (рис.26, 2). Выявлено в слое желтой глины. Очертания могильной ямы не прослеживались. Погребение, ориентированное на СВ, принадлежало мужчине 35-45 лет. Погребение было разрушено, возможно, преднамеренно. От костяка сохранилась часть черепной коробки, нижняя челюсть, часть таза и уложенные между ними в строгом порядке кости ног и рук (возможно, кости были "упакованы"). Возле погребения встречены мелкие фрагменты именковской керамики.

Погребение 3 (рис.26, 3), выявленное в слое желтой материковой глины, принадлежало женщине 20-30 лет. Погребение разрушено. Сохранились разрозненные фрагменты черепной крышки (затылочная часть) и кости рук. Какой-либо закономерности в расположении костных остатков не прослежено.

В первой публикации материалов раскопок у с.Сиделькино (Сташенков, 1996) описанные выше погребения были отнесены к именковской культуре, и могильник трактовался как биритуальный. Однако в последующие годы на памятнике были выявлены захоронения мезолитического времени, и с уверенностью говорить о хронологической привязке погребений, исследованных на раскопе 1, без более тщательного анализа не корректно.

В отвале карьера у раскопа 1 найден лепной горшок высотой 8,5 см (рис.25). Диаметр венчика 13 см. Венчик слегка отогнут наружу, край его закруглен. Стенки сосуда чуть выпуклые, его наибольшее расширение - 14 см - приходится на среднюю часть. Толщина стенок - 0,6-0,8 см. Дно плоское с едва заметными закраинами, диаметр днища 12 см. Поверхность сосуда тщательно заглажена и подлощена. Цвет сосуда - коричневый, в изломе черепок черного цвета. В тесте прослеживается примесь шамота и, вероятно, органики. Следует отметить высокую плотность черепка и некоторую приземистость пропорций сосуда, что в целом не присуще массовой керамике имен-

ковской культуры, хотя единичные сосуды таких пропорций на именковских памятниках встречаются - например, на Щербетьском острове I селище (Старостин, 1967, табл.25, 3). Аналогия сосуду имеется в материалах Шокшинского могильника (неопубликованные материалы из раскопок В.Н.Шитова хранятся в ГИМе), однако и там это единичный сосуд, а его форма не характерна для керамического комплекса рязано-окских памятников. Имеется типологически близкий сиделькинскому сосуд в погребении ба Ражкинского могильника в Пензенской области (Полесских, 1991, рис.4, 1), датированного М.Р. Полесских IV-V вв.

Раскоп 2.

Раскоп площадью 20 кв.м заложен в южной части памятника (рис.28, 30). Под переотложенным слоем пестроцвета и гумуса из отвалов карьера частично сохранился культурный слой мощностью 20-40 см. На уровне 20-30 см от поверхности в золистом заполнении встречены неполные развалы глиняных лепных сосудов, залегавших на одном уровне в виде нескольких скоплений. В этом горизонте изредка встречались отдельные кости животных (лошади и коровы). Характер развалов дает основание считать, что они не засыпались землей сразу. Анализ распределения вещевого материала и золистого слоя по площади раскопа позволяет предположить наличие здесь какой-то наземной деревянной постройки, возможно, навеса.

После снятия 2 штыка на уровне 40 см от поверхности была проведена зачистка. После зачистки в северной и центральной части раскопа фиксировалось сплошное золистое пятно. После серии зачисток и разбора керамических скоплений выяснилось, что развалы сосредоточены в основном над сооружениями № 2, 3, 5-10. Несколько ямок - №4, 11-12, возможно, являлись столбовыми.

Сооружение 1 выявлено в западной части кв.1. Заполнение в слое гумуса не прослежено. Предположительный диаметр сооружения округлой формы 30-35 см. В материк оно было углублено на 5-10 см. Дно сооружения ровное, стенки отвесные. В заполнении нижней части фиксировались золистые включения. В верхней части заполнения обнаружены неполные развалы двух сосудов и плоское пряслице из стенки сосуда. Пряслице неправильной округлой формы диаметром 3,5 см изготовлено из стенки лепного сосуда (рис.31, 2). Толщина стенки -

0,9 см. В тесте фиксируется примесь шамота и органики.

Сосуды из сооружения реставрированы (рис.31, 3-4). Крупный высокий горшковидный сосуд с бугристой поверхностью имеет примесь в глиняном тесте среднего и крупного шамота и органики. Диаметр верхней части около 30 см, венчик слабо отогнут наружу, плечико почти не выражено. Поверхность миски (или горшка? - венчик отсутствует) тщательно заглажена. В глиняном тесте фиксируется примесь шамота и органики. Диаметр днища 10 см, диаметр наибольшего расширения в верхней части около 17 см.

Вероятно, сооружение представляло собой погребение, совершенное по обряду кремации.

Сооружение 2 представляло собой яму округлой формы диаметром 40 см, углубленную в материк на 18 см. Дно ровное, стенки отвесные. В заполнении фиксировались золистые включения. В сооружении найдено 15 фрагментов лепных сосудов, среди которых венчик лепного чашевидного сосуда диаметром около 14 см (рис.32). В заполнении также встречены разрозненные сильно фрагментированные косточки: 1 кальцинированный фрагмент размером 2 x 1,5 см и 5 необожженных фрагментов размерами до 2,7 x 1,5 см, среди которых имеется фрагмент глазницы взрослого человека (?). Вероятно, сооружение представляло собой погребение, совершенное по обряду кремации.

Сооружение 3 представляло собой яму округлой формы диаметром 40 см, углубленную в материк на 13 см. Дно сооружения ровное, стенки отвесные. В заполнении фиксировались золистые включения, мелкие угольки и кальцинированные фрагменты костей. Всего встречено 19 мелких кальцинированных косточек размерами до 2,5 x 1 см, и 4 необожженных фрагмента от разных ребер размерами до 9,5 x 1,5 см, по заключению к.и.н., зав. антропологической лабораторией СГПУ А.А.Хохлова, принадлежащих человеку.

В сооружении найден неполный развал лепного горшковидного сосуда (рис.33). Высота сосуда 17 см, диаметр верхней части – около 20 см, дна – 14 см. Сосуд имеет четко выраженное ребро. Диаметр в месте наибольшего расширения в верхней части – 23 см. Поверхность тщательно заглажена. В тесте фиксируется примесь среднего шамота и органики.

Вероятно, сооружение представляло собой погребение, совершенное по обряду кремации.

Сооружение 4 представляло собой яму округлой формы диаметром 25 см, углубленную в материк на 11 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение состояло из зolistой супеси. Находок в сооружении не было.

Сооружение 5 - яма овальной формы, вытянутая по линии С-Ю. Размеры сооружения, углубленного в материк на 11 см, – 32 x 25 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение состояло из зolistой супеси. В сооружении встречено 6 фрагментов керамики.

Сооружение 6 представляло собой яму округлой формы диаметром 30 см. В материк оно было углублено на 10 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение сооружения состояло из зolistой супеси. Находок не было.

Сооружение 7 представляло собой яму округлой формы диаметром 35 см, углубленную в материк на 17 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение состояло из зolistой супеси. Находок в сооружении не было.

Сооружение 8 представляло собой яму округлой формы диаметром 37 см. В материк она была углублена на 15 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение состояло из зolistой супеси. Находок в сооружении не было.

Сооружение 9 представляло собой яму округлой формы диаметром 40 см, углубленную в материк на 25 см. Юго-восточный край ямы неровный. Дно ровное. Заполнение состояло из зolistой супеси. Находок не было.

Сооружение 10 - яма округлой формы диаметром 37 см, углубленная в материк на 13 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение состояло из зolistой супеси. Находок в сооружении не было.

Сооружение 11 - яма округлой формы диаметром 25 см, углубленная в материк на 9 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение состояло из зolistой супеси. Находок в не было.

Сооружение 12 - яма округлой формы диаметром 20 см, углубленная в материк на 11 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение состояло из зolistой супеси. Находок в сооружении не было.

Сооружение 13 представляло собой яму округлой формы диаметром 50 см. В материк оно было углублено на 24 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение состояло из зolistой супеси. В заполнении сооружения найдены 19 фрагментов сосудов, среди них - венчик от развала крупного горшковидного сосуда диаметром до 40 см, находившемся над сооружением.

ми в северной части кв.2 (рис.34). В заполнении сооружения также обнаружены мелкие разрозненные фрагменты кальцинированных костей, в том числе фрагменты костей мелкого рогатого скота (определение В.В.Гасилина). Вероятно, сооружение представляло собой остатки погребения, совершенного по обряду кремации.

Керамический материал раскопа представлен фрагментами лепных горшковидных сосудов, которые по составу теста и характеру обработки поверхности не отличаются от керамики, встреченной на раскопах 1, 3, 4, 6, что свидетельствует об их синхронности. Единственное отличие - часть керамики на раскопе 2 орнаментирована защипами и насечками по венчику, почти не встречающихся на других раскопах.

Индивидуальные находки на раскопе отсутствовали, за исключением пряслица, изготовленного из стенки сосуда, найденного в сооружении 1.

Нужно отметить, что отсутствие индивидуальных находок в кремационных захоронениях – устойчивая традиция для Поволжского региона. В исследованных именьковских могильниках на территории Татарстана все погребения с трупосожжениями безурновые, половина из них - безинвентарные (Старостин, 1967, с.15-16; Старостин, 1986, с.90-104).

Специфика керамического материала (в слое встречены не отдельные фрагменты, а развалы сосудов или их крупных частей), почти полное отсутствие в слое костей животных свидетельствует о ритуальном значении участка. Вероятно, площадка раскопа 2 представляла собой участок, на котором совершались погребения по обряду кремации. Само кремирование проходило где-то в другом месте.

Раскоп 3

Раскоп 3, расположенный в 70 м к ССЗ от раскопа 2, вытянут вдоль северного края карьера. Площадь раскопа 100 кв. м (рис.35). В западной части раскопа значительная часть культурного слоя срезана бульдозером.

В слое встречены фрагменты многочисленных сосудов, причем не зафиксировано ни одного развала, много раздробленных костей, встречены фрагменты пряслиц и тиглей.

После снятия 1 штыка на кв.1 расчищено скопление известняковых камней, между которыми зафиксированы кости черепа человека.

Как выяснилось, камни являлись частью наброски над погребением 1.

На раскопе выявлено 2 погребения под каменной наброской, совершенных по обряду ингумации. Антропологический материал погребений обработан А.А.Хохловым (Хохлов, 2003).

Осталось неясным, существовала ли курганная насыпь над погребениями. По крайней мере, на участке, где многие годы проводились интенсивные земляные работы, внешне она не фиксировалась, а стратиграфические наблюдения однозначного ответа на этот вопрос не дали.

Погребение 1 (рис.36).

Погребение и участок к северу от него были перекрыты плотной каменной наброской. Над погребением встречены фрагменты лепной керамики. Погребение совершено в слое серого гумуса, до материка (щебня) могильная яма не доходила, поэтому ее очертания не прослежены.

Непосредственно в засыпи погребения встречены мелкие угольки. Между камнями наброски встречен фрагмент верхней части лощеного сосуда (рис.36, 3) – небольшой глубокой миски диаметром 19 см.

Погребение ориентировано головой на ВСВ. Погребенная – пожилая женщина - была помещена в могилу в вытянутом положении на спине, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте. Кисть правой руки отсутствовала. Следы заживления на правой кости руки свидетельствуют о том, что кисть была отрублена (?) еще при жизни. Голова находилась на небольшом плоском камне, за счет чего она была чуть приподнята. Череп имеет признаки искусственной деформации. В районе локтевого сгиба правой руки была найдена железная круглорамчатая пряжка (рис.36, 1).

Погребение 2 (рис.37).

Над погребением встречены отдельные известковые камни, которые к западу от погребения (на участке между погребениями 1 и 2) образуют большое скопление. Над погребением, в районе костей погребенной и под ними встречены фрагменты лепных сосудов (рис.37) и костей животных.

Погребение взрослой женщины совершено в скорченном положении на левом боку. Головой погребение ориентировано на ЮВ. Очертания могильной ямы в слое темно-серого гумуса не фиксировались.

Инвентарь в погребении отсутствовал.

В лаборатории Геологического института РАН выполнен радиоуглеродный анализ костного материала из погребения 2 (GIN-11527: 1720 ± 70 BP, т.е. 230 ± 70 г. н.э.).

В лаборатории университета Брок (Канада) получена дата для погребения 1 - 1750 ± 45 лет (обе даты не калиброваны).

Погребения 1 и 2 синхронны и однокультурны. Исходя из археологического контекста, погребения датируются II-III вв. н.э. Радиоуглеродные даты подтверждают предполагаемую дату совершения захоронений.

Важно отметить, что в заполнении могильных ям и над погребениями встречены фрагменты керамики, типичной для селища. Можно утверждать, что погребения были совершены не раньше времени существования поселения, и, скорее всего, они синхронны поселению. Таким образом, мы получаем абсолютные даты и для датировки материалов селища.

На раскопе 3 исследованы также остатки двух сооружений:

Сооружение 1 (рис.38, 1).

Южная часть сооружения уничтожена карьером. Сооружение, выдолбленное в слое известнякового щебня, имело вид округлой ямы диаметром 110 см. В материк оно углублено на 14 см. Дно слегка вогнуто, стенки наклонные. В заполнении сооружения – сером гумусе – встречены единичные измельченные фрагменты сосудов (рис.38, 2-3).

Сооружение 2 (рис.39).

Выявлено в западной части раскопа под слоем мелкого щебня и отдельных крупных (до 15 см) известняковых камней. Первоначально очертания сооружения были зафиксированы в виде темной подпрямоугольной ямы размерами 2 x 0,5 м, ориентированной по линии З - В. После расчистки сооружение приобрело овальную форму размерами 2,6 x 2,0 м. В материк оно углублено на 33 см. Дно ровное, стенки неровные, большей частью отвесные.

Заполнение сооружения состояло из песчонка и гумуса с включениями глины и щебня. Керамика и индивидуальные находки в сооружении отсутствовали.

В центре северной части сооружения зафиксировано пятно прокала глины кирпичного цвета диаметром 35 см и мощностью до 10 см.

Назначение сооружения неясно. Возможно, оно имело культовое назначение. Подобные сооружения встречены в позднесарматских подкурганых комплексах Нижнего Подонья, дати-

рующихся II - первой пол. III в. По мнению Л.С.Ильюкова, квадратные, подпрямоугольные или овальные ямы, в которых отсутствовали погребения, по-видимому, являлись жертвенниками (Ильюков, 2000, с.112-113). Л.С.Ильюков предполагает, что круглые и овальные площадки, окруженные невысокими валами, исследованные в Лебедевском могильнике II-нач. III вв. в Приуралье, «каменные наброски из Северного Приазовья, ров из кургана 14 могильника Московский I и ямы-жертвенники из Кировских могильников в Ростовской области входят в группу культовых сооружений позднесарматского времени, где совершались семантически близкие ритуалы. Заманчиво считать все такие конструкции, которые могли предназначаться для проведения обряда прощания с умершим, своего рода имитацией реального жилища кочевников (юрты, повозки и т.п.)» (Ильюков, 2000, с.115).

Индивидуальные находки на раскопе 3 многочисленны. Это фрагменты биконических и плоских пряслиц (рис.41), каменный амулет-подвеска (рис.40, 2), костяная игла (рис.41, 1). Бронзовая «лепешка» (рис.41, 5), как и фрагменты найденных на раскопе рюмкообразных тиглей (ни один из них не реконструируется полностью), является свидетельством занятия обитателей селища медеплавильным производством.

Керамика из раскопа представлена фрагментами лепных горшковидных сосудов (рис.42-46).

Раскоп 4

Раскоп 4 расположен у восточного края карьера в 30 м к ЮЗ от раскопа 3 и в 50 м к ССВ от раскопа 2. Раскоп площадью 14 кв. м заложен в месте скопления фрагментов керамики, зафиксированном в обрыве карьера (рис.47). В западной части раскопа культурный слой уничтожен карьером.

Мощность культурного слоя в раскопе составила 15-25 см.

Фрагменты керамики на раскопе встречены на одном уровне – 15-20 см от поверхности. Отмечены небольшие скопления над соор.1.

Керамика из раскопа представлена фрагментами лепных горшковидных сосудов (рис.48-49).

На раскопе найдено 68 фрагментов костей животных, среди которых выделены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади,

свиньи, лося, рыбы. Найденные элементы скелета скота (зубы, части черепа, дистальные кости конечностей) не имеют пищевого значения (заключения остеолога В.В.Гасилина см. Приложение 2).

Сооружение 1 выявлено на границе кв.1, 2 и 4 по цвету заполнения после зачистки 1 штыка. Сооружение представляло собой яму округлой формы диаметром около 1 м, углубленную в материковый щебень на 20-25 см. Дно ровное, чуть углубленное в центре, стенки отвесные. Заполнение – темно-серая золистая супесь с включениями керамики и измельченных костей, в том числе кальцинированных.

В сооружении встречено 102 фрагмента керамики от горшковидных сосудов (рис.48). Сосуды не реконструируются. Среди костного материала определены кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади.

Несмотря на наличие в заполнении сооружения фрагментов костей животных, нельзя исключить того, что сооружение являлось остатками погребения, совершенного по обряду кремации.

Размеры ямы отличаются от исследованных на раскопе 2, но близки размерам ямы погребения 1, исследованного в 1992 г. Отличия в размерах могильных ям на различных участках памятника трудно объяснить, возможно, это связано с различными погребальными традициями родственных групп населения.

Индивидуальные находки на раскопе представлены кресальным кремнем.

Раскоп 5

Раскоп 5 площадью 172 кв. м расположен в 15 м к 3 от раскопа 3. Северная часть раскопа находится у склона горы Маяк (рис.50). На участке между южной границей раскопа и карьером (полоса шириной около 6 м) культурный слой срезан до материка. Культурный слой в южной и восточной части раскопа также в значительной мере уничтожен бульдозером. Мощность культурного слоя в раскопе составила 15-25 см.

До начала работ на кв.4, 14 на срезанном участке фиксировалось скопление фрагментов керамики.

Находки – в основном фрагменты стенок лепных сосудов сосредоточены на глубине 10-15 см от поверхности. Кости встречались редко. На конце 1 штыка начиналась погребенная почва – желто-коричневый суглинок.

Индивидуальные находки на раскопе представлены фрагментами лепных плоских пряслиц и пряслиц, изготовленных из стенок лепных сосудов (рис.55), бронзовой серьгой-кольцом (рис.56, 1), крупной голубой стеклянной бусиной (рис.56, 2) и бронзовой подвеской (рис.53, 3).

На раскопе 5 было исследовано 2 сооружения.

Сооружение 1 (рис.51).

Сооружение выявлено по цвету заполнения после зачистки 1 штыка и представляло собой слабо углубленную в материк (на 14-17 см) постройку квадратной формы размерами 3,5-3,7 м, с центральным опорным столбом и двумя угловыми столбами. Дно постройки ровное, стенки отвесные. В однородном заполнении сооружения в слое пестроцвета встречены фрагменты керамики и изредка – фрагменты измельченных костей животных плохой сохранности. Развалов сосудов не зафиксировано. Вероятно, дно постройки было выложено древесной корой (встречены ее обугленные остатки). На уровне дна были встречены и отдельные мелкие угольки. В центре постройки заполнение было чуть более темным, чем в других частях постройки.

В заполнении сооружения найдены 3 фрагмента лепных уплощенных пряслиц (рис.52, 2-4).

Керамика, происходящая из постройки (557 фрагментов), аналогична встреченной на других участках раскопа (рис.53). От керамики, происходящей с раскопов 2, 3, 4 и 6 она отличается более рыхлым тестом и своеобразной «мажущейся» поверхностью желто-коричневого цвета. Она представлена исключительно фрагментами горшковидных сосудов.

Постройка, несомненно, имела жилой характер.

Сооружение 2 выявлено по цвету заполнения после зачистки 1 штыка. Сооружение представляло собой яму округлой формы диаметром 70 см, углубленную в материк – желто-коричневый суглинок - на 31 см. Дно сооружения ровное, стенки отвесные.

На глубине –11-20 см в яме зафиксировано скопление фрагментов керамики и отдельных костей животных. Всего в сооружении встречено 189 фрагментов керамики (рис.54). В материале представлены только фрагменты сосудов горшковидной формы, полностью ни один сосуд не реконструируется.

В северной части сооружения под слоем керамики обнаружено овально-уплощенное пряслице, с обеих сторон орнаментированное точечными наколами (рис.52, 1).

Своеобразием материала с раскопа 5 является наличие фрагментов только плоских лепных пряслиц и пряслиц, изготовленных из стенок сосудов, в то время как на других раскопах встречены и глиняные биконические пряслица.

На раскопе встречено 6972 фрагмента керамики.

Раскоп 6

Раскоп расположен у северо-восточного края карьера к востоку от раскопа 3. Площадь раскопа 124 кв. м. На раскопе выявлены погребальные и поселенческие комплексы эпохи мезолита. К слою поселения первых веков н.э. относится одно углубленное в материк сооружение.

Сооружение 1 – яма округлой формы размерами 125 x 120 см, углубленная в материковый слой щебня на 30 см. В заполнении сооружения – сначала в слое черного гумуса, затем в пестроцвете встречены крупные фрагменты лепной керамики (рис.68) и необожженные кости животных (лошади, коровы) и рыб. В придонной части ямы встречен крупный фрагмент небольшого чернолощеного горшочка с выраженным ребром (рис.67, 2). Вероятно, яма была выкопана в слое гумуса и ее верхняя часть находилась как минимум на 20-30 см выше уровня фиксации.

На кв.1 в слое гумуса зафиксировано скопление фрагментов керамики, из которых удалось реконструировать формы двух сосудов – высокой миски диаметром верхней части около 25 см (рис.62) и крупного горшка с выраженным сглаженным ребром диаметром по венчику 24 см и максимальным расширением в верхней части 27 см (рис.63). Возможно, данное скопление связано с обрядом тризны или фрагменты относились к сосудам, помещенным в наземную постройку. Других скоплений и развалов сосудов на раскопе не отмечено. Важно отметить практически полную идентичность горшка из развала на кв.1 сосуду из сооружения 13 и развала на кв.2 раскопа 2 (рис.34), что является свидетельством одновременности поселенческих и погребальных комплексов на исследованном участке памятника.

Всего на раскопе 6 найден 4841 фрагмент керамики.

Индивидуальные находки представлены фрагментами железных ножей, булавок, шилом, стеклянной бусиной, бронзовыми пронизками и фрагментами котлов (рис.61), фрагментами глиняных пряслиц и фигурок животных (рис.60).

Описание вещевого и керамического материала раскопов

В связи с тем, что материал, происходящий из разных раскопов, в основном однороден, описание его приводится в одном разделе. Указание на раскопы, откуда происходят находки, приводится в подрисовочных подписях к иллюстрациям. Также по раскопам выполнено помещенное в приложение описание остеологического материала.

Для удобства описания весь материал сгруппирован по функциональному признаку.

Предметы труда и быта

Пряслица

Биконические пряслица (6 экз.). При раскопках в раскопе 3 найдены 1 целое и 5 фрагментов глиняных биконических пряслиц (рис.41, 1-2, 5, 8, 10). Диаметр пряслиц 3-4 см, диаметр отверстия 0,8-1 см. Пряслица отличаются небрежностью изготовления, асимметричностью. В двух случаях пряслица орнаментированы точечными вдавлениями, не образующими орнаментального мотива (рис.41, 7). Тщательно залощенные пряслица, характерные для именьковских памятников, отсутствуют.

Пряслица, изготовленные из стенок лепных сосудов (6 экз.). В основном они сосредоточены на раскопе 5 (рис.55, 2, 9, 11-12, 14). Единственное целое пряслице найдено в сооружении (погребении) 1 раскопа 2 (рис.31, 1). Подобные пряслица, изготовленные из стенок сосудов, не характерны для памятников именьковского круга. Так, П.Н.Старостиным среди сотен пряслиц, происходящих с именьковских памятников, было учтено только одно пряслице, изготовленное из стенки сосуда (Старостин, 1967, с.21, табл.21, 20). Изготовленные из стенок сосудов пряслица имеются в памятниках черняховской культуры (Федоров, 1960, табл.18, 1-2). В лесостепной зоне они встречены на памятниках как сарматского времени – в слоях III Чертовицкого городища (Медведев, 2000, с.46, рис.6, 3-6), так и в памятниках 2-ой четверти-середины I тыс. н.э. (Медведев, 2000, с.52, рис.19, 29-30; Хреков, 1991, рис.4, 10).

Вероятно, на Сиделькинском селище подобные пряслица использовались потомками кочевого населения.

Лепные уплощенные пряслица (15 экз.) также в основном встречены на раскопе 5 (рис.55, 1, 3-8, 10, 13), но имеются и на раскопе 3 (рис.41, 4, 6, 9). Диаметр пряслиц от 3 до 4 см, диаметр отверстия от 1 до 1,5 см. Высота пряслиц варьирует от 0,4 до 1,4 см. Поверхность двух пряслиц украшена 2 рядами точечных вдавлений (рис.52, 1; 41, 4). Плоское дисковидное пряслице, подобное сиделькинским, встречено на Славкинском I селище (Агапов и др., 1981, рис.8, 8). Для именьковских памятников такие пряслица не типичны, хотя изредка на них встречаются (Старостин, 1967, табл.21, 23). В материалах Именьковского I городища имеются и 2 украшенных точечным орнаментом подобных пряслица (Старостин, 1967, табл.21, 19, 24).

Фрагменты глиняного тигля найдены на раскопах 3 и 5. Они сильно ошлакованы. Тигли имели рюмкообразную форму с узким дном, характерную для целого ряда культур I тыс. н.э., в том числе и именьковской (Старостин, 1967, табл.23, 6; Сташенков, 1997, рис.7, 5). Находки тигля свидетельствуют о занятии обитателей селища цветной металлургией.

Об этом же свидетельствует находка бронзового (медного?) слитка размерами 4,5 x 5,9 см (рис.40, 5). Судя по отпечаткам на слитке, он был получен в результате выплеска расплавленного металла в глиняный плоскодонный сосуд с диаметром дна около 9-10 см. Структура металла пористая. Возможно, металл выплавлялся поблизости из руды.

2 фрагмента точильных камней прямоугольной формы толщиной около 2 см изготовлены из песчаника (рис.40, 6).

2 фрагмента медных (?) котлов (рис.61, 8-9) найдены на раскопе 6. Один фрагмент является частью стенки, второй - венчик кованого котла. Край пластины загнут внутрь и пробит заклепкой. Медные (бронзовые?) кованые котлы встречены в сарматских погребениях I-IV вв. н.э. (Илюков, 2000, рис.5, 13), в том числе и на территории Самарской области (курган с каменной наброской у Конезавода в Красноярском районе, неопубликованные материалы из раскопок Р.С.Багаутдинова и С.Э. Зубова хранятся в СОИКМ им.П.В.Алабина). Однако в силу фрагментарности наших находок говорить о принадлежности котлов к определенному

типу, а, следовательно, и об их точной хронологической привязке невозможно.

Украшения

Бусы. На раскопе 5 найдена крупная зеленовато-голубая стеклянная бусина диаметром 1,5 см, высотой от 0,7 до 1 см и диаметром отверстия 0,7 см (рис.56, 2). Бусина изготовлена методом навивки из горячего стекла. Подобные стеклянные бусины, встречающиеся в азелинских, сарматских и черняховских памятниках, датируются II-IV вв. н.э. (Федоров, 1960, рис.19, табл.37, 6). Имеются они и в памятниках именьковской культуры (Старостин, 1967, табл.20, 12).

Мелкая одночастная стеклянная бусина с рифлением по внешнему краю (рис.61, 7) находит прототипы в материалах Кипчаковского I курганно-грунтового могильника II-I вв. до н.э. (Зубов, 2000, рис.2, 12), однако эти бусы имеют скорее круглую форму, тогда как у сиделькинской бусины срезаны края. Одночастные стеклянные бусины таблетковидной формы, но с внутренней позолотой, с рифлением по краю имеются в богатом сарматском погребении I в. н.э. кургана I могильника Октябрьский V в Волгоградской области (Кияшко, Мыськов, 2000, рис.5, 2)

Бронзовая подвеска с петлей для привешивания изготовлена из тонкого раскованного листа (рис.56, 3). Округлая часть подвески имеет диаметр 1,6 см. По мнению польского археолога Магдалины Мочинской (г.Лодзь), выраженному в устной беседе во время работы научной конференции «Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городецова в Государственном Историческом музее» в Москве в 2003 г., подобные подвески – Kapselanhanger – датируются фазами B2, B2-C1 и C1 (конец I – начало III в. н.э.) и обычно они входили в состав ожерелий у юношей.

В Среднем Поволжье подобная подвеска вместе с бронзовой спиральновитой пронизкой, аналогичной сиделькинской, найдена в сооружении 7 святилища Шолом (Жиромский, 1958, рис. 11, 6), а также в Рождественском могильнике именьковской культуры (Старостин, 1967, табл.20, 17). Комплекс из сооружения 7 святилища Шолом автором раскопок не датирован, выявлен он на многослойном памятнике, на котором наряду с именьковскими присутствуют материалы I половины I тысячелетия н.э. - «роговая» керамика, грузик городецко-

го типа и др. (Жиромский, 1958, с.446). Некоторые материалы Рождественского могильника, по мнению П.Н.Старостина, могут датироваться III-IV вв. н.э. (Старостин, 1967, с.29). Вполне возможно, что ранние материалы святилища Шолом и Рождественского могильника синхронны сиделькинским.

Бронзовая серьга в виде простого колечка, овальная в сечении, вероятно, литая (рис.56, 1). Диаметр серьги 2,2 см. Серьга четкой даты не имеет.

Бронзовые спиральновитые пронизки (рис.61, б-7) имеют широкие хронологические рамки. Аналогии им можно найти в целом ряде культур раннего железного века - средневековья. Подобные пронизки встречаются в материалах Кипчаковского I курганно-грунтового могильника II-I вв. до н.э. (Зубов, 2000, рис.3), в более поздних комплексах Именьковского I городища (Старостин, 1967, табл.17, 19) и святилища Шолом (Жиромский, 1958, рис.11, 3), в могильниках поволжских финнов XI-XII вв. (Леонтьев, 1999, рис.67, 1-2).

Железная круглорамчатая пряжка из погребения I раскопа 3 (рис.36, 1) находит аналогии в средне- и позднесарматских погребениях, что позволяет датировать погребения в пределах II-III вв. н.э. По мнению А.А.Хрекова, подобные пряжки, встреченные на памятниках инясевского типа в лесостепном Прихоперье, датируются I-III вв. н.э. (Хреков, 1997, с.329, рис.2, 10, 12).

Изделия из глины

На селище найдено 2 фрагмента глиняных фигурок животных (рис.60, 2-3), однако установить по ним, какое это животное, невозможно. Стоит отметить, что глиняные фигурки животных не характерны для культурных общностей круга полей погребений, но часто встречаются на памятниках скифского круга. В Среднем Поволжье глиняные фигурки животных в большом количестве появляются в середине I тыс. н.э., и найдены они на многих памятниках именьковской культуры (Старостин, 1967, с.21, табл.22).

Глиняный шарик диаметром 1,3 см (рис.60, 10), вероятно, использовавшийся в качестве игрушки, хронологического значения не имеет.

Фрагменты глиняных «хлебцов» (рис.40, 4; 60, 4) имеют диаметр до 4 см. Своими малыми размерами они отличаются от аналогичных предметов, встреченных на памятниках по-

зднескифского круга. В именьковских комплексах такие предметы отсутствуют или авторы публикаций не придают им значения.

Керамический комплекс

Основная масса находок представлена фрагментами глиняных сосудов. Всего в раскопах встречено 16113 фрагментов керамики, в основном сильно фрагментированной. Реконструируется форма и размеры для шести сосудов, причем только три из них могут считаться археологически целыми.

По исходному сырью и примесям керамика неоднородна. В основном производилось визуальное определение примесей, но в ряде случаев Н.П.Салугиной проведен микроскопический анализ. В качестве добавок использовался шамот (крупный и мелкий), сухая глина, в отдельных случаях раковина, органика (как навоз, так и жидкая органика - возможно, молоко, простокваша, кровь, навозная выжимка). Шамот в сосудах, изготовленных из запесоченной глины, значительно более мелкий.

Показательны результаты технико-технологического анализа 7 фрагментов керамики, выбранных из скопления на кв.2 ш.2 раскопа 2 (рис.34). Характер залегания материала позволяет считать его происходящим из условно закрытого комплекса. Следовательно, все 7 фрагментов должны были попасть в комплекс одновременно.

Образец 1. Фрагмент стенки лепного сосуда с четко фиксируемой примесью дробленой раковины. Исходное сырье: незапесоченная, пластичная глина. Черепок в изломе черный. Формовочная масса: дробленая раковина в значительной концентрации + навоз во влажном состоянии. Возможна примесь мелкого шамота. Обработка поверхности: заглаживание мягким предметом.

Эти фрагменты на памятнике единичны, на всех раскопах их встречено не более 10. Примесь дробленой раковины не характерна для раннесредневековых памятников Поволжья и в большом количестве встречено только в слое первых веков н.э. на Царевом кургане в окрестностях г.Самары.

Образец 2. Фрагмент днища лепного сосуда. Исходное сырье: незапесоченная, пластичная глина. Черепок в изломе черный. Формовочная масса: шамот крупный (более 2 мм) + навоз во влажном состоянии. В шамоте фиксируется примесь шамота и органики и дробленой рако-

вины, сильно измельченной. Обработка поверхности: заглаживание.

Образец 3. Фрагмент стенки лепного сосуда светло-коричневого цвета. Исходное сырье: ожелезненная «тощая» глина с примесью пылевидного песка. Черепок в изломе красно-коричневый. Формовочная масса: шамот + органика (возможно, раствор или навозная выжимка). Обработка поверхности: заглаживание. Возможно, поверхность была покрыта дополнительным слоем светлой глины и подложена.

Фрагменты подобной керамики на памятнике единичны.

Образец 4. Фрагмент стенки лепного сосуда светло-коричневого цвета. Исходное сырье: ожелезненная глина средней запесоченности. Песок пылевидный, окатанный. Черепок в изломе черный. Формовочная масса: шамот + навоз. Тот же рецепт фиксируется в шамоте. Обработка поверхности: первоначальное заглаживание, затем лощение по подсушенной основе.

Фрагменты подобной керамики на памятнике также единичны.

Образец 5. Фрагмент дна лепного сосуда светло-коричневого цвета. Исходное сырье: ожелезненная «жирная» глина с естественной примесью пылевидного песка и бурого железняка. Черепок в изломе желто-коричневый. Формовочная масса: шамот + навоз. В шамоте фиксируется примесь раковины. Обработка поверхности: заглаживание мягким предметом.

Фрагменты подобной керамики на памятнике единичны.

Образец 6. Фрагмент стенки лепного сосуда серого цвета. Исходное сырье: ожелезненная «жирная» глина. Черепок в изломе двухслойный: красно-черный. Формовочная масса: шамот крупный + навоз во влажном состоянии. В шамоте фиксируется примесь шамота и навоза. Обработка поверхности: заглаживание тканью.

Фрагменты подобной керамики на памятнике составляют основную часть находок (1 группа керамики). Скорее всего, описываемый фрагмент относится к сосуду из заполнения и перекрытия сооружения 13 (рис.34).

Образец 7. Фрагмент стенки лепного сосуда коричневого цвета. Исходное сырье: ожелезненная «жирная» глина. Черепок в изломе трехслойный: коричневый-черный-коричневый. Формовочная масса: шамот крупный + навоз во влажном состоянии. В шамоте фиксируется примесь шамота и органики. Обработка поверхности: заглаживание.

Фрагменты подобной керамики на памятнике составляют значительную часть находок (керамика 2 группы).

В керамическом материале памятника преобладает керамика, аналогичная образцам 6 и 7. Вместе с тем разнообразие рецептов формовочных масс и технологических приемов даже на одном участке раскопа 2 свидетельствует о смешанном составе населения, оставившего памятник. Зафиксированная примесь дробленой раковины в формовочной массе может свидетельствовать о пережиточном бытовании керамической традиции населения памятников «позднескифского» круга Нижнего Поволжья и Дона, а также памятников царвокурганского типа Самарского Поволжья.

Керамику, происходящую с поселения, по форме и морфологии можно разделить на две большие группы.

Керамика I группы.

По морфологическим признакам основная масса керамики однородна. Среди лепной с неровной бугристой поверхностью керамики преобладают сосуды горшковидной формы. Керамика в основном светло-коричневого, желтого или серого цвета, в изломе черепок чаще всего трехслойный. По признаку наличия в составе формовочной массы шамота разного размера внутри данной группы керамики можно выделить две подгруппы:

а) сосуды с примесью крупного шамота, благодаря чему сосуды имеют бугристую поверхность. Фрагменты такой керамики составляют основную массу находок на памятнике (рис.31, 4; 34; 63 и др.).

б) сосуды с примесью среднего и мелкого шамота с заглаженной поверхностью (рис.31, 3; 33; 48; 62 и др.). Сосуды этой подгруппы не характерны для основного ареала имениковской культуры.

Для составления формовочной массы использовались запесоченные глины. В силу этого поверхность сосудов на ощупь шероховата. Края венчиков сосудов прямые или слегка закругленные, шейка - высокая, прямая или незначительно отогнута наружу. Днища сосудов плоские, закраины небольшие или совсем отсутствуют. Иногда на днищах фиксируются следы подсыпки в виде отпечатков травы или мякны. Посуда не орнаментирована, лишь в исключительных случаях имеется орнамент в виде защипов, пальцевых вдавлений или насечек по венчику. Подобная орнаментация венчи-

ка чаще встречается на керамике, происходящей с раскопа 2.

Керамика 2 группы – фрагменты лепных сосудов горшковидной или баночной формы, характеризующиеся особой «мажущейся поверхностью». Керамика данного вида в чистом виде представлена на Тимяшевском селище, материалы которого также приводятся в данной работе. Поэтому для Самарского Поволжья при выделении этой группы керамики можно предложить использовать термин «керамика тимяшевского типа».

На Сиделькинском селище керамика 2 группы («тимяшевского» типа) в основном сосредоточена на раскопе 5 в районе постройки 1. В формовочной массе визуальнo фиксируется примесь шамота и органики. Тесто довольно рыхлое. Полностью не реконструируется ни один сосуд, но можно уверенно говорить о том, что все сосуды этой группы плоскодонные, горшковидной формы (рис.53-54). Основная масса керамики представлена фрагментами горшков с прямой или чуть отогнутой наружу шейкой. Идентичные сосуды имеются в материалах Тимяшевского селища, в массовом количестве они встречены на Славкинском селище, селище Крепость Кондурча II, на раскопе 2 Пролетарского городища (Челно-Вершинский район Самарской области). Единичные морфологически близкие сосуды имеются среди материалов городища Лбище на Самарской Луке. Вероятно, подобная керамика на всех этих памятниках датируется временем до V в. н.э.

Стоит отметить очень низкий процент мискообразных сосудов в общей массе керамического материала на исследованном памятнике. Открытая округлобокая миска с тщательно заглаженной поверхностью (рис.62) находит аналогии на памятниках позднеримского времени Верхнего Подонья, в частности, на селище Седелки (Обломский, Терпиловский, 1998, рис.7, 11).

На памятнике встречен фрагмент ручки лепного кувшина. Другие части кувшинов среди

материала не выделены, и сама находка свидетельствует только об использовании кувшиновидных сосудов обитателями поселения.

Обращает на себя внимание малое количество глиняных дисков-сковород, или лепешниц, на памятнике (31 фрагмент). Так, на раскопе 6 найдено всего 6 небольших фрагментов дисков, на раскопе 5 – 8, на раскопе 3 – 16, на раскопе 4 – 1 фрагмент. Восстанавливаемый диаметр дисков 30-35 см, все они без бортиков (Тип I по классификации А.М.Обломского), что для Поволжского региона является характерным признаком для памятников предыменковского времени и раннего этапа именьковской культуры.

Фрагменты миниатюрных сосудов на памятнике единичны.

Фрагменты лепной лощеной керамики на памятнике также единичны. Выделяется фрагмент небольшой лощеной миски, найденной около погр.1 раскопа 3 (рис.36,3) и фрагмент горшочка из сооружения 1 раскопа 6 (рис.67,2). Немного чаще встречены фрагменты тщательно заглаженной столовой посуды, в основном горшковидной формы, реже мисок (рис.62).

В целом керамика Сиделькинского комплекса отлична от керамики классических именьковских памятников. Различие в характере материала, происходящего из раскопов № 1-4, 6, с одной стороны, и раскопа 5, с другой стороны, позволяет предположить различную культурную принадлежность населения, оставившего эту керамику.

Типологические определения сосудов по классификации А.М. Обломского приведены в табл. №4. По своей структуре рассмотренный керамический набор близок керамическому комплексу поселений киевской культуры (Обломский, 2002, табл.15; 22), однако небольшой объем выборки не позволяет провести подробный сопоставительный анализ с материалами конкретных памятников в рамках ареала киевской культуры.

3.2. Селище Крепость Кондурча II

Селище расположено в 1,8 км к северу от с. Крепость Кондурча Шенталинского района Самарской области в расщелине между двумя холмами, на склоне невысоких террас (рис.69). Ложбиной с пересыхающим ручьем поселение делится на две части – западную и восточную. Площадь первой - около 6 га, второй – около 0,7 га. Территория селища распаханна.

Ориентировочные размеры восточной части поселения, определенные по распространению подъемного материала – 100 x 50-70 м. Возможно, это территория одной большой усадьбы. В этой части селища на левом берегу ручья заложено два раскопа.

Раскоп 1

На пахотном поле на участке наибольшей концентрации фрагментов керамики и небольших камней был заложено раскоп площадью 204 кв.м (рис.70). Костей животных среди подъемного материала почти не было.

К западу от раскопа начинается понижение к неглубокому руслу пересыхающего ручья, протекающего в 50 м западнее. В 60 м к югу от раскопа имеется неширокий овраг, по дну которого также протекает ручей.

Стратиграфия раскопа:

1. Пашня - рыхлый, крупчатый суглинок темно-коричневого цвета мощностью 20-40 см, представляющий собой переработанный культурный слой поселения.

2. Погребенная почва - суглинок светло-коричневого цвета, на фоне которого прослеживаются немногочисленные тонкие полоски ходов землероев, его мощность составляет 10-15 см.

3. Материк – желто-коричневая глина.

Находки на раскопе немногочисленны. Керамика измельченная. В южном секторе раскопа, где наблюдалась темная илистая прослойка, связанная с древней водомоинной, сразу под слоем пашни зафиксированы скопления керамики. Однако развалов сосудов и даже просто их крупных частей не зафиксировано. На этом же участке встречены и достаточно крупные кости животных. На 3 штыке здесь прослежен слой черного жирного гумуса, видимо, заливого лугового слоя, практически без керамики.

Вероятно, поселение возникло уже после образования этого слоя, в период увлажнения. Сама прослойка прослеживается в профиле восточной стенки с постепенным утолщением к югу, где ее мощность достигает 30 см. Видимо, в ложбинке на месте южных секторов раскопа застаивалась вода и стягивалась почва. Прослеженная здесь же узкая полоска щебня, скорее всего, свидетельствует о протекавшем в этом месте небольшом ручейке.

Следов сооружений на фоне материка после зачистки не зафиксировано. Скопление керамики на восточных квадратах объясняется, скорее всего, сползанием находок вместе с землей во время дождей.

Индивидуальные находки на раскопе немногочисленны - бронзовый кованый стержень, четырехгранный в сечении (рис.74, 10), и глиняные биконические пряслица.

На раскопе найдено 2611 фрагментов лепной керамики (рис.75-77). Реконструируются сосуды только горшковидной формы. Поверхность сосудов коричневого цвета, встречается керамика и с «мажущейся» поверхностью. В керамическом тесте визуальнo прослеживается примесь крупного шамота и органики. На раскопе практически отсутствует лощеная керамика и сосуды с поверхностью черного цвета. Орнаментированные защипами и насечками венчики встречены в единичных случаях (рис.75, 2; 77, 5-6).

Кости животных представлены немногочисленными измельченными фрагментами и практически не определимы, за исключением зубов и нескольких крупных фрагментов.

Раскоп 2

Раскоп площадью 72 кв. м располагался в 20 м к западу от раскопа 1 на участке, постепенно понижающемся к руслу ручья. К западу от раскопа начинается неширокая ложбинка.

Стратиграфия раскопа:

1. Дерн - мощность слоя 5-7 см.

2. Слой старой пашни - крупчатый гумусированный суглинок каштанового цвета мощностью до 20 см, представляющий собой переработанный культурный слой поселения.

3. Рыхлый, крупчатый гумусированный суглинок каштанового цвета - луговая почва мощностью 20-30 см, представляющая собой культурный слой поселения.

4. Погребенная почва (предматерик) – 10-15 см – суглинок светло-коричневого цвета, на

фоне которого прослеживаются тонкие полоски ходов землероев.

5. Материк – желто-коричневая глина.

Находки на раскопе немногочисленны, большая часть их найдена на 1 штыке. Керамика в основном измельченная, костей животных практически нет.

При снятии культурного слоя на кв.5 было найдено большое количество фрагментов глиняной обмазки (200 фр.), скорее всего от развала наземного глинобитного сооружения (соор.1). Именно на этом месте на конце 1 штыка над сооружением 1 встречено скопление крупных фрагментов керамики, представляющих собой разбросанные по поверхности несколькими скоплениями части нескольких сосудов (рис.79), и глиняное биконическое пряслице с тщательно заглаженной поверхностью серо-коричневого цвета (рис.74, 1).

На кв.14 найдено железное четырехгранное в сечении кольцо с утолщением (в месте соединения концов?) (рис.74, 11). Кольцо корродировано, за исключением одного участка, который, вероятно, был сильно обожжен. Здесь же зафиксированы скопление крупных фрагментов стенок керамического сосуда и многочисленные фрагменты глиняной обмазки, что может свидетельствовать в пользу предположения о существовании в этом месте наземного сооружения, подобного сооружению 1. Отсутствие определенной закономерности в распределении находок позволяет говорить об этом только как о вероятном предположении.

После снятия 3 штыка и зачистки на фоне материка были выявлены пятна сооружений.

Всего на раскопе исследовано 5 сооружений: 3 углубленных в материк на 30-60 см ямы округлой формы (диаметром 70-160 см), вероятно, хозяйственных, слабо углубленная яма подчетыреугольной формы размерами 80-100 см и наземное сооружение (печь?), от которого сохранился глиняный развал.

Сооружение 1

После зачистки 1 штыка в центральной части кв.5 на площади примерно 130х130 см обнаружены скопления развалов керамических сосудов. Большая часть фрагментов относилась к крупному горшковидному сосуду со слабо выраженным ребром (рис.80, 1). Под развалами выявлено округлое пятно глиняной обожженной вымостки толщиной 1-2 см и диаметром 60-70 см. Глиняная прослойка имеет следы обжига и заглаживания и сверху и снизу. Воз-

можно, там имелись и небольшие отверстия (диаметром до 1 см). Под обожженной глиняной вымосткой встречены мелкие (диаметром до 1-2 см) угольки, отдельные камешки, фрагменты керамики, в том числе крупные, а также фрагменты костей, среди которых встречаются обожженные. Среди костей определен зуб коровы.

Можно предположить, что сооружение 1 представляло собой наземное глинобитное устройство, конструктивные особенности которого не удалось проследить из-за его полного разрушения. Возможно, оно являлось очагом или глиняной печью с подом, служившей, например, для выпечки хлеба.

Сооружение 2

Сооружение представляло собой яму округлой формы диаметром 80 см, углубленную в материк на 28 см, с отвесными стенками и ровным дном. В верхней части сооружения отмечено скопление крупных фрагментов керамики (рис.81). Заполнение ямы состояло из однородного темно-серого гумусированного суглинка с включением немногочисленных фрагментов керамики и отдельных мелких угольков, небольших комочков золы. По всему заполнению были рассеяны мелкие обуглившиеся зерна злаков. В заполнении имелись также мелкие кальцинированные косточки (?).

Сооружение 3

Сооружение представляло собой слабо углубленную в материк (7 см от уровня материка) яму подпрямоугольной формы, ориентированную по линии ЮЗ-СВ. Длина сооружения по линии ЮЗ-СВ 100 см, максимальная ширина по линии СЗ-ЮВ – 80 см. Дно ровное. В заполнении – темно-коричневом сажистом суглинке с глинистыми включениями – встречены мелкие угольки и единичные фрагменты керамики и обуглившиеся зерна злаков.

Возможно, сооружение 3 являлось частью комплекса наземной постройки, наличие которой можно предполагать, исходя из стратиграфических наблюдений и анализа материалов, полученных на кв.10-13.

Сооружение 4

Сооружение имело вид овальной в плане подцилиндрической ямы размерами 140 x 120 см. Стенки ямы отвесные. Дно ровное, глубина дна от уровня материка составляла 60 см. В верхней части сооружения прослеживаются глинистые линзы. В заполнении сооружения, представлявшем собой однородный темно-ко-

ричневый гумусированный суглинок, встречаются мелкие угольки, немногочисленные фрагменты керамики и обуглившиеся зерна злаков.

Сооружение 5

Сооружение представляло собой подцилиндрическую яму округлой в плане формы. Размеры сооружения – 140 x 130 см. Стенки ямы отвесные, дно ровное, глубина составляет 58 см от уровня материка. В верхней части сооружения прослеживались глинистые затеки. В заполнении сооружения, представляющем собой однородный темно-коричневый суглинок, встречались мелкие угольки и немногочисленные фрагменты керамики.

Все исследованные сооружения имеют бытовой характер. Стоит отметить характерную прямоугольную форму слабо углубленного в материк сооружения 3. Аналогии ему в Поволжье имеются только в Тимяшевского I селища.

Судя по стратиграфии, поселение, по крайней мере, на исследованном участке, существовало непродолжительное время. В материалах, происходящих с разных раскопов, существенных различий не отмечено. Основную часть находок составляют фрагменты керамических сосудов.

На двух раскопах собрано 378 костей животных, из них только 85 имеет сохранность, достаточную хотя бы для определения вида животного. Среди определимых кости крупного рогатого скота (2 особи), мелкого рогатого скота (2), свиньи (1), лошади (2). Костей диких животных, рыб и птиц не зафиксировано.

Состав костных остатков в целом типичен для поселенческих памятников именьковской культуры. Однако фрагментарность и в целом малое количество костей животных, полное отсутствие костей диких животных является специфическим для данного памятника, что, вполне вероятно, может служить культурным и хронологическим признаком. Можно отметить, что слабая насыщенность культурного слоя остеологическим материалом – специфика раннесредневековых памятников северных районов Самарской области.

Индивидуальные находки

Индивидуальные находки немногочисленны. Металлических предметов найдено 2, глиняных – 6.

Бронзовый стержень, кованый, четырехгранный в сечении (рис. 74, 10). Длина стержня 11,5 см, максимальная ширина в средней части 0,8

см. С двух сторон на стержне видны следы проковки. Можно предположить, что такие стержни служили в качестве заготовок для поделок, например, браслетов. В Среднем Поволжье и Прикамье подобные бронзовые стержни, зачастую интерпретируемые как денежные знаки, датируются серединой I тыс. н.э. (возможно, временем до V в.). На территории именьковской культуры они встречены на Щербетьском острове I селище, где в районе меднолитейных мастерских был обнаружен клад из 87 подобных слитков (Старостин, 1967, с.28). В Прикамье они выявлены в Тарасовском, Красноярском, Бартымском могильниках, на Бартымском I и Козловском II городищах (Голдина, 1999, цветная вклейка).

Железное четырехгранное в сечении кольцо имеет диаметр 6 см (рис. 81, 11) и с утолщение, возможно, в месте соединения концов. Кольцо корродировано, за исключением одного участка, который, вероятно, был сильно обожжен. Возможно, кольцо являлось частью удила, но точных аналогий ему в синхронных древностях Поволжья мне не известно.

На памятнике встречены пряслица только биконической формы. Найдено 3 целых и 2 фрагмента глиняных биконических пряслиц (рис. 74, 1-5). Пряслица имеют диаметр 2,7 - 2,8 см, диаметр отверстия около 1 см, высота пряслиц около 1,2 см. Более высоким (1,4 см) было фрагментированное пряслице. Все пряслица имеют четко выраженное ребро. Пряслица коричневого цвета, поверхность их тщательно заглажена. Пряслица данного типа типичны для памятников именьковской культуры, а также целого ряда синхронных культур западной части Восточной Европы (киевской, пеньковской и др.).

Среди глиняной обмазки обнаружены небольшие фрагменты глиняного конусовидного предмета – возможно, глиняного грузила. Сильная фрагментарность не позволяет реконструировать его форму.

Керамический комплекс

Керамика, происходящая из раскопов, фрагментирована (рис. 75-84).

На двух раскопах найдено всего 3614 фрагментов сосудов (из них на раскопе 1 - 2609 фрагментов, на раскопе 2 - 1005 фрагментов). Вся керамика изготовлена ручной лепкой. Визуально в формовочной массе прослеживается примесь мелкого и среднего шамота и органи-

ки. Обжиг сосудов костровой. Черепок в изломе трехслойный – кирпично-черно-коричневого цветов. Поверхность сосудов серого и коричневого цветов, встречается керамика и желто-коричневого цвета с характерной «мажущейся» поверхностью. Сосуды с поверхностью черного цвета единичны. Лощеная керамика отсутствует.

Все реконструируемые сосуды имеют горшковидную форму. Керамика в подавляющем большинстве не орнаментирована. Украшенные защипами и насечками венчики единичны: в раскопах их встречено всего 9 фрагментов (рис.75, 2, 5; 77, 1, 5, 6). Еще два орнаментированных венчика происходят из подъемного материала (рис.74, 6-7). Если провести подсчет орнаментированной керамики на селище, взяв за основу соотношение орнаментированных венчиков к неорнаментированным, то мы получим показатель 3,8 %.

Среди подъемного материала на пашне у раскопа 1 встречены два фрагмента стенок сосудов с наlepным валиком, украшенным пальцевыми вдавлениями (рис.74, 8-9). Это единственные фрагменты, декорированные по тулову сосуда. Подобная керамика впервые встречена в Самарском Поволжье. Сосуды, декорированные подобным образом, встречены при раскопках скифских поселений, памятников зарубинецкой (Самойловский, 1959, с.70, табл.2, 53) и черняховской культур (Федоров, 1960, табл.4а, 2).

Обнаружены единичные фрагменты глиняных дисков – сковород без бортика (рис.75, 6-7; 76, 3). Диаметр дисков около 20 см. На поверхности дисков имеются следы подсыпки (мякни).

Как уже отмечалось, сосуды в основном имеют горшковидную форму. Единственный реконструируемый ниже уровня максимального расширения сосуд имеет слабо выраженное ребро в средней части (рис.80, 1). Основная масса керамики на поселении - это фрагменты крупных и средних горшковидных сосудов со слабо намеченной шейкой и прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчика составляет 12 - 26 см.

Днища сосудов плоские без закраин или с незначительными закраинами. Восстанавливаемый диаметр днищ 12-21 см (12-15 см - 4 экз. и более 15 см - 3 экз.). Стенки сосудов отходят или под небольшим углом, или, чаще, отогнуты под углом 30-45°.

Классификация сосудов по формам затруднена из-за фрагментированности материала. Данные о распределении керамики (всего 18 сосудов) по типологии А.М.Обломского представлены в таблице 4.

Представляется необходимым также дать более общую группировку сосудов, у которых реконструируется форма верхней части.

Выделяется несколько типов сосудов:

1. Крупные закрытые горшковидные сосуды без выраженной шейки (1 экз. - рис.75,1).

2. Горшковидные сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком (14 экз. - рис.75, 3-5, 77, 1-3).

3. Горшковидные сосуды с отогнутым наружу венчиком (9 экз. - рис.76, 4-5).

4. Крупные сосуды баночной формы (1 экз. - рис.79).

Миски, чаши и миниатюрные сосуды на памятнике не встречены.

На памятнике обнаружены единичные фрагменты глиняных дисков – сковород без бортика (рис.75, 6-7), что может свидетельствовать в пользу ранней (предыменьковской) датировки памятника.

По характеру обработки поверхности сосудов и примесям в составе формовочной массы было выделено 7 керамических групп. Из каждой группы отобраны характерные образцы (всего 8 экз.), которые Н.П.Салугиной были подвергнуты анализу по методу бинокулярной микроскопии.

1. Сосуды с поверхностью желто-коричневого цвета, в изломе черепок светло-коричневый с серой прослойкой. Для составления формовочной массы использовалась сланцевая глина с естественными карбонатными (известковыми) включениями и естественной же примесью цветного мелкоокатанного (до 1,5 мм) песка, мелкий и средний (до 2 мм) шамот и навоз во влажном состоянии, близком к выжимке. Возможна также небольшая примесь дробленой раковины.

2. Сосуды с поверхностью коричневого (кирпичного) цвета, в изломе черепок коричневый с серой прослойкой. На внешней и внутренней поверхности сосудов четко выделяются зерна шамота. Эта группа сосудов характеризуется «мажущейся» поверхностью. Для составления формовочной массы использовалась среднепластичная (среднезапесоченная) глина, средний (до 2 мм) шамот и органическая примесь (навозная выжимка).

3. Сосуды с поверхностью коричневого (кирпичного и светло-коричневого) цвета, в изломе черепок серо-коричневый. На внешней и внутренней поверхности сосудов четко выделяются зерна шамота. Это наиболее многочисленная группа сосудов. Для составления формовочной массы использовалась тощая, ближе к запесоченной, глина (с вкраплениями мелкого пылевидного песка и естественными единичными включениями карбонатов), крупный (до 4 мм) шамот в концентрации 1:3, и органическая примесь в виде влажного навоза. В шамоте фиксируется 1) та же примесь и 2) из более пластичного сырья без такого количества песка. Сосуды подвергались непродолжительному обжигу в окислительной среде.

4. Сосуды с поверхностью коричневого цвета, в изломе черепок серо-коричневый. Для составления формовочной массы использовалась глина с естественными единичными включениями карбонатов и раковины, мелкий и средний (до 2 мм) шамот в концентрации 1:4, и органическая примесь в виде измельченного навоза.

5. Единичные сосуды с поверхностью серого цвета, в изломе черепок серого цвета. Для составления формовочной массы использовалась глина с естественной примесью мелкого песка, мелкий и средний (до 2 мм) шамот в концентрации 1:5, и органическая примесь, возможно, в виде навозной выжимки.

6. Единичные сосуды с поверхностью коричневого цвета, в изломе черепок серого цвета. На поверхности сосуда и в изломе черепка фиксируются белые вкрапления дробленой кости. Для составления формовочной массы использовалась глина, возможно, с естественной примесью раковины, дробленая кальцинированная кость в концентрации 1:4, и органическая примесь, возможно, в виде навозной выжимки.

7. Единичные сосуды с поверхностью светло-коричневого цвета. На внешней и внутренней поверхности сосудов имеются следы расчесов. Черепок в изломе коричневого цвета. Для составления формовочной массы использовалась глина средней пластичности с естественной примесью мелкого пылевидного песка (до 0,1 мм), крупный (до 4 мм) шамот, и измельченная (до 2 мм) растительная примесь, возможно, в виде навозной выжимки. В шамоте, в свою очередь, фиксируется примесь шамота и органики.

Необходимо отметить, что для составления формовочной массы на поселении Крепость Кондурча отбиралась различная глина (запесоченная, более пластичная, с естественной примесью раковины и карбонатов), использовались различные примеси - дробленая кость, мелкий, средний и крупный шамот, органика в виде дробленого, жидкого навоза и навозной выжимки. Различия в приемах отбора сырья для изготовления керамики могут свидетельствовать о неоднородности населения, проживавшего на селище.

Керамика селища Крепость Кондурча II отличается от керамики памятников классической именьковской культуры. По ряду признаков (наличие специфической керамики, отсутствие массового костного материала, следов выразительного хозяйственно-бытового комплекса) поселение близко к расположенному в 10 км к югу от него в соседнем Сергиевском районе Самарской области Славкинскому поселению, датируемом Г.И. Матвеевой II-III вв.

По целому ряду признаков селища Крепость Кондурча II можно сопоставить с памятниками сиделькинско-пролетарской группы. Во многом совпадает структура керамического набора (см. табл.4), абсолютные размеры сосудов (табл.3). В керамическом комплексе это прежде всего относится к сосудам 3-й группы.

Поселенческий материал селища Крепость Кондурча II близок также комплексу Тимяшевского I селища (особенно это касается керамики 2-й группы).

Керамический набор поселения сопоставим также с керамическим комплексом поселений киевской культуры (Обломский, 2002, табл.15; 22), в материале которых находят аналогии многие формы сосудов.

Исследованный памятник относится к числу памятников киевского круга.

Наиболее вероятная дата памятника - III-V вв. н.э.

В лаборатории университета Брок (Канада) выполнен радиоуглеродный анализ образца угля из сооружения 1 раскопа 2 селища Крепость Кондурча II. Получена некалиброванная дата - 1660 ± 50 лет (т.е. 290 г. н.э. ± 50 лет).

В целом можно сделать вывод, что селище Крепость Кондурча II функционировало несколько позднее, чем Сиделькинское II селище и оставлено более разнородным в этнокультурном плане населением.

3.3. Тимяшевское I селище

Тимяшевское I селище находится у с.Тимяшево в Шенталинском районе Самарской области. Оно расположено на второй надпойменной террасе левого берега р.Большая Юрка, правого притока р.Большой Черемшан, между двумя большими оврагами (рис.84). Площадь поселения 4 га. Территория селища большей частью распахивается, часть поселения задернована.

С юга, сразу за глубоким оврагом, расположено Тимяшевское II селище площадью около 2 га. Вероятно, оба селища представляют собой единый комплекс. На Тимяшевском II селище проводился только сбор подъемного материала, представленного фрагментами лепной керамики.

Тимяшевское I селище обнаружено в 1977 г. М.С.Седовой, которая отнесла его к числу памятников срубной культуры эпохи бронзы.

В 1991 г. автором была уточнена территория и планировка поселения, по собранному подъемному материалу, представленному лепной керамикой, памятник был отнесен к именьковской культуре IV-VII вв. н.э. (Сташенков, 1992, с.10).

В 1999 г. на разрушающихся карьером и растущим оврагом участках памятника было заложено 3 раскопа общей площадью 244 кв. м. Наиболее информативным оказался раскоп 2, где на 152 кв. м выявлены остатки 5 сооружений.

Стратиграфия на исследованных участках поселения следующая:

1. Дерновый слой – 5-7 см
2. Слой рыхлого, крупчатого гумуса темно-коричневого цвета мощностью до 30-40 см. В этом слое встречены фрагменты керамики и единичные кости животных.
3. Слой суглинка светло-коричневого цвета мощностью 10-15 см – погребенная почва. На фоне погребенной почвы прослеживаются тонкие полоски ходов землероев.
4. Материк – желто-коричневая глина.

Раскоп 1

Раскоп 1 расположен на южной окраине поселения. В районе раскопа начинается постепенное понижение террасы к широкому (до 20 м) и глубокому (до 10 м) растущему оврагу, разделяющему два селища.

Западная линия квадратов раскопа 1 разбита на задернованном участке, на остальной части раскопа культурный слой был уничтожен карьером на 1-2 штыка. В восточной части раскопа культурный слой сохранился всего на 10-15 см (рис.85).

Находки на раскопе немногочисленны. В центральной части кв.3 при снятии 1 штыка встречена маленькая стеклянная бусина белого цвета (рис.90, 7).

В профиле западной стенки кв.18 на фоне погребенной почвы прослежены очертания ямы диаметром в верхней части около 80 см. В погребенную почву яма, выделенная по темно-серому цвету заполнения, была опущена на 20-25 см. До материка яма не доходила, при зачистке не прослеживалась. В районе ямы встречено несколько разрозненных фрагментов керамики.

После зачистки 2 штыка в центральной части раскопа выявлены очертания столбовой ямы 1 близкой к неправильно округлой формы, со стороной около 30 см, углубленной в материк на 12 см. Заполнение ямы состояло из темно-серого гумуса без находок.

Следов других сооружений на фоне материка после зачистки не зафиксировано.

Керамики на раскопе найдено немного. В основном она фрагментирована. Реконструируются лепные сосуды только горшковидной формы. Поверхность сосудов коричневого цвета, «мажущаяся». В керамическом тесте визуально прослеживается примесь не крупного шмота и органики. Керамика более рыхлая, чем обычная именьковская, отсутствует лощеная керамика и сосуды с поверхностью черного цвета.

На раскопе встречены единичные фрагменты костей животных, среди которых определяются зубы овцы. Возможно, в некоторой степени малая насыщенность слоя костным материалом объясняется спецификой почвенных условий, так как сохранившиеся кости имеют плохую сохранность. Однако, более вероятное объяснение кроется в специфике хозяйственной деятельности обитателей поселения.

Раскоп 2

На раскопе площадью 116 кв. м выявлены остатки 5 сооружений – ям округлой и подпрямоугольной формы, слабо углубленных в материк и полуземляночной постройки подквадратной формы со стороной 2,5 м с центральным опорным столбом (рис.86).

Раскоп 2 разбит в 30 м к востоку от раскопа 1. Площадка раскопа в северной части была задернована. На остальной части раскопа культурный слой в значительной степени был уничтожен карьером.

Находки на раскопе немногочисленны. Керамика измельченная, костей животных практически нет. При снятии 1 штыка наблюдалось скопление фрагментов керамики над сооружением 1. На конце 1 штыка встречены следующие находки: глиняный шарик, глиняный «кругляш» (заготовка пряслица?) диаметром 4 см из стенки лепного сосуда (рис.90, 6), фрагмент каменного оселка (рис.90, 9), фрагмент глиняного биконического пряслица темно-коричневого цвета (рис.90, 3).

При снятии 2 штыка в слое темно-коричневого рыхлого гумуса находок было немного.

При зачистке после 2 штыка керамика была встречена только над сооружениями 2 и 3. Очертания сооружений выявились на фоне погребенной почвы и материка.

Сооружение 1 (рис.87, 1).

Яма округлой в плане формы диаметром 50-60 см. В материк сооружение углублено на 14-17 см. Дно ровное, стенки отвесные. Заполнение ямы состояло из черного гумуса с включениями довольно крупных фрагментов керамики, единичных мелких угольков и 2-х мелких костей животных. Из сооружения и скопления над ним удалось подклеить крупный фрагмент кувшинообразного сосуда (рис.91, 2). Всего в сооружении найден 31 фрагмент сосудов.

Сооружение 2 (рис.87, 2).

Представляет собой яму подпрямоугольной в плане формы со стороной 1,2 м. Сооружение углублено в материк на 15-20 см. Дно ровное. Заполнение ямы состояло из черного гумуса с включением немногочисленных фрагментов керамики. В центральной части сооружения зафиксирован неполный развал крупного горшковидного сосуда с ребром в средней части (рис.92). Всего в сооружении найдено 66 фрагментов сосудов.

Сооружение 3 (рис.87, 3).

Представляло собой яму округлой в плане формы диаметром 70-75 см, углубленную в материк на 40-42 см. Стенки ямы отвесные, дно ровное. Заполнение сооружения состояло из очень плотного пестроцвета черно-коричневого цвета. На глубине 30 см от уровня материка встречен развал крупного лепного горшковидного сосуда с выраженным ребром в верхней

части (рис.94). Керамика шла по всей поверхности ямы, до самых стенок. Однако сосуд подбирается не полностью. В заполнении сооружения встречены керамические фрагменты от других сосудов, кость животного, мелкие угольки (не более 1 см в диаметре), уплощенных – скорее всего, угли от сожжения хвороста. Крупных углей нет. Всего в сооружении найдено 106 фрагментов сосудов. Возможно, дно ямы было обожжено (материковое дно – глина красного кирпичного цвета). Тот факт, что к развалу сосуда из нижней части сооружения при камеральной обработке подобрался фрагмент придонной части с кв.29, свидетельствует в пользу того, что сооружение было опущено сразу с поверхности, или устроено в конце бытования этого участка поселения.

Сооружение 4 (рис.87, 4)

Представляло собой яму подчетыреугольной в плане формы со скругленными углами, ориентированную по линии С-Ю. Длина сооружения 70 см, максимальная ширина 60 см. Яма очень неглубокая. Глубина дна от современной поверхности 40 см, в погребенную почву она опущена на 4-7 см. В заполнении сооружения, состоящем из черного гумуса, нет ни одного фрагмента керамики.

Сооружение 5 (рис.95, 1).

Сооружение представляло собой постройку подквадратной в плане формы, углубленную в материк на 20-30 см. Размеры постройки - 2,5 х 2,5 м. Стенки отвесные. В центре постройки зафиксирована округлая яма диаметром 22 см, вероятно, от центрального опорного столба. В верхней части заполнения сооружения – темном гумусе – встречены крупные фрагменты керамики (рис.95-96), особенно в его центральной части. Ни одного полного развала не выявлено. Среди керамики встречен один орнаментированный фрагмент, подклеившийся к встреченным на квадратах орнаментированным фрагментам (рис.95, 3). В придонной части сооружения керамики было значительно меньше. Всего в сооружении найдено 396 фрагментов сосудов. Индивидуальные находки представлены железным коррозированным предметом длиной 8,5 см (рис.95, 2). В северо-восточной части сооружения прослежены слабые следы прокала – возможно, здесь располагался наземный очаг.

Стоит отметить, что исследованные на селище хозяйственные ямы прямоугольной формы не характерны для раннесредневековых посе-

ленческих памятников Среднего Поволжья и являются специфичными для данного памятника.

В двух сооружениях зафиксированы развалы крупных горшковидных сосудов с ребром в средней части, в двух керамика практически отсутствовала. Основная масса находок (фрагменты керамики) сосредоточена в жилище, сооружениях и непосредственно прилегающих к ним участках. Заполнение сооружений фиксировалось уже на 1 штыке. Пространство между сооружениями материалом насыщено сравнительно слабо.

Керамика в основном измельченная, кости животных почти не встречались.

Раскоп 3

Раскоп площадью 16 кв. м разбит на краю пашни в 70 м к северо-северо-западу от раскопа 1 (рис.88).

Стратиграфия раскопа:

1. Культурный слой – 30-40 см – полностью перепаханный, однородный гумусированный суглинок темно-коричневого цвета.

2. Погребенная почва – 10-15 см – суглинок светло-коричневого каштанового цвета, на фоне которого прослеживаются тонкие полоски ходов землероев.

3. Материк – желто-коричневая глина.

Немногочисленные находки встречены в основном при снятии 1 штыка.

После зачистки второго штыка выявлены очертания сооружения 1 – подпрямоугольной ямы размерами 30-35 см, углубленной в материк на 13 см. Заполнение сооружения состояло из однородного темного гумуса с включениями отдельных измельченных фрагментов керамики. Вероятно, сооружение представляло собой столбовую яму от изгороди (?), скорее всего, позднего времени.

Вещевой комплекс

В материалах, происходящих с разных раскопов, существенных различий не отмечено. По этой причине вещевой инвентарь со всех трех раскопов рассматривается в совокупности.

Индивидуальные находки.

Стеклоянная бусина белого цвета диаметром 0,4 см, округлая в сечении (рис.90, 7). Подобные бусины были широко распространены на памятниках I тыс. н.э. Вместе с тем можно отметить, что чаще они встречаются в слоях первых веков н.э. Например, для черняховской

культуры бисерные бусины из стеклянной пасты характерны для памятников ее ранней фазы (Федоров, 1960, 48).

Железный коррозированный предмет из сооружения 5 (рис.95, 2) длиной 8,5 см имеет желобчатое окончание. Вероятно, предмет служил в качестве резца по дереву.

Из раскопа 2 и из подъемного материала происходят 4 фрагмента *глиняных биконических пряслиц* (рис.90, 1-4). Пряслица имеют диаметр 2,5 – 3,5 см, диаметр отверстия около 1 см. Все они имеют четко выраженное ребро. Поверхность пряслиц коричневого цвета, она тщательно заглажена. Пряслица данного типа типичны для памятников именьковской культуры, а также ряда синхронных культур, в первую очередь, киевской.

Глиняные «кругляши» (заготовки пряслиц?) – три округлых диска диаметром 3,1, 3,8 и 4 см, изготовленные из стенок сосудов, по тесту не отличающихся от встреченных на поселении (рис.90, 5-6). К заготовкам пряслиц их не позволяет отнести отсутствие отверстий и то, что подобные находки периодически встречаются на различных памятниках. Возможно, это игровые жетоны. В Среднем Поволжье подобные предметы известны на Славкинском селище (Агапов и др., 1981, рис.8, 7), Сиделькинском селище и Пролетарском городище, за его пределами подобное изделие из стенки сероглиняного гончарного сосуда встречено в материалах I Перехвальского городища на Верхнем Дону в Липецкой области, датирующегося временем не ранее III в., и предположительно связываемого с киевскими группами (Бирюков, 1998, с.101-102, рис.7,9).

Фрагмент глиняной льячки (рис.90, 8). К сожалению, форма не реконструируется, однако сама находка позволяет говорить о занятии жителей поселения цветной металлургией.

Глиняный шарик имеет многочисленные аналогии, в том числе и на территории именьковской культуры. Хронологическими возможностями не обладает.

Керамический комплекс

Керамика, происходящая с поселения, сильно фрагментирована.

Всего на трех раскопах получено 4209 фрагментов керамики.

Вся керамика вылеплена от руки. Поверхность сосудов желтовато-коричневого цвета, «мажущаяся». На первый взгляд создается впечатление

чатление, что поверхность сосудов покрыта своеобразной «обмазкой-ангобом», но технологический анализ нескольких образцов, проведенный Н.П.Салугиной, этого не подтвердил. В керамическом тесте визуально прослеживается примесь мелкого и среднего шамота и органики, и, вероятно, естественная примесь песка. Практически отсутствует примесь крупного шамота, характерная для керамического материала основной массы памятников именьковского времени. Обжиг сосудов костровой, качество обжига хорошее. Черепок в изломе трехслойный – кирпично-черно-коричневого цветов. В целом керамика Тимяшевского I селища более рыхлая, чем именьковская, отсутствует лощеная керамика и сосуды с поверхностью черного цвета. Почти вся керамика неорнаментирована. Два орнаментированных фрагмента происходят из подъемного материала. Остальные 5 орнаментированных фрагментов, найденные в сооружении 5 и на прилегающих к нему квадратах, относятся к одному сосуду. «Геометрический» штриховой орнамент на плечике этого сосуда (рис.95, 3) находит аналогии на памятниках римского времени Поднепровья и Посожья (поселения Абидня, Микулино, Гнездово, Барсуки, Казаровичи (Поболь, Ильютик, 2001, рис.62; Мельниковская, 1957; Максимов, Орлов, 1974, рис.5, 2-3)).

Реконструируемые сосуды в основном имеют горшковидную форму, в ряде случаев с выраженным ребром в средней части. Диаметр венчика – 10-22 см, наибольший диаметр тулова 11-32 см.

Днища сосудов плоские, или совсем без закраин, или с незначительными закраинами. Диаметр днищ 10-17 см (чаще всего 13-15 см). Стенки сосудов отходят или под прямым углом (рис.97, 102), или, чаще, несколько отогнуты.

Представляется возможным выделить несколько форм сосудов:

1. Крупные закрытые горшковидные сосуды без выраженной шейки с наибольшим расширением в верхней трети сосуда. Ребро не выражено (рис.94, 2).

2. Крупные горшковидные сосуды со слабо выраженной шейкой с наибольшим расширением в верхней трети сосуда. Ребро не выражено (рис.94, 1).

3. Крупные горшковидные сосуды со слегка отогнутым венчиком и наибольшим расширением в средней части сосуда. Ребро не выражено (рис.93, 1).

4. Крупные горшковидные сосуды со слегка отогнутым венчиком и наибольшим расширением в средней части сосуда. Ребро выражено отчетливо (рис.92, 2).

5. Горшковидные сосуды с отогнутым венчиком и наибольшим расширением в верхней части сосуда (рис.92, 1).

6. Кувшины. Встречен единичный фрагмент шейки кувшинообразного сосуда с остатками ручки (рис.91, 1). Возможно, частью тулова подобного сосуда является фрагмент, изображенный на рис.91, 2.

7. Миниатюрные сосуды представлены одним фрагментом (рис.101, 4).

Миски не выделены, что также отличает исследованные комплексы от основной массы именьковских.

Имеются немногочисленные фрагменты *дисков-лепешниц* (20 фрагментов). В основном этой фрагменты крупных (диаметром более 20 см) дисков без бортиков-закраин (рис.101, 1). Встречен также один фрагмент «сковородки» с высоким (до 3 см) бортиком диаметром около 14 см (рис.101, 3), аналогии которому находят в «позднесарубинских» памятниках Саратовского Поволжья II-III вв. (Хреков, 1995, рис.2,9).

Типологическое распределение сосудов, выявленных на памятнике, представлено в табл. №4.

Особенности керамического материала не позволяют отнести поселение к собственно именьковской культуре. По характеру обработки поверхности и форме сосудов материал поселения близок к комплексам из раскопа 5 Сиделькинского селища, некоторым комплексам селища Крепость Кондурча, Славкинского поселения и материалам, проходящим из раскопа 2 Пролетарского городища.

За пределами Самарского Поволжья керамический комплекс Тимяшевского I селища находит аналогии в материалах киевской (в большей степени происходящих из памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры) и пеньковской культур.

На территории этих культур имеются и квадратные полуземлянки с центральным столбом, подобные постройке, исследованной на Тимяшевском I селище (см., например, Терпиловский, 1984, табл.1-4; 8; 10; Приходнюк, 1998, рис.7; 12). В Среднем Поволжье аналогичная постройка встречена только на Сиделькинском II селище.

По совокупности материала представляется возможным датировать Тимяшевское I селище III-V вв. По всей видимости, поселение, по крайней мере, на исследованном участке, существовало непродолжительное время.

Тимяшевское I селище не является исключительным памятником для Среднего Поволжья. По разведочным материалам можно предполагать, что к этому же кругу памятников относятся еще несколько поселений, расположенных в Челно-Вершинском и Шенталинском районах на севере Самарской области, и, возможно, на Самарской Луке. К этой же группе примыкают материалы, полученные на раскопе 5 Сиделькинского II селища и раскопе 2 Пролетарского городища. Однако до проведения полноценных раскопочных работ прежде всего на поселениях бассейна рек Кондурча и Большой Черемшан говорить об особом «тимяшевском» типе памятников следует с осторожностью.

Памятники тимяшевской группы характеризуются следующими признаками:

1. Сравнительно малая насыщенность культурного слоя поселений и небольшая плот-

ность застройки (в среднем одно сооружение приходится на 30-40 кв. м).

2. Жилища представлены небольшими полуземлянками квадратной формы с центральным опорным столбом.

3. Среди обычных цилиндрических хозяйственных ям имеются сооружения подпрямоугольной формы.

4. Низкий процент костей животных на исследованных памятниках.

5. Глиняная посуда представлена сосудами только горшковидной формы, имеющими характерную «мажущуюся» поверхность желто-коричневого цвета. Имеются сосуды остросерберных форм. Лощеная посуда и миски отсутствуют.

6. Немногочисленные плоские глиняные диски-лепешницы не имеют бортиков.

7. Пряслица только биконической формы. Все они неорнаментированные, нелощеные, невысоких пропорций.

8. Наличие глиняных «кругляшей» - «заготовок для пряслиц», изготовленных из стенок лепных сосудов.

ГЛАВА 4. МЕСТО ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ СРЕДИ ПАМЯТНИКОВ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В ходе раскопок на памятниках рубежа раннего железного века - раннего средневековья, расположенных в бассейне рек Большой Черемшан и Кондурчи: Сиделькинском грунтовом могильнике и селище, Тимяшевском селище и селище Крепость Кондурча II, Пролетарском городище и селище получен выразительный материал. Анализ коллекций из раскопок, а также подъемного материала из разведок на севере Самарской области, проведенных в 1990-е гг., дает возможность говорить о выделении новой группы памятников этой эпохи, отличающейся от памятников именьковской культуры, известных на территории Самарской Луки, Татарстана и Ульяновского Поволжья.

Новые памятники дали неоднородный материал, свидетельствующий о приходе в регион во II-V вв. н.э. населения, истоки которого, вероятно, следует искать на территории распространения киевской и граничащих с ней культур.

В первых веках н.э. лесостепная территория бассейна рек Большой Черемшан и Кондурча, как и территория Самарского Поволжья в целом, являлась своеобразной контактной зоной, куда на протяжении нескольких столетий постоянно проникали разнотипные группы оседлого и полuosедлого населения.

По результатам раскопок у с. Сиделькино можно сделать вывод, что, по крайней мере, уже со II-III вв. н.э. на территории Самарского Поволжья происходило взаимодействие оседлого населения с представителями кочевых сарматских групп, причем свои захоронения представители этих групп совершали на различных участках единого могильника.

Материалы Тимяшевского I селища более однородны. К ним близки материалы, преобладающие на раскопе 2 Пролетарского городища (Стащенко, 2002) и раскопе 5 Сиделькинского II селища.

Материалы селища Крепость Кондурча II находят параллели в комплексах и Сиделькинского II, и Тимяшевского I селищ. Вероятно, этот памятник оставлен смешанным населением, представители которого проживали на рассмотренных памятниках.

Если учесть, что основная масса керамики из подъемного материала на селищах этого региона морфологически близка сиделькинской и тимяшевской, то можно уверенно говорить об одновременном или постоянном проникновении в регион во II-V н.э. второй значительной волны «западного» населения, вероятно, с территории киевской или родственной ей культур. Это население заняло те же экологические ниши (граница степи и лесостепь), что и на исходных территориях. Население, оставшееся в Самарском Поволжье памятники типа Сиделькино, Лбище и Тимяшево, безусловно, было разнотипным, но проживало одновременно.

Для характеристики особой группы памятников Самарского Поволжья II-III (IV ?) вв. н.э. некоторые исследователи используют понятие «памятники славкинского типа» (Г.И. Матвеева, Н.П. Салугина и др.). Основная часть коллекции из раскопок Славкинского селища утрачена. Поэтому сложно говорить в целом о соотношении памятников «славкинского», «сиделькинского» и «тимяшевского» типов, однако по ряду признаков можно предполагать их близость между собой, как хронологическую, так и культурную. На основании анализа сохранившейся части коллекции Славкинского селища можно сделать вывод о том, что материалы этого памятника наиболее близки комплексам расположенных в 10 км к северу от него селищам Крепость Кондурча I и II. Именно по отношению к этим памятникам можно использовать понятие «памятники славкинского типа», тем более что конкретных примеров других памятников этого типа исследователи не приводят (Матвеева, 2000, с.94-98, табл.1; Агапов и др., 1981, с.108). Материалы Сиделькинского археологического комплекса и Тимяшевского I селища не вписываются в существующую схему, и возможно, для поселений лесостепного Заволжья II-V вв. необходимо будет использовать также понятие «памятники «сиделькинского» и «тимяшевского» типов».

Пока недостаточно материалов для аргументированного заключения и о взаимосвязи сиделькинских и тимяшевских памятников с

именьковскими. Однако можно сделать вывод, что население лесостепного Заволжья не могло послужить в качестве основного компонента сложения классической именьковской культуры в Среднем Поволжье и Прикамье. Вместе с тем нельзя отрицать, что потомки этого населения могли принять участие в этом процессе как один из многих компонентов. Вероятно, прекращение существования памятников типа Лбище и Тимяшево связано с массовым проникновением в Поволжье на рубеже IV - V вв. кочевников гуннского круга. В составе гуннских отрядов в Поволжье появляются и представители угорского населения (с этим временем и этим населением следует связывать находки фрагментов керамических сосудов на Пролетарском городище, находящих параллели в саргатской культуре). Сарматы же, скорее всего, ушли из региона раньше - по крайней мере, сарматские комплексы IV в. в Самарском Поволжье не представлены. Возможно, исчезновение сармат стоит связывать не с приходом гуннов на рубеже IV-V вв., а с климатическими изменениями - в частности, с резким усыханием степей в III в. (Гумилев, 1993, с.307).

Видимо, следствием вызванной гуннским нашествием цепной волны переселений явилось появление в Среднем Поволжье многочисленного населения, сформировавшего именьковскую культуру IV-VII вв. н.э.

Скорее всего, памятники развитой именьковской культуры на территории Самарского Поволжья появляются не ранее V в. Важно отметить, что по материалам Самарского Поволжья не прослеживается непосредственная связь памятников предименьковского или раннеименьковского времени (Лбище, Сиделькино, Тимяшево) и собственно памятников именьковского круга.

Сложно сказать, вошли ли группы «лбищенского» и «славянского» населения в состав формирующейся именьковской культуры, как это предполагают Г.И.Матвеева и Н.П.Салугина, или в V-VI вв. прослеживается приток на эту территорию совершенно иного населения, в том числе и не только «западного».

Уже в V-VI вв. состав именьковской культуры был весьма неоднородным. Население именьковской культуры обладало удивительной открытостью к контактам на уровне этносов, что нашло отражение в пестром составе именьковской материальной культуры. Стоит отметить, что характер вещевого комплекса

собственно именьковских памятников значительно отличается от материала западных памятников праславянского круга. Массовое наличие предметов финно-угорского происхождения в украшениях, керамическом комплексе и т.д. позволяют говорить о полиэтничности именьковской культуры.

В настоящее время отмечается дифференциация материалов памятников, расположенных на территории распространения именьковской культуры. Вполне возможно, что региональные отличия, позволяющие выделить в составе именьковской культуры локальные варианты, обусловлены разрывом в хронологии памятников и различными исходными районами заселения данной территории.

Материалы предшествующих исследований и исследования именьковских памятников, проводимые автором начиная с 1991 г. (селища Новинки I, Новинки V, Карлинское I на Самарской Луке, перечисленные выше памятники на севере Самарской области) позволяют утверждать, что в формировании именьковской культуры можно выделить, по меньшей мере, два этапа - ранний (III-V вв.) и поздний (V-VII вв.), различающихся по своим основным характеристикам.

Ранний этап пока выделен только для памятников Самарского Поволжья. Судя по материалам Царева Кургана (Збруева, Смирнов, 1939), первые элементы культуры закладываются в I-III вв. н.э. В это время на территорию Самарского Поволжья с запада проникают первые группы оседлого земледельческого населения (скорее всего, с территории распространения культур позднескифского круга), о чем свидетельствуют материалы, происходящие с Царева кургана и целого ряда поселений на Самарской Луке (селища Подгорское, Лбищенское, Шигонское, Новинковское V). Синхронные материалы близкого круга встречены в Подонье - в Воронежской и Липецкой областях (Медведев, 1998; Бирюков, 1998), и в Саратовском Поволжье (Юдин, 2001), что свидетельствует о массовом переселении на восток европейской лесостепной зоны значительных групп оседлого населения.

На основании керамических комплексов царевокурганского круга можно говорить только о появлении на поселенческих памятниках посуды горшковидных форм среднего и малого размера с характерной для именьковской куль-

туры шероховатой поверхностью и примесью шамота в формовочной массе.

В Самарском Поволжье на северной кромке степной зоны выявлены и одновременные этим поселениям погребения кочевников-сарматов, также датируемые I-III вв. н.э. Наиболее полно сарматские комплексы этого времени представлены в Березняковском курганном могильнике (Гольмстен, 1924, с.162-164).

О сарматском компоненте в формирующейся именьковской культуре могут свидетельствовать находки в комплексах Новинковского V селища на Самарской Луке в слоях III-V вв. н.э. глиняной литейной формы для отливки зеркала «сарматского» типа, округлой полуземляночной постройки, не типичной для именьковской культуры и западного круга памятников (Сташенков, 1995). По всей видимости, сарматами оставлены и ингумационные погребения Сиделькинского I грунтового могильника.

В III в. появляются поселения, на которых выявлены материалы, безусловно, относящиеся к кругу культур полей погребений. Наиболее полный набор элементов материальной культуры памятников этого круга представлен в материалах Сиделькинского археологического комплекса. Самые близкие параллели в керамике, предметах материальной культуры, погребальном обряде и в домостроительстве таких памятников, как Сиделькинские селище и могильник, селища Тимяшево, Славкино и Крепость Кондурча II имеются на территории киевской культуры. Материальная культура населения, оставившего перечисленные памятники, отличается от комплексов классической именьковской культуры. Она имеет специфический облик, хронологически памятники Самарского лесостепного Заволжья более ранние, чем именьковские. Скорее всего, население, оставившее эти памятники, если и вошло в состав формирующейся именьковской культуры, то лишь в качестве одного из компонентов.

О значительном притоке этнически отличного от праславянского населения в Среднее Поволжье свидетельствуют материалы Пролетарского городища, существовавшего с рубежа II-III в. до IX в. н.э. Там, наряду с «сиделькинскими» комплексами, присутствует керамика иного облика, находящая аналогии в памятниках, исследованных на территории Западной Сибири и Приуралья. Наиболее ранние из полученных материалов имеют параллели в кера-

мике саргатской культуры и, вероятно, датируются II-IV вв. н.э. Они могли быть оставлены кочевым и полукочевым населением, оказавшимся в Среднем Поволжье в составе гуннских отрядов.

Иной керамический набор и иные домостроительные традиции, лишь частично пересекающиеся с сиделькинскими, представлены в материалах городища Лбище на Самарской Луке. Этот памятник, датирующийся III-V вв. н.э. и имеющий важное значение для выяснения истории Среднего Поволжья, на протяжении ряда лет исследуется Г.И.Матвеевой. Сегодня ясно, что археологические комплексы городища Лбище находят аналогии не только в комплексах памятников круга культур полей погребений, но и среди сарматских материалов (Матвеева, 2003, с.25, рис.1, 1-2, 4, 9).

С V-VI вв. в именьковской культуре проявляется «восточный компонент», связанный с населением кушнаренковской, караякуповской и др. культур, который археологически четко фиксируется (Казаков, 1996; Старостин, 1967, с.31; 1996, с.116; Сташенков, 1996, с.117-118).

В материальной культуре именьковских памятников в это время прослеживается такое количество инноваций, не связанных с «западным» кругом памятников, что, на мой взгляд, сама культура в значительной степени утрачивает свой «славяноидный» облик.

Показательны в этом плане материалы, полученные Е.П.Казаковым на II Коминтерновском могильнике и некоторых других памятниках Татарстана, свидетельствующие о включении в состав населения именьковской культуры значительной массы кочевого (?) населения. Эти материалы настолько выразительны, что на основании их Е.П.Казаков высказал упомянутую выше гипотезу о восточных истоках населения именьковской культуры (Казаков, 1998).

К VI-VII вв. относятся материалы поселений Самарского Поволжья, Татарстана, Башкортостана и Удмуртии, свидетельствующие о контактах именьковского и кушнаренковско-караякуповского населения. Яркий пример подобных контактов - обнаруженные при раскопках Пролетарского городища на севере Самарской области многочисленные фрагменты тонкостенных лепных орнаментированных сосудов, относящихся к кушнаренковской и караякуповской культурам, причем весьма вероятно синхронизация именьковского, кушнаренковского

и караякуповского комплексов на городище (Сташенков, 1997).

В материалах позднего этапа именьковской культуры найдены многочисленные предметы, позволившие исследователям говорить о финно-угорском компоненте в именьковской культуре. Вероятно, наличие на именьковских памятниках предметов рязано-окского круга и сходство керамических комплексов, происходящих с некоторых именьковских поселений и малоисследованных поселений рязано-окской группы, свидетельствуют о еще одном возможном направлении этнических контактов именьковского населения.

Таким образом, дискуссия об этнической принадлежности населения именьковской культуры до сих пор не завершена по объективным причинам. С самого начала именьковская культура представляла собой полиэтничное образование, включившее в себя представителей праславянских, ираноязычных, финно-угорских народов (археологически зафиксированы сарматские, саргатские, позднескифские элементы, прослежены многочисленные параллели в материалах караякуповской, киевской, кушнаренковской, позднезарубинецкой, пшеворской, турбаслинской и др. культур). На разных этапах развития и в разных частях именьковского ареала преобладало то или иное население, придававшее специфическую окраску именьковской культуре.

Необходимо также отметить, что на сегодняшний день ни одна из проблем, поставленных в самом начале исследования именьковской культуры – о хронологических рамках, происхождении, этнической принадлежности и дальнейших судьбах – окончательно не решена. Эти проблемы должны стать объектом пристального внимания исследователей в ближайшие годы.

Публикуемые в настоящем издании материалы позволяют вновь обратиться к проблеме происхождения именьковской культуры и в этом плане представляют особый интерес для исследователей, занимающихся раннесредневековой историей Среднего Поволжья. На основе анализа новых комплексов становится возможным выделение предыменьковских и раннеименьковских памятников на остальной территории именьковской культуры. В первую очередь это относится к территории современного Татарстана и Ульяновской области, где в ближайшее время следует ожидать выявления предыменьковских комплексов.

Выявление памятников, своим происхождением связанных с позднескифскими памятниками Подонья и Нижнего Поволжья, а также с киевской культурой, позволяет уточнить исходные районы миграции для первой волны оседло-земледельческого населения, появившегося в Среднем Поволжье в самом начале эпохи Великого переселения народов.

Литература и архивные материалы

- Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П., 1981.* Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Археологические памятники..., 1996.* История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). Выпуск 6. Археологические памятники Башкортостана. Уфа.
- Баран В.Д., 1981.* Черняхівська культура: за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Киев.
- Баран В.Д., 1997.* Венеди, склавини та анти у світлі археологічних джерел // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 1. М.
- Бирюков И.Е., 1998.* I Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж.
- Богачев А.В., 1991.* Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара.
- Богачев А.В., 1995.* О верхней хронологической границе именковской культуры // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986.* У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.
- Васильева И.Н., 1979.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды КГПИ. Том 230. Куйбышев.
- Вергей В.С., 1997.* Поселения пражской культуры Белорусского Полесья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 3. М.
- Гавритухин И.О., 1997.* Хронология пражской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 3. М.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995.* Гапоновский клад (предварительная публикация) // СА, № 4.
- Газимзянов И.Р., 1996.* Антропологическая характеристика материалов раскопок могильника у с. Сиделькино // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара.
- Генинг В.Ф., 1956.* Этнические культуры Прикамья в эпоху железа // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М.
- Генинг В.Ф., 1959.* Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань.
- Генинг В.Ф., 1977.* Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.
- Генинг В.Ф., 1979.* Хронология поясной гонимитур I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА, вып. 158. М.
- Голдина Р.Д., 1999.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.
- Гольмстен В.В., 1924.* Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Ч. 1. Самара.
- Гольмстен В.В., 1925.* Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень общества археологии и истории, этнографии, естествознания. №3. Самара.
- Гольмстен В.В., 1928.* Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии РАНИОН, т. IV.
- Гольмстен В.В., 1946.* Бурфасы // КСИИМК, вып. XIII, М.-Л.
- Гороховский Е.Л., 1988.* Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев.
- Гузев Ю.К., 2000.* О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.
- Гумилев Л.Н., 1993.* Изменение климата и миграции кочевников // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.
- Древности бассейнов рек Оки и Камы.* МАР № 25. СПб, 1901.
- Жиромский Б.Б., 1958.* Древнеродовое святилище Шолом // МИА, 61. М.
- Захаров А.С., 1971.* Рельеф Куйбышевской области. Куйбышев.
- Збруева А.И., 1938.* Дневник раскопок на Царевом кургане Красноярского района Куйбышевской области // Архив СОИКМ им. П.В. Алабина, ф. VII. 6.1, д. 169/1938, с. 370-372.
- Збруева А., Смирнов А., 1939.* Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла. 1938—1939 гг. // Вестник древней истории, №4.
- Зубов С.Э., 2000.* Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Самара.

- Ильюков Л.С., 2000.* Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.
- Казаков Е.П., 1996.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Казаков Е.П., 1998.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954.* Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Казань.
- Каспарова К.В., 1986.* Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Кияшко А.В., Мыськов Е.П., 2000.* Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Выпуск I. Ростов - на - Дону.
- Ключникова Р.М., Матвеева Г.И., 1985.* Селище Ош-Пандо-Нерь // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.
- Кляшторный С., Старостин П., 2002.* Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань.
- Козак Д.Н., 1983.* Памятники рубежа и первых веков н.э. в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. Киев.
- Косяненко В.М., 2000.* Пряслица из некрополя Кобякова городища (раскопки 1956-1962 гг.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып.16. Азов.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2002.* Археологический комплекс на горе Маяк // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений 29-30 мая 2002 г. Казань.
- Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю., 1987.* Постников овраг - археологический памятник эпох камня-средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев.
- Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., 2004.* Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье (предварительные результаты исследования) // РА, №1.
- Кухаренко Ю.В.* Зарубинецкая культура. М., 1964.
- Левина Л.М., 1996.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. - I тысячелетие н.э. Москва.
- Леонтьев А.Е., 1999.* Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск.
- Лепехин И.И., 1795.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч.1, СПб.
- Лифанов Н.А., 1997.* Домостроительство лесостепного Поволжья второй-третьей четверти I тысячелетия н.э. Автореф. дис. к.и.н. Ижевск.
- Максимов Е.В., 1982.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.
- Максимов Е.В., Орлов Р.С., 1974.* Поселение и могильник второй четверти I тыс. н.э. у с.Казаровичи близ Киева // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Матвеева Г.И., 1975.* Памятники именьковской культуры на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып.3. Куйбышев.
- Матвеева Г.И., 1981.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Матвеева Г.И., 1986.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Матвеева Г.И., 1993.* Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара.
- Матвеева Г.И., 1997.* Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 3. М.
- Матвеева Г.И., 1998.* Памятники лбищенского типа - ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Матвеева Г.И., 2000.* Памятники именьковской культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. Москва.
- Матвеева Г.И., 2001.* Хронология именьковской культуры // Самарский край в истории России. Самара.
- Матвеева Г.И., 2003.* Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Учебное пособие. Самара.
- Матвеева Г.И., 2003а.* Этнокультурные контакты племен именьковской культуры // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара.
- Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991.* Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара.
- Медведев А.П., 1996.* Подгоренское городище на р.Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып.1. Липецк.
- Медведев А.П., 1998.* III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подо-

няя первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.12. Воронеж.

Медведев А.П., 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Выпуск 1. Ростов - на - Дону.

Митрофанов А.Г., 1978. Железный век средней Белоруссии (VII-VI вв. до н.э. - VIII в. н.э.). Минск.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 2000. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. Москва.

Никитина Г.Ф., 1995. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у с.Оселивка. М.

Никитина Г.Ф., 1996. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М.

Обломский А.М., 2002. Днепровское лесостепное левобережье в поздне римское и гуннское время (середина III - первая половина V в. н.э.). М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1998. Поселение Седелки и его место среди памятников поздне римского времени Днепровского левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.12. Воронеж.

Останина Т.И., 2002. Кузбаевское городище. IV-V, VII вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск.

Пачкова С.П., 1974. Господарство східно-слов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ.

Петренко А.Г., 1998. К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н.э. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.

Поболь Л.Д., Ильютин А.В., 2001. Жилища второй четверти I тыс. н.э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1960 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. №3. Мінск.

Полесских М.Р., 1991. Ражкинский могильник // Археология восточно-европейской степи. Выпуск 2. Саратов.

Приходнюк О.М., 1998. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж.

Расторопов А.В., 1985. Исследование городища Лбище на Самарской Луке в 1981 г. // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Рафалович И.А., 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев.

Савельева Э.А., 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА, вып. 158. М.

Салугина Н.П., 1985. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Салугина Н.П., 1986. Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев.

Салугина Н.П., 1988. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.

Салугина Н.П., 1995. Технология изготовления керамики именьковской культуры с Междуреченского городища // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара.

Салугина Н.П., 2000. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.

Самойловский И.М., 1959. Корчеватовский могильник // МИА, 70. М.-Л.

Седов В.В., 1994. Славяне в древности. М.

Семькин Ю.А., 1986. О металлургических горнах именьковской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78. М.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. М.

Смирнов А.П., 1962. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14. М.

Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1-32. М.

Старостин П.Н., 1971. Этнокультурные общности предболгарского времени в нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.

Старостин П.Н., 1986. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

- Старостин П.Н., 1994.* Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань.
- Старостин П.Н., 1996.* Племена именковской культуры и население Прикамья и Приуралья // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть II. Уфа.
- Сташенков Д.А., 1992.* Отчет о разведках в Ульяновском р-не Ульяновской обл. и в Челно-Вершинском и Шенталинском районах Самарской области по открытому листу № 849 (форма №2) в 1991 г. Самара // Архив ИА РАН.
- Сташенков Д.А., 1993.* Отчет о раскопках селища и курганного могильника у с. Новинки Волжского района Самарской области и разведках в Челно-Вершинском и Шенталинском районах Самарской области в 1992 г. Самара // Архив ИА РАН.
- Сташенков Д.А., 1995.* Археологические исследования у с.Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Вып.VII. Самара.
- Сташенков Д.А., 1995а.* Отчет об охранно-спасательных археологических работах на комплексе средневековых памятников у д.Пролетарий и разведках в Челно-Вершинском районе Самарской области. Самара // Архив ИА РАН.
- Сташенков Д.А., 1996.* О восточных элементах в именковской культуре // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть II. Уфа. С.117-118.
- Сташенков Д.А., 1996а.* Памятники эпохи раннего средневековья у с.Сиделькино // Краеведческие записки. Вып.VIII. Самара.
- Сташенков Д.А., 1997.* К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 3. М.
- Сташенков Д.А., 2000.* Отчет о раскопках Тимяшевского I селища в Шенталинском районе Самарской области в 1999 г. Самара // Архив ИА РАН.
- Сташенков Д.А., 2002.* Отчет об охранно-спасательных раскопках Пролетарского городища в Челно-Вершинском районе Самарской области в 1999 г. Самара // Архив ИА РАН.
- Сташенков Д.А., 2003.* Комплекс памятников у с.Сиделькино // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В.Алабина и Международной конференции. Самара.
- Степанов П.Д., 1956.* Из истории земледелия в Нижнем Поволжье (с древнейших времен до XVI в.) // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып.1. Археологический сборник. Саратов.
- Степанов П.Д., 1964.* Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии, т.II. Уфа.
- Сымонович Э.А., 1979.* Коблевский и Ранжевский могильники около г.Одессы // Могильники черняховской культуры. М.
- Терпиловский Р.В., 1984.* Ранние славяне Подесенья III-V вв. н.э. Киев.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992.* Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.
- Фахрутдинов Р.Г., 1975.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань.
- Федоров Г.Б., 1960.* Малаештский могильник (памятник черняховской культуры в бассейне реки Прут) // Черняховская культура. МИА, 82. М.
- Хавлюк И.И., 1974.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Халиков А.Х., 1971.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Халиков А.Х., 1978.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань.
- Халиков А.Х., 1986.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Хреков А.А., 1991.* Грунтовой могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология восточно-европейской степи. Выпуск 2. Саратов.
- Хреков А.А., 1995.* Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Хреков А.А., 1997.* Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 3. М.
- Хохлов А.А., 2003.* Антропологические материалы погребений на территории поселения Сиделькино II // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В.Алабина и Международной конференции. Самара.
- Хохлов А.А., 2003 а.* Антропологические материалы с Царева кургана // Царев курган. Каталог археологической коллекции. Самара.
- Царев курган, 2003.* Каталог археологической коллекции. Самара.
- Юдин А.И., 2001.* Алексеевское городище в г.Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Вып.4. Саратов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Таблица 1. Царев курган. Распределение сосудов по форме и характеру обработки поверхности

Форма/ обработка поверхности	Неорнаментир.	Орнамент. защипами	Орнамент. насечками	Орнамент. вдавлениями	Лощение	Всего
Венчик загнут внутрь						
Венчик прямой	8					8
Венчик отогнут	3	48	2	1		54
Миски	12				2	14
всего	23	48	2	1	2	76

Таблица 2. Царев курган. Распределение сосудов по форме и размерам

Категории/ Диаметр венчика	Горшки орнаментир.	Горшки без орнамент.	Миски	Всего
до 10 см		1		1
10-15 см	1	4		5
15-20 см	3	2		5
20-30 см	12	4	14	16 + 14
Всего	16	11	14	41

Таблица 3. Распределение сосудов на памятниках по размерам

Размеры горшковидных сосудов	Название памятника			
	Царев курган	Сиделькино	Крепость Кондурча	Тимяшево
Диаметр венчика:				
до 10 см	1			1
10-15 см	5	3	6	4
15-20 см	5	3	9	9
20-25 см	16	8	7	6
более 25 см		2		2
Диаметр днища:				
до 10 см		6		
10-15 см	9	17	5	13
15-20 см		9	3	2
более 20 см		1		1

Таблица 4. Структура наборов сосудов на памятниках
(по типологии А.М.Обломского, 2002 г.)

Типы сосудов / название памятника	Царев курган	Крепость Кондурча	Тимяшево	Сиделькино
Горшки				
I.1.a,б				2
I.1.a	2	7		3
I.1.б	7	6	1	1
I.1.в	15		1	
I.3.a		2	4	2
I.3.б			1	1
I.4.a		1	1	1
I.4.б		1	1	
II.1			2	1
II.2.a		1		1
II.2.б			1	1
II.5				2
Миски				
I.2	1			2
II.3	1			
III.1	1			
III.2.	3			
Конические миски				
I	1			
Диски				
I	?	4	2	+
II	?		1	
Кувшины	+		1	1
Миниат. сосуды	+			+

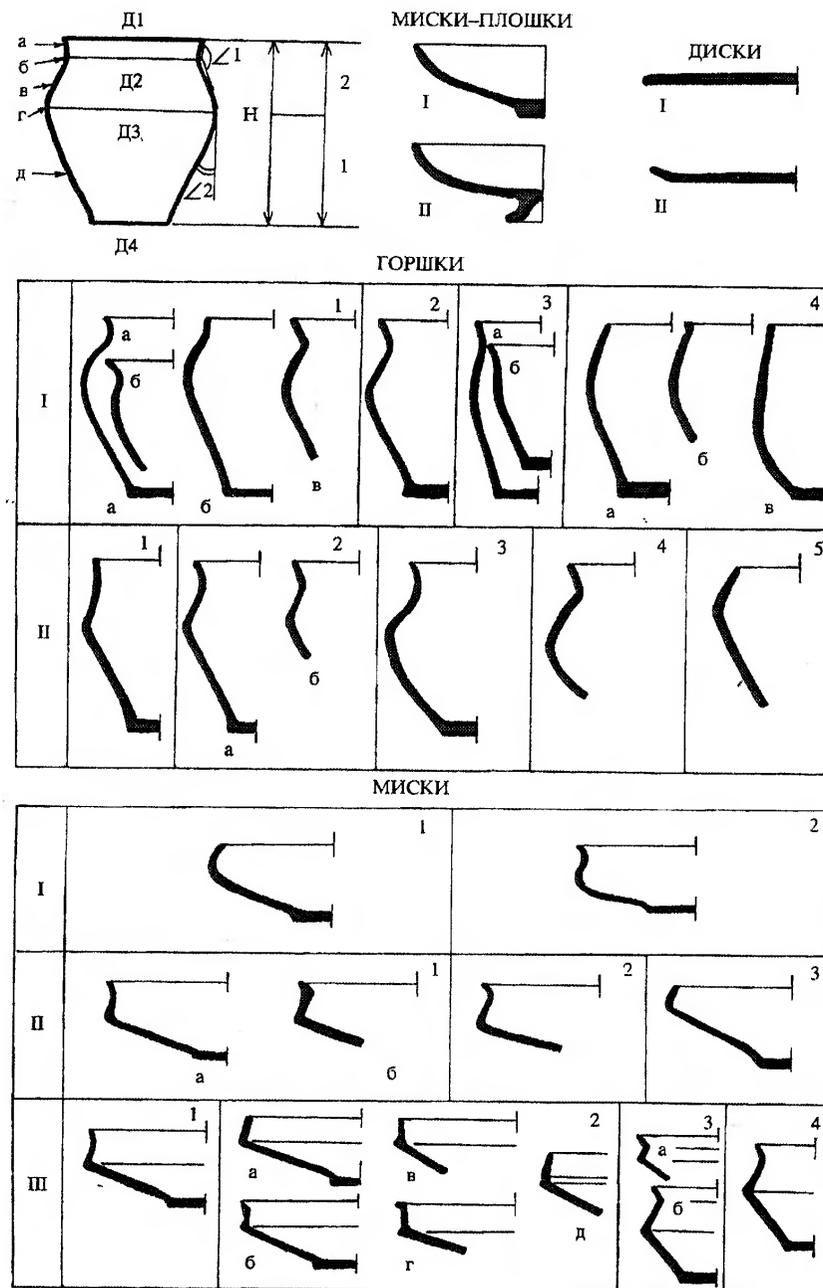

Таблица 5. Схема классификации лепной посуды по А.М.Обломскому (Обломский, 2002, рис.2).

В таблице классификации горшков и мисок римскими цифрами обозначены классы, арабскими - типы, буквами внизу - варианты, буквами сверху - разновидности.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

В.В. Гасилин

Фауна предыменьковских и раннеименьковских памятников лесостепного Поволжья

Собранные материалы вновь открытых памятников - Сиделькинского II селища, селища Крепость Кондурча II, оставленных пришлыми племенами - содержали и такую характерную для поселений категорию находок, как фрагменты костей животных. Их таксономическая диагностика выявила основную группу видов млекопитающих, значимых в хозяйстве: домашние копытные, а также несколько видов диких животных, остатки которых в массовых костных сборах были единичны.

Наибольшее количество костных находок (при большей вскрытой площади) собрано на раскопках Сиделькинского II селища - 2960 костей, из которых 821 определена. Однако необходимо отметить, что из раскопов 3 (в меньшей степени) и 6 Сиделькинского II селища происходят и кости диких животных, связанных с поселенческим слоем эпохи каменного века. Выборка из селища Крепость Кондурча составила 85 определенных костных фрагментов при 224 неопределимых. Сохранность по критерию фрагментарности в обоих случаях оценена как плохая. Сохранность по состоянию компактной ткани кости во всех, кроме одного, раскопах Сиделькинского II селища удовлетворительная, в раскопах селища Крепость Кондурча II и в раскопе 5 Сиделькинского II селища плохая.

Ниже приводятся результаты анализа остеологических материалов суммарно для селища Крепость Кондурча II и отдельно по раскопам, сооружениям и условным горизонтам залегания для Сиделькинского II селища.

Селище Крепость Кондурча II

Всего на двух раскопах собрано 378 костей. Определены 39 костей КРС* от 2 особей: взрослой и молодой, обе особи относятся к мелко-размерным. 15 костей принадлежали МРС - установлены 2 взрослые особи овцы. Определены 13 костей свиньи - 1 старая, мелко-размерная

особь, 17 костей лошади от 2 крупных особей - взрослой и молодой (до 1 года), 1 кость собаки.

Среди неопределимых 60 костей принадлежали крупным, 68 мелким копытным.

Недостаточность выборки не позволяет по количеству костей оценить степень участия каждого вида копытного в обеспечении продукцией древнего населения.

Сиделькинское II селище

Раскоп 2. Определены 42 кости. Рассмотрены остатки с квадратов 1, 2, 3, 5, сооружений 1, 13. Мощность костеносного слоя 3 штыка (горизонта).

Сооружение 1 содержало следующие остатки: КРС - верхний коренной, МРС - диафиз плюсневой кости, свинья - неполная лопатка, лошадь - фрагмент нижней челюсти, птица - плечевая кость.

Сооружение 13. Остатки МРС - верхний коренной, фрагменты локтевой, пястной костей.

Вне сооружений отмечены кости КРС (13/2*), МРС (14/2), лошадь (3/1), свинья (2/1), лось (1/1), 1 костный фрагмент птицы (размеров вороны).

Неопределимых костей, принадлежащих млекопитающим, получено 74.

Раскоп 3. Определено 355 костных остатков. Положение костей домашних копытных в слое иллюстрирует табл. 1.

Горизонт 1. Определены 165 костей, обнаруженных на квадратах 3, 4, 6, 7, 10 - 12, 16, 17, 19 - 24, 25, 26.

Помимо домашних копытных определены остатки следующих животных: лось (2/1), собака (5/1), заяц (1/1), бобр (2/1), птица (3 кости), рыба (2 кости).

2 особи КРС были старше 24-30 месяцев, одна – моложе. 3 из 4-х особей МРС забиты в возрасте 9-12 месяцев.

Среди наиболее многочисленных костей КРС, МРС и лошади преобладают части дистальных костей конечностей и отдельные зубы и нижние челюсти. Части проксимальных костей конечностей и туловища (т.е. кости отделов туши, наиболее ценных в питании) составили соответственно 27,0 %, 19,4 % и 27,8 % от количества костных остатков каждого вида в отдельности.

Горизонт 2. Определено 165 костей. Изучены кости с квадратов 5-7, 10, 16, 17, 19 -21, 24.

Кроме копытных (табл.1) определены собака (13/2), рыба (1 кость).

Самым молодым особям в изученной выборке популяции КРС 5-18 месяцев, но встречены также взрослые и старые животные. Разброс возрастных групп МРС следующий: определены молодые особи 6-24 месяцев и 18-24 месяцев, взрослая особь старше 18-24 месяцев.

Кости отделов туши, наиболее ценных в питании, составили 9,3 %, 5,0 %, 1,4%, 0,4 % соответственно для КРС, МРС, лошади и свиньи.

Видовой состав костных остатков, обнаруженных в бровках квадратов 16 и 17, в сборах с постройки (**сооружение 1**) идентичен прочим фиксированным в слое материалам: КРС (7/2), МРС (9/2), свинья (1/1), лошадь (2/1), собака (1/1), птица (2/1).

Сооружение 1 содержало следующие остатки: КРС – верхний коренной зуб молодого животного, МРС – премоляр, свинья – молочный зуб.

Неопределимых костей на раскопе III оказалось 845. Количество определимых костей (356) составило 29,5 % от общего количества костей на раскопе.

Раскоп 4. Определены 36 костей. Рассмотрены костные фрагменты с квадратов 1, 2, 3, сооружения 1, подъемный материал. Мощностное исследованное костеносное слоя 20 см.

КРС (11/2) – особи 1,5 и 4-х лет, МРС (8/2) – 1 особь молодая, лошадь (6/1), свинья (1/1), лось (1/1), рыба (1 кость). Найденные элементы скелета скота не имеют пищевого значения (зубы, части черепа, дистальные кости конечностей).

Не определено 38 костей.

Сооружение 1 содержало следующие остатки: КРС, – нижняя челюсть молодой особи, мо-

лочный резец, фрагмент лучевой и фаланга взрослой особи: все остатки от 2 особей, МРС – 3 верхних коренных зуба от 2-3-х особей (молодой и взрослых), лошадь – плюсневая.

Раскоп 5. В культурном слое обнаружено 424 кости, 131 из них удалось определить. Основной материал происходит из первого горизонта (98 костей) и сооружений 1 и 2. Кости обнаружены на квадратах 1-7, 10-12, 14-16, 18, 21-23, 25, 27, 31, 32, 34, 35, 43. Состояние компактной ткани костей с этого раскопа отличается низкой плотностью, близкой к мелу.

Соотношение доминирующих на раскопе видов отражено в табл.2.

КРС. 2 молодые особи 15-18 месяцев. 3 другие старше 24-30 месяцев.

МРС. 2 особи старше 18-24 месяцев, 1 особь 9-12 месяцев (?).

Свинья. Взрослая особь старше 17-22 месяцев.

Лошадь. Одна взрослая особь.

Горизонт 1 содержал также кости домашней курицы (1 кость молодой особи) и лоса (2 кости).

3 кости КРС и кость лошади найдены в бровке квадратов 2 и 3.

Сооружение 1. В заполнении найдены кости КРС (4/2) – молодая и взрослая особи, МРС 9-12 месяцев (2/1), свинья не старше 12-16 месяцев (1/1), молодая лошадь (5/1). Неопределимых фрагментов 37.

Сооружение 2. Видовой состав находок следующий: КРС (3/1), МРС старше 18-24 месяцев (7/1), свинья (3/1), лошадь (3/1). Неопределимых остатков костей 22.

Таблица 3 содержит данные о характере неопределимых остатков и отражает сохранность материала раскопа.

Раскоп 6. На определение поступило 1143 остеологических фрагмента. Установлена видовая принадлежность 257 костных остатков. Рассмотрены остатки с квадратов 1-12, 14-16, 26. Табл.4 объединяет главные численные показатели по основным копытным.

Количество особей устанавливалось по изолированным зубам, челюстям, т. е. по фрагментам, не имевшим пищевого значения и потому сохранившимся и несущим по той же причине информацию о близком к действительности соотношении.

Ниже приводятся некоторые результаты анализа костей, касающиеся каждого условного горизонта в отдельности.

Горизонт 1. Определено 65 костей млекопитающих, птиц и рыб. Кости встречены на квадратах 1-9, 11, 12, 15.

КРС. 2 особи: с молочной и зрелой генерацией зубов.

МРС. Кости 3 особей происходили от молодого (молочного), взрослого и старого животных.

Свинья. 4 особи: взрослая старше 17-22 месяцев, молодые 7-17 месяцев.

Лошадь. Кости молодой особи до 4-х лет.

Еще одно домашнее животное – **домашняя собака** (2/1).

Встречены также птица (2 кости), заяц (4/2), рыба (1 кость).

Горизонт 2. Определено 50 костей. Рассмотрены остатки с квадратов 1-4, 6-11, 14, 16.

КРС представлен двумя особями – молодой (15-18 месяцев) и взрослой.

МРС. 3 особи – 2 взрослых и одна с молочными зубами.

Свинья. 2 особи тех же возрастных категорий, что и на первом горизонте: взрослая – старше 17-22 месяцев, молодая 7-17 месяцев.

Лошадь. Вид представляет молодая особь, претерпевшая возрастные изменения в зубной системе.

Кроме костей домашних копытных здесь встречены остатки лося (2/1), птицы (2 кости).

Горизонт 3. Найдено 684 кости млекопитающих, 142 удалось определить. Остатки обнаружены на квадратах 1, 2, 11, 14.

КРС. Единственная особь в возрасте, не превышающем 2,5 лет.

МРС. Также единственная особь, о возрасте можно лишь сказать, что она не моложе 3-5 месяцев.

Свинья. 2 особи – первая, вероятно, новорожденная, вторая немного старше, не сменившая молочные зубы на постоянные.

Дикую фауну представляют лось (2/1), заяц (9/2), бобр (2/1), хорь (1/1).

В таблице 5 приводятся количественные данные по встречаемости костей, идентификация которых оказалась невозможной.

На раскопах V-VI также встречены фрагмент нижней челюсти свиньи, 3 кости зайца, 2 кости бобра.

Суммарные данные, касающиеся домашних копытных из раскопов, отражены в табл. 6.

Таблица показывает, что в каждом горизонте КРС находится на первом месте, МРС на втором, лошадь на третьем, четвертое место занимает свинья. Но различия между горизонтами нельзя считать достоверными ввиду недостаточности выборок.

Таблица 7 является сводной по остеологическим находкам всех пяти раскопов. Количество особей в каждом раскопе определялось суммированием числа установленных особей на горизонтах и сооружениях.

Тот же состав домашних животных при полном отсутствии диких установлен для раннеименьковского городища Лбище (Петренко, 1984; неопубликованные данные автора). По числу костей здесь преобладал КРС (59%), значительно меньше костей лошади, МРС и свиньи. На Лбище забивали преимущественно особей КРС 2 и 3-3,5 лет (Петренко, 1998).

Возрастной состав КРС Сиделькинского II селища тоже не отличался однородностью: наряду с молодыми и полувзрослыми (8 особей), выращенными на мясо, были взрослые и достаточно старые животные (11 особей), державшиеся для получения молочных продуктов.

Доля остатков лошади на Лбище (28%) отличается от таковой на Сиделькинском II селище (17%). Вероятно, на городище спрос на это многофункциональное животное был выше, и отбор с отбраковкой шел интенсивнее.

На городище Лбище и Сиделькинском II селище обнаружено мало костных остатков свиньи (4% и 12%). На поздних этапах именинковой культуры в поселенческом материале выделяется уже значительное число костных остатков свиней (Петренко, 1998).

Видовой состав домашних животных ранних именинковцев, видимо, качественно беднее, чем у их преемников поздней миграционной волны. Так, исследованные выборки не содержат костей верблюда и кошки, в небольшом количестве встречающихся на именинковских поселениях (Петренко, 1984, 1998; Гасилин, 2002).

На всех трех памятниках домашние животные составляют основной материал (табл. 8).

Массовые материалы городища Лбища не содержат костей диких животных. Охота не имела большого значения в хозяйстве обитателей городища. Хотя и не исключено, что охотники снимали шкурки с «пушных» зверьков, оставляя ненужное на месте, почему кости в слой не попадали.

Единственный памятник, содержащий остатки охотничье-промысловых видов - Сиделькинское II селище. Кости диких млекопитающих (заяц, бобр, лось) составляют 5% от общего числа костей всех млекопитающих.

Аналогичная картина сложилась в отношении черняховских памятников Украины и Молдавии, где дикие виды составляли 1% всех костных остатков (Цалкин, 1964). Близки раннеименьковские материалы черняховским и по видовому составу домашних копытных.

Преобладание костей домашних животных на раннесредневековых памятниках Восточной Европы обусловлено сравнительно высоким уровнем экономического развития населения этой эпохи. Тем не менее, в отношении именковских поселений просматривается некоторое увеличение значения охоты на поздних этапах развития культуры.

Автор благодарен к.б.н. П.А.Косинцеву (Институт экологии растений и животных УрО РАН) за помощь в подготовке данной работы.

Примечания:

* КРС - крупный рогатый скот; МРС - мелкий рогатый скот.

** Здесь и далее числа, находящиеся в числителе, означают количество костей данного вида (группы), в знаменателе — количество особей.

Список литературы:

Гасилин В.В., 2002. Новое археозоологическое местонахождение — именковский памятник селище Ош-Пандо-Нерь // Бюллетень Самарская Лука. № 12. Самара. С. 125-135.

Гасилин В.В., 2003. Промысловая териофауна лесостепи Среднего Поволжья в голоцене // Исследования в области биологии и методики ее преподавания. Вып. 3 (1). Самара: Изд-во СГПУ. С.239- 244.

Гасилин В.В., 2003а. Костные остатки животных археологического памятника Сиделькино II // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В. Алабина и Международной конференции. Самара. С.36-39.

Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., Наука.

Петренко А.Г., 1998. К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н.э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара. С.198 -212. -

Цалкин В.И., 1964. К истории млекопитающих восточноевропейской лесостепи // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. Вып.3. М. С.25-39.

Список сокращений:

ИИМК - Институт истории материальной культуры;
 КГПИ - Куйбышевский государственный педагогический институт;
 КОМК - Куйбышевский областной музей краеведения;
 КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН;
 КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры;
 МАР - Материалы по археологии России;
 МИА - Материалы и исследования по археологии СССР;
 РАНИОН - Российская ассоциация научных институтов общественных наук;
 СА - Советская археология;
 САИ - Свод археологических источников.
 СОИКМ - Самарский областной историко-краеведческий музей им.П.В.Алабина.

Таблица 1. Распределение костей и особей домашних копытных из раскопа 3 Сиделькинского II селища по горизонтам

Штык	Животные				Всего
	КРС	МРС	Свинья	Лошадь	
	Костей/особей	Костей/особей	Костей/особей	Костей/особей	Костей/особей
1.	70/3	49/5	12/2	19/1	150/11
2.	59/3	44/5	21/3	27/2	151/13
1-2.	129/6	93/10	33/5	46/2	301/24

Таблица 2. Распределение костей и особей домашних копытных из раскопа 5 Сиделькинского II селища по горизонтам

Штык	Животные				Всего
	КРС	МРС	Свинья	Лошадь	
	Костей/особей	Костей/особей	Костей/особей	Костей/особей	Костей/особей
1.	49/5	16/3	5/1	22/1	92/10
2.	2/1	2/1	-	-	4/2

Таблица 3. Распределение неопределимых костей из раскопа 5 Сиделькинского II селища по горизонтам и сооружениям

	Крупное копытное	Мелкое копытное	Млекопитающее	Мелкие обломки	Всего
Штык 1	139	24	2	59	224
Штык 2	9	1	-	-	10
Сооружение 1	20	4	-	13	37
Сооружение 2	20	2	-	-	22
В сумме	188	31	2	72	293

Таблица 4. Распределение костей и особей домашних копытных из раскопа 6 Сиделькинского II селища по горизонтам

Штык	КРС	МРС	Свинья	Лошадь	Всего
	Костей/особей	Костей/особей	Костей/особей	Костей/особей	Костей/особей
1.	19/2	15/3	16/4	9/1	59/10
2.	15/2	17/3	7/2	7/1	46/8
3.	7/1	2/1	6/2	-	15/4
1-3.	41/5	34/7	29/8	16/2	120/22

Таблица 5. Распределение неопределимых костей из раскопа 6 Сиделькинского II селища по горизонтам

Штык	Крупное копытное	Мелкое копытное	Млекопитающе е	Мелкие обломки	Всего
1.	67	38	7	48	160
2.	51	26	4	103	184
3.	42	13	-	55	110
1-3.	160	77	11	206	454

Таблица 6. Распределение костей домашних копытных из раскопов 3, 5, 6 Сиделькинского II селища по горизонтам

Штык	КРС		МРС		Свинья		Лошадь	
	Кол-во костей, экз.	Доля костей, %						
1.	138	45,8	80	26,6	33	10,9	50	16,6
2.	73	36,9	63	31,8	28	14,1	34	17,1

Таблица 7. Фаунистический состав Сиделькинского II селища

Животные	Раскопы											
	2		3		4		5		6		Всего	
	экз. особи	%	экз. особи	%*	экз. особи	%	экз. особи	%	экз. особи	%	экз. особи	%
КРС	14/3	-	137/9	38,6	15/4	-	61/9	46,6	41/5	26,6	268/30	37,3
МРС	18/4	-	103/13	29	11/3	-	27/6	20,6	34/7	22	193/33	26,9
Свинья	3/2	-	35/7	9,9	1/1	-	9/3	6,9	29/8	18,8	77/21	10,7
Лошадь	4/2	-	48/3	13,5	7/2	-	31/3	23,7	16/2	10,4	106/12	14,8
Собака.	-	-	19/4	5,4	-	-	-	-	2/1	1,3	21/5	2,9
Лось	1/1	-	2/1	0,6	1/1	-	2/1	1,5	9/2	5,8	15/6	2,1
Куница	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1	0,7	1/1	0,1
Заяц	-	-	1/1	0,3	-	-	-	-	13/4	8,4	14/5	1,9
Бобр	-	-	2/1	0,6	-	-	-	-	4/2	2,6	6/3	0,8
Птица	2/?	-	5/?	1,4	-	-	1/1	0,8	4/?	2,6	12/?	1,7
Рыба	-	-	3/?	0,8	1/1	-	-	-	1/1	0,7	5/?	0,7
<i>В сумме</i>	42	-	355	100	36	-	131	100	154	100	719	100

* Процент от числа костей

Таблица 8. Соотношение костных остатков домашних и диких животных из поселений первых веков н.э. и именьковской культуры в Самарском Поволжье

Виды	Селище Сиделькино II		Городище Лбище		Именьковские памятники Самарской Луки **	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Домашние копытные	621	94,8	2982	100	1648	92,6
Дикие	34	5,2	-	-	132	7,4

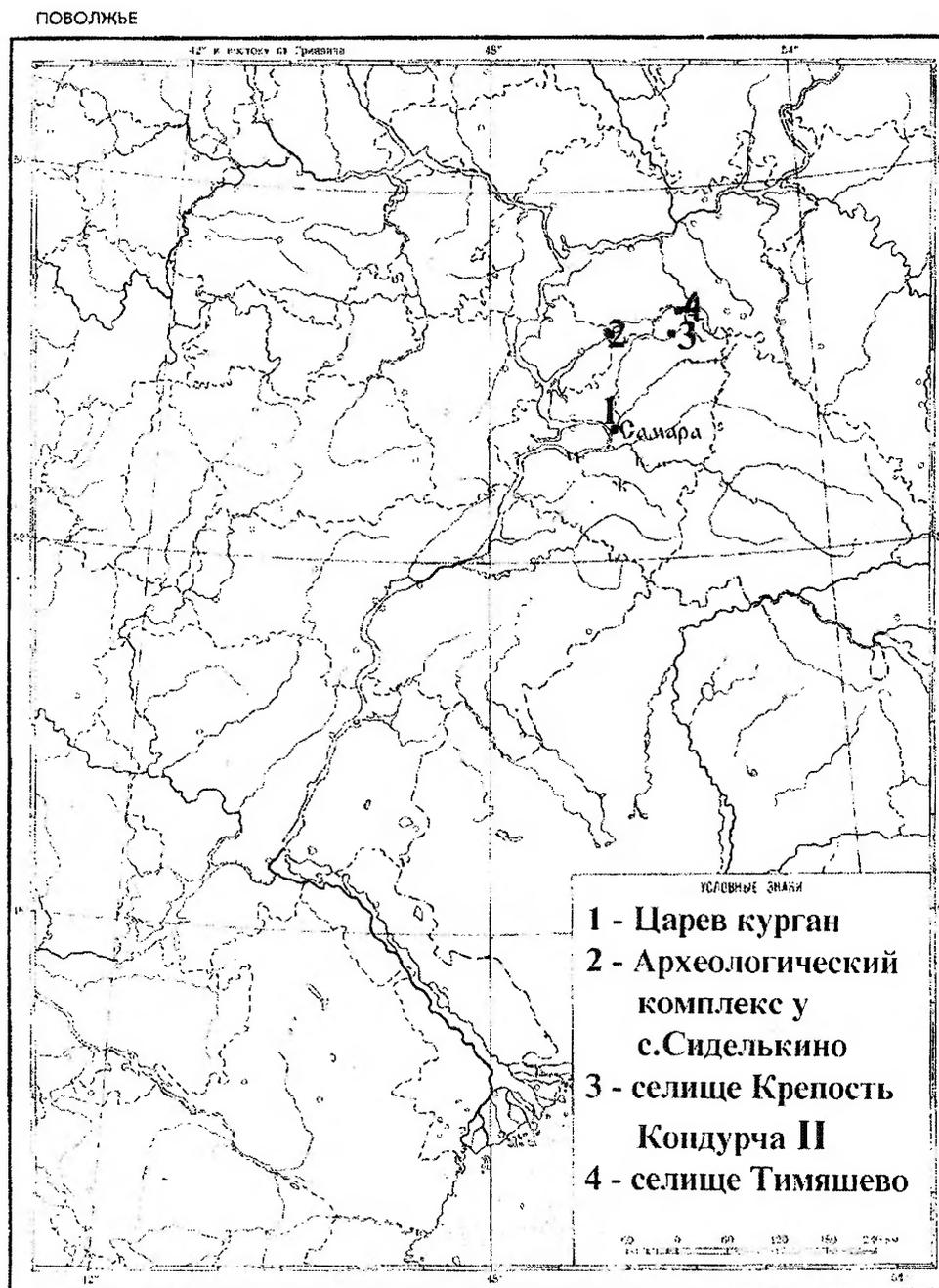

Рис. 1. Ситуационный план исследованных памятников I-V вв. н.э. в Самарском Поволжье.

Рис. 2. Царев курган. План раскопа 1938 г.

Рис. 3. Царев курган. 1938 г. Профиль западной стенки участка В/8-9.

Рис. 4. Царев курган. С фотографии начала XX в.

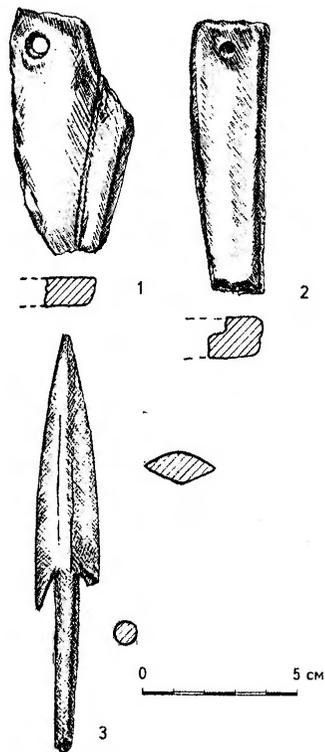

Рис. 5. Царев курган. 1-2 - оселки. Камень; 3 - наконечник стрелы. Кость.

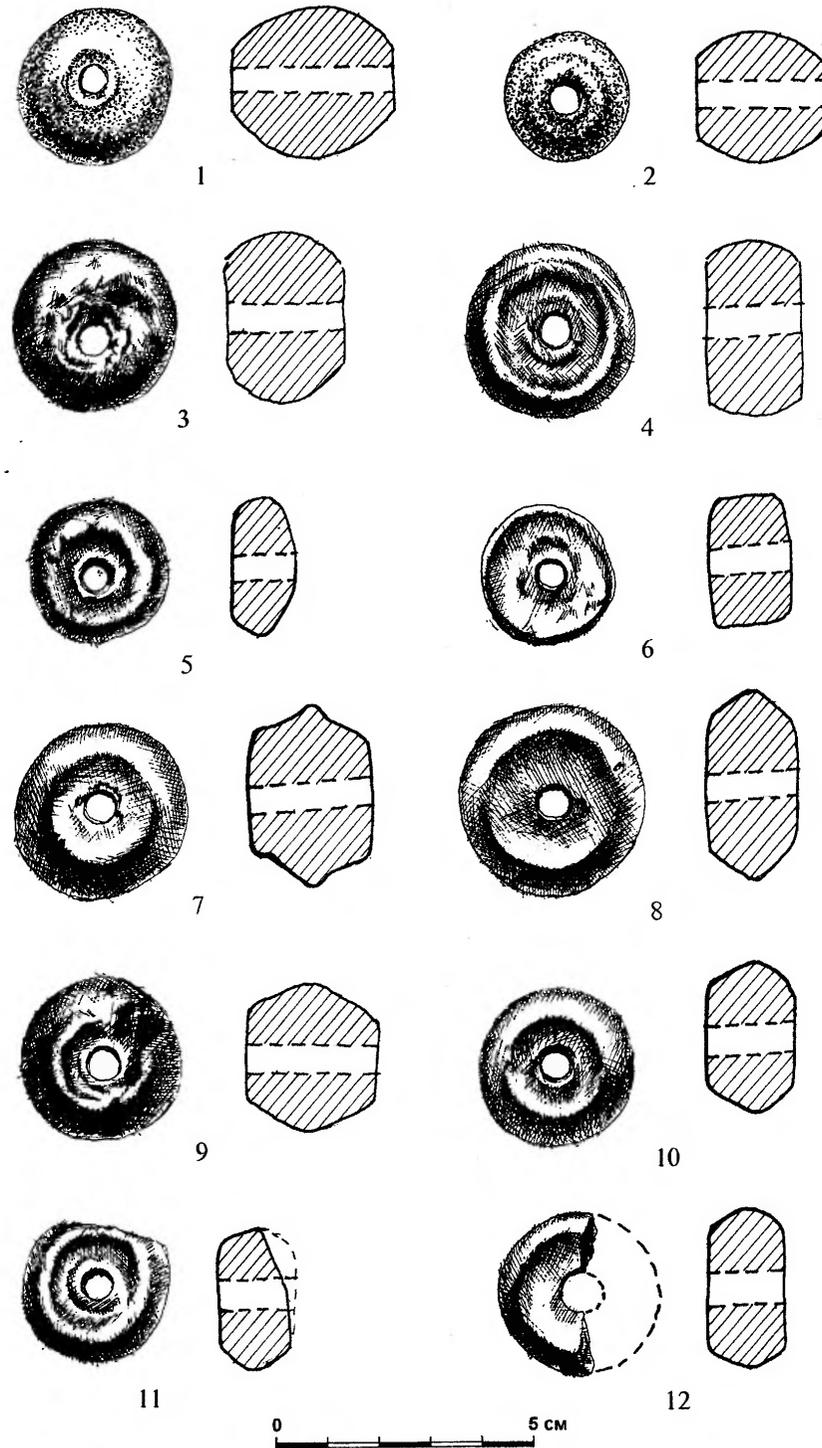

Рис.6. Царев курган. Пряслица. Глина.

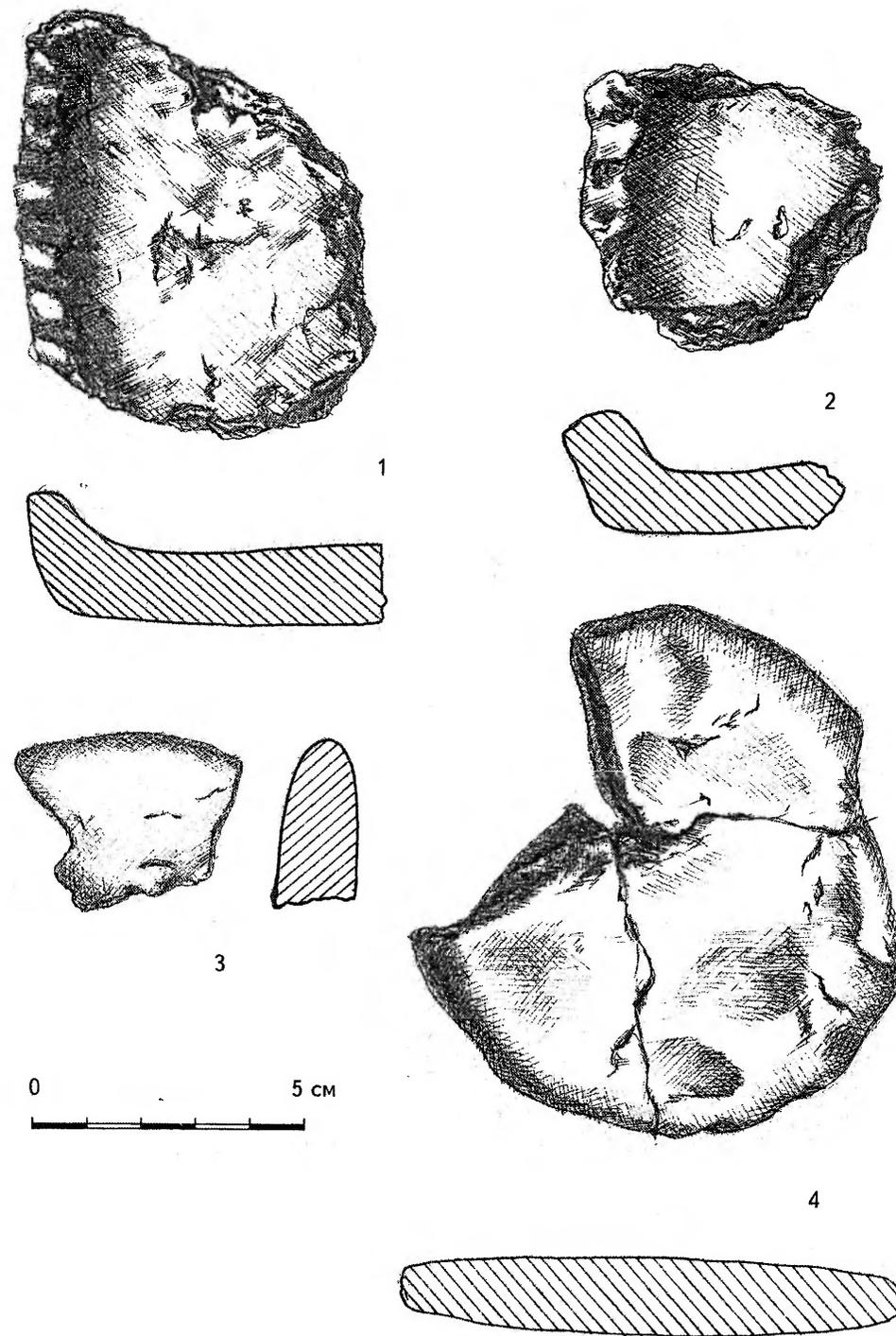

Рис. 7. Царев курган. Фрагменты глиняных дисков.

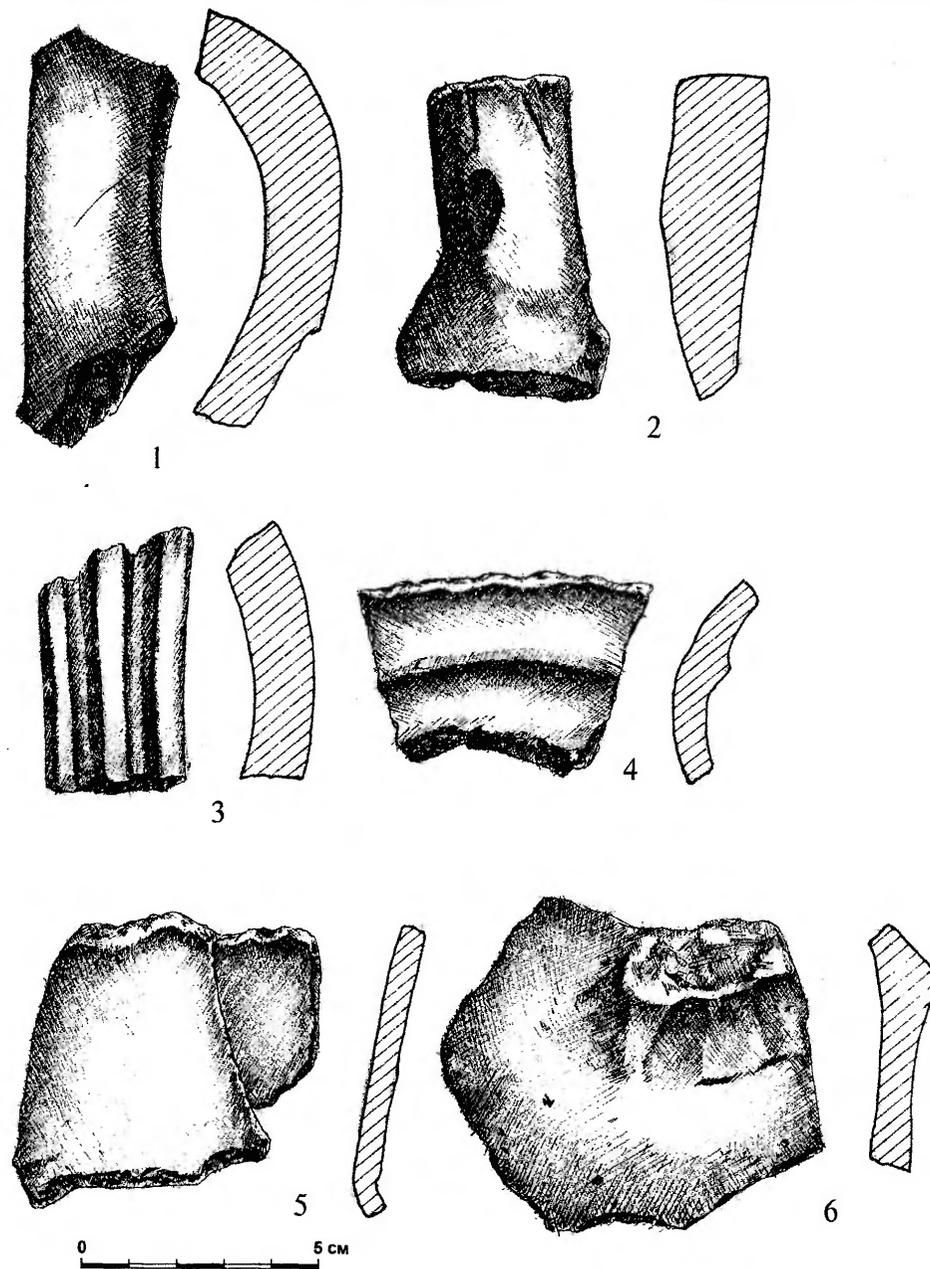

Рис. 8. Царев курган. Фрагменты кувшинов. Глина.

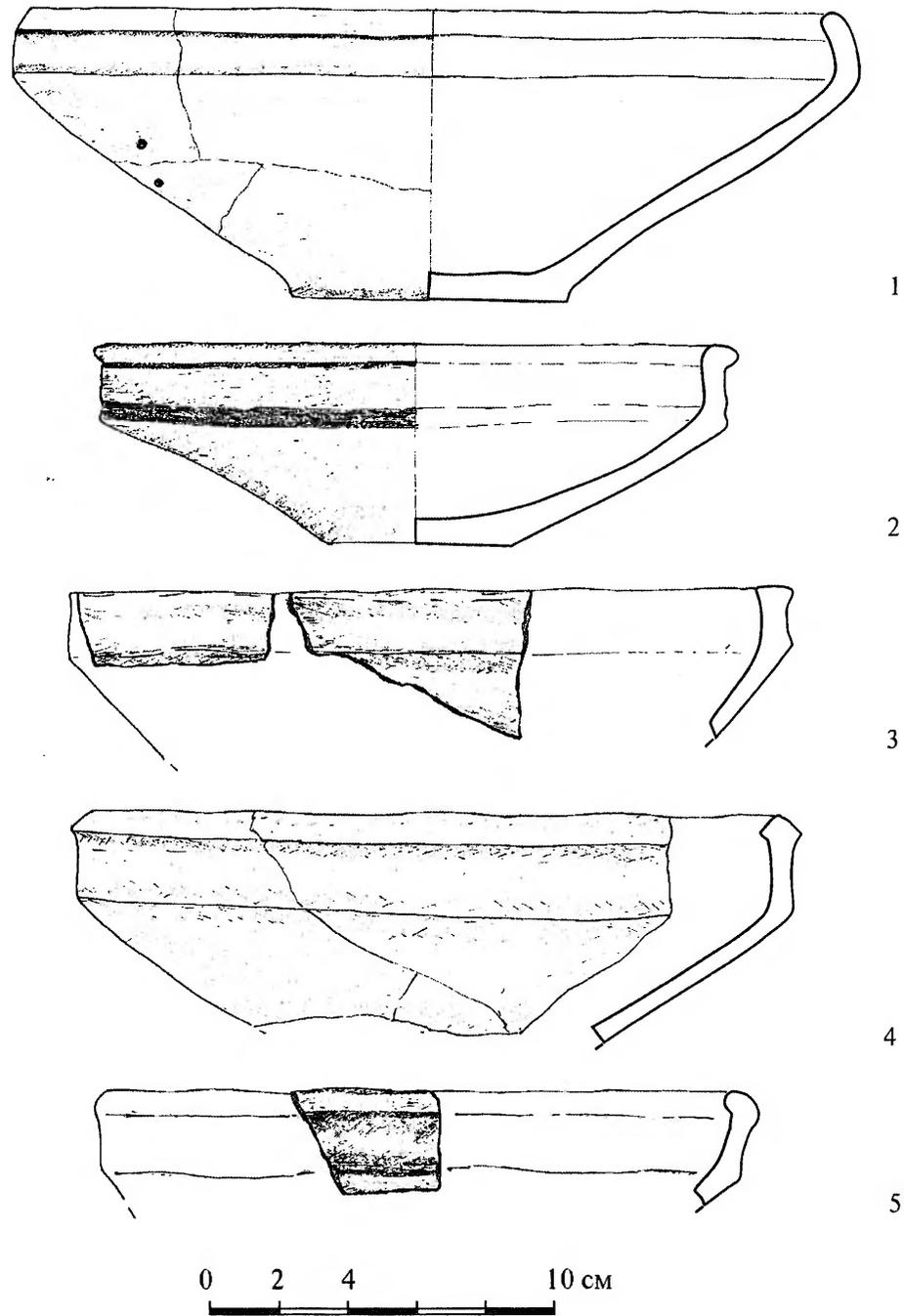

Рис.9. Царев курган. Фрагменты мисок. Глина.

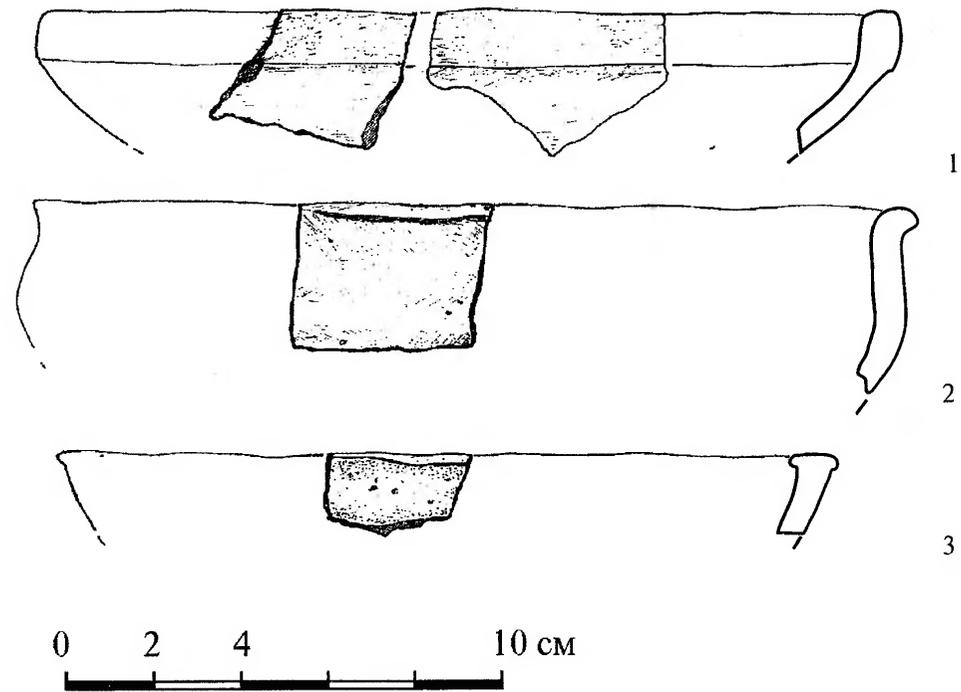

Рис. 10. Царев курган. Фрагменты мисок. Глина.

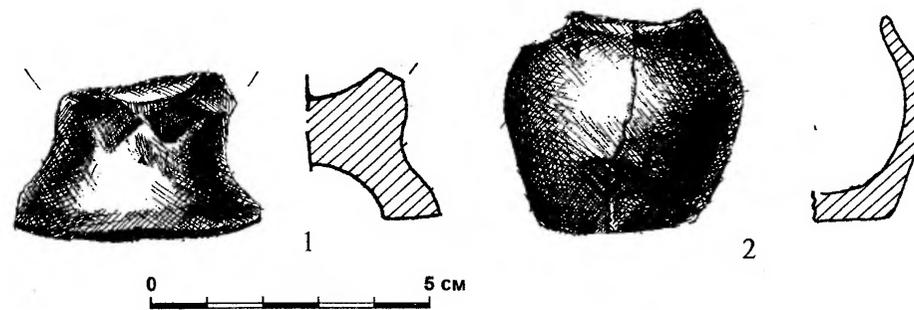

Рис. 11. Царев курган. 1 - фрагмент кубка (диска?); 2 - миниатюрный сосуд. Глина.

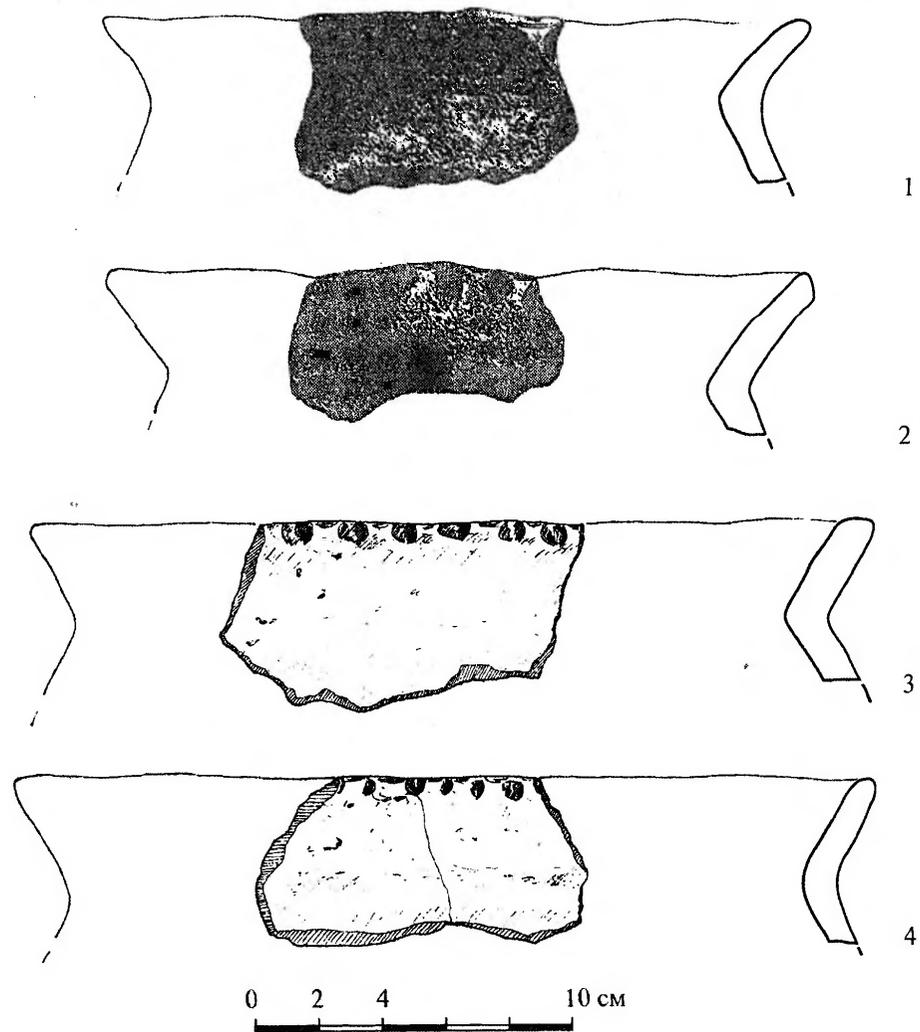

Рис. 12. Царев курган. Фрагменты орнаментированных горшковидных сосудов. Глина.

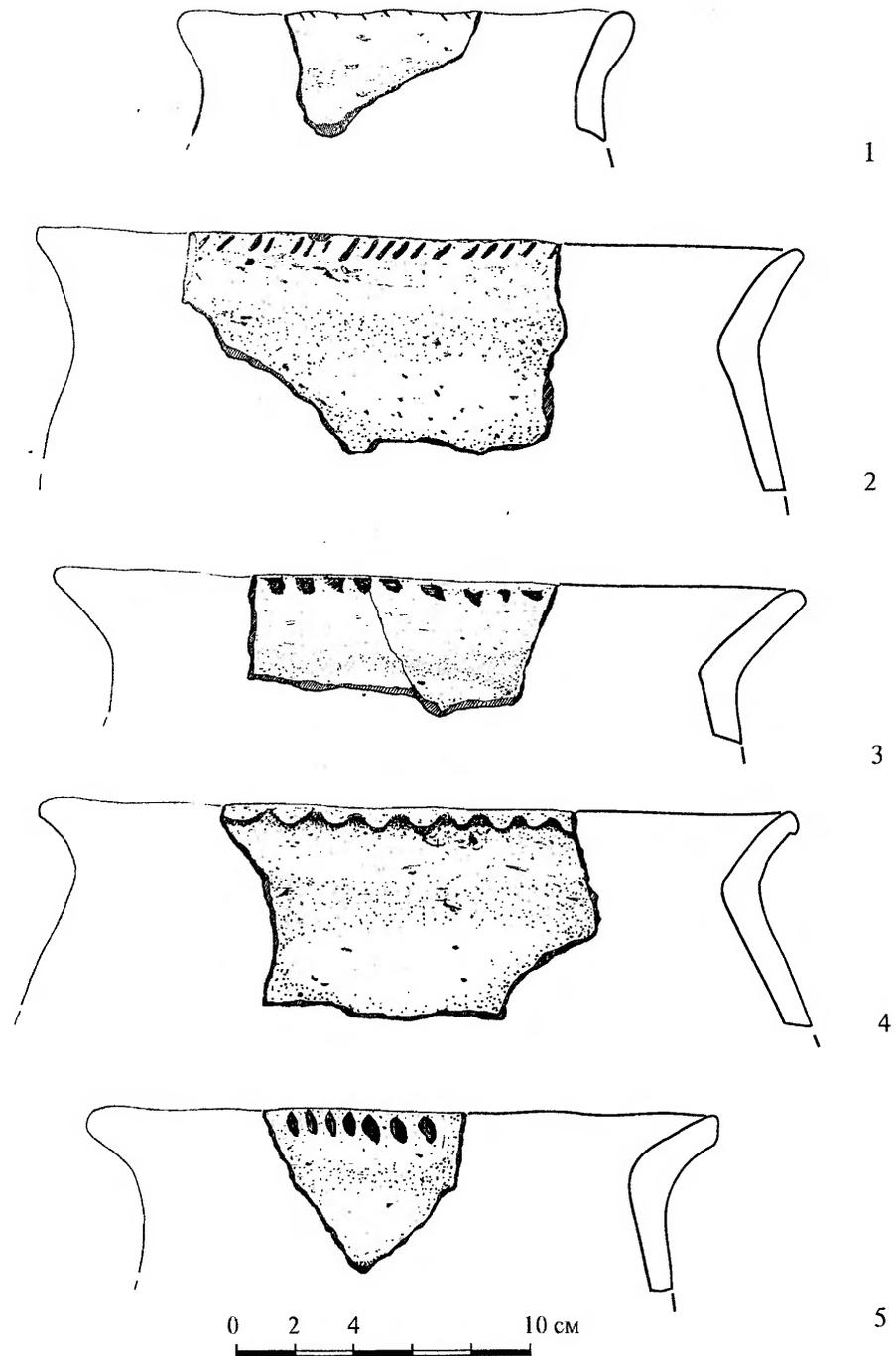

Рис. 13. Царев курган. Фрагменты орнаментированных горшковидных сосудов. Глина.

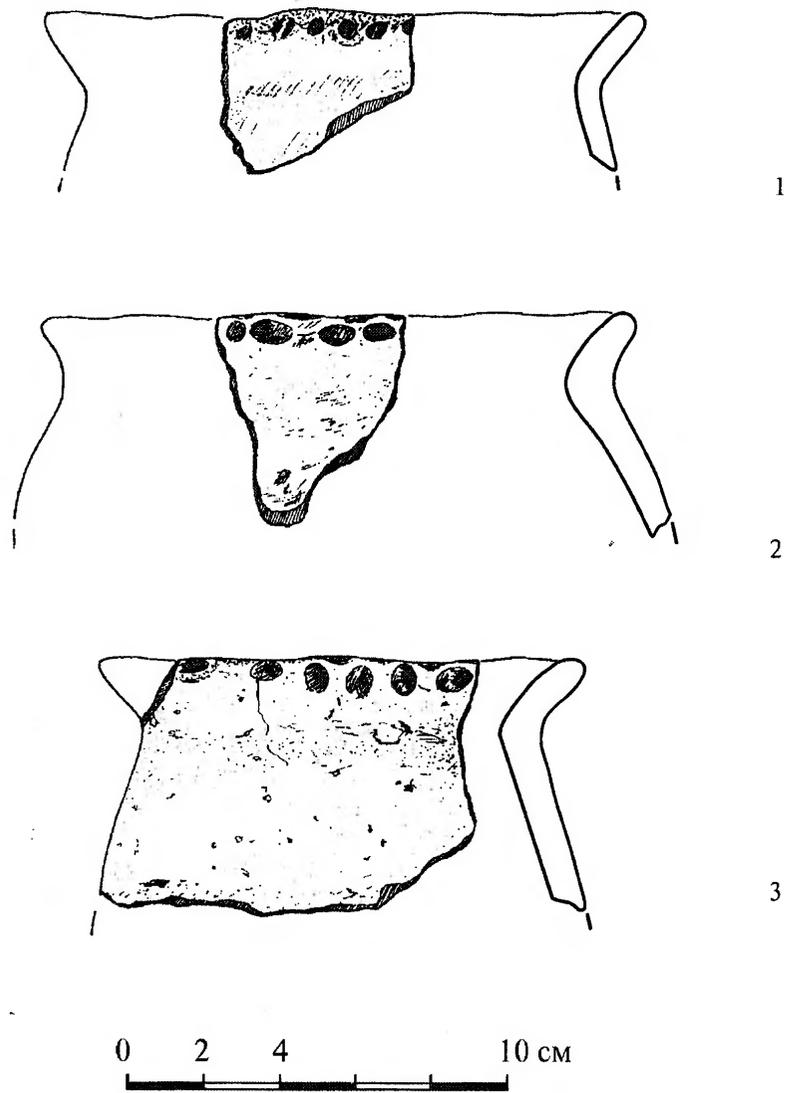

Рис.14. Царев курган. Фрагменты орнаментированных горшковидных сосудов. Глина.

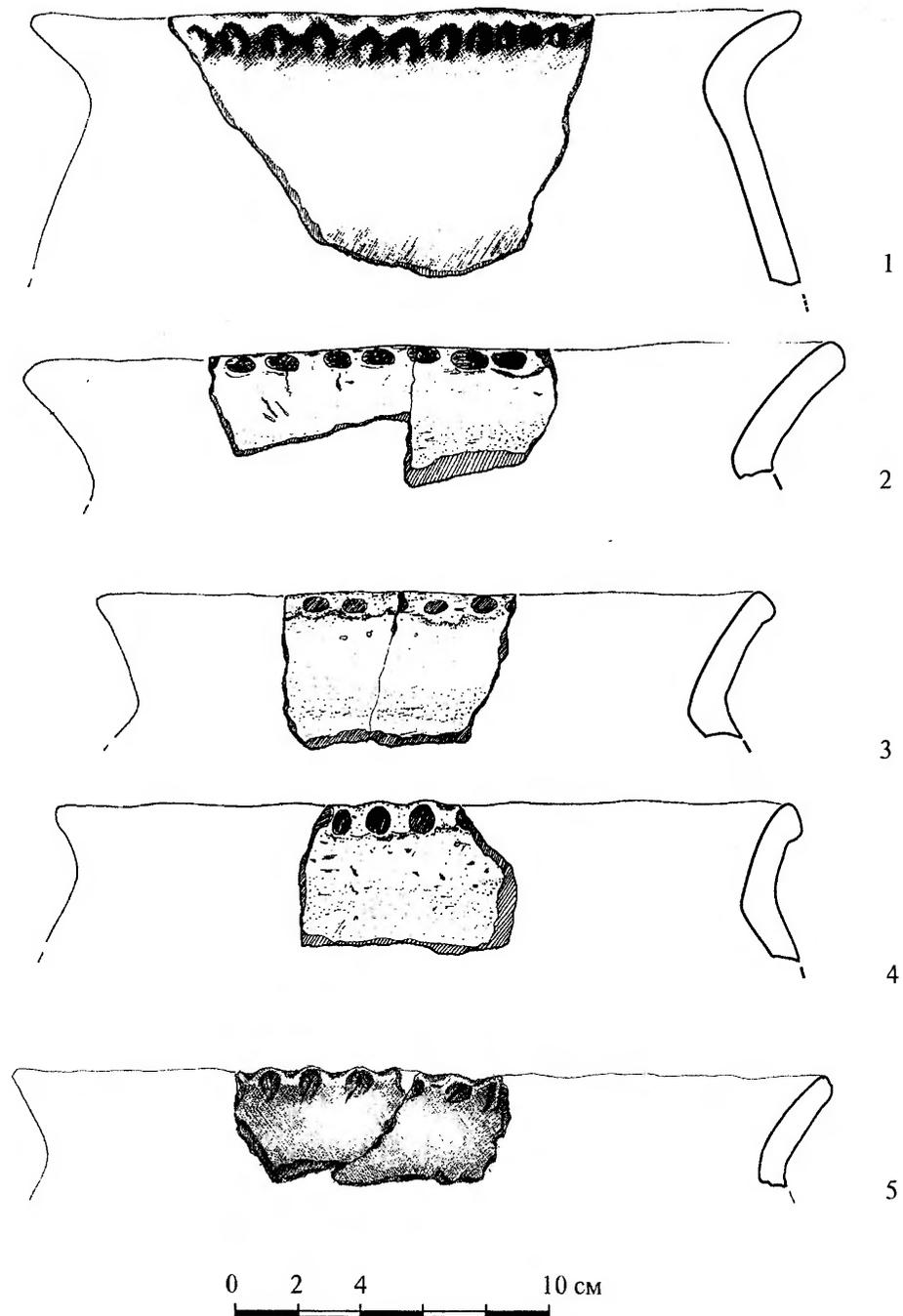
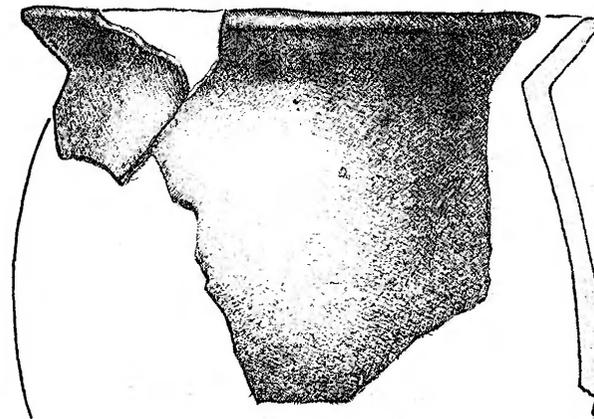
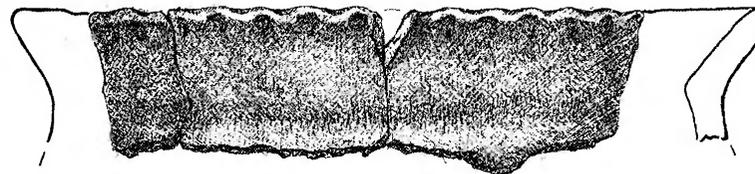

Рис. 15. Царев курган. Фрагменты орнаментированных горшковидных сосудов. Глина.

1

2

Рис. 16. Царев курган. Фрагменты горшковидных сосудов. Глина.

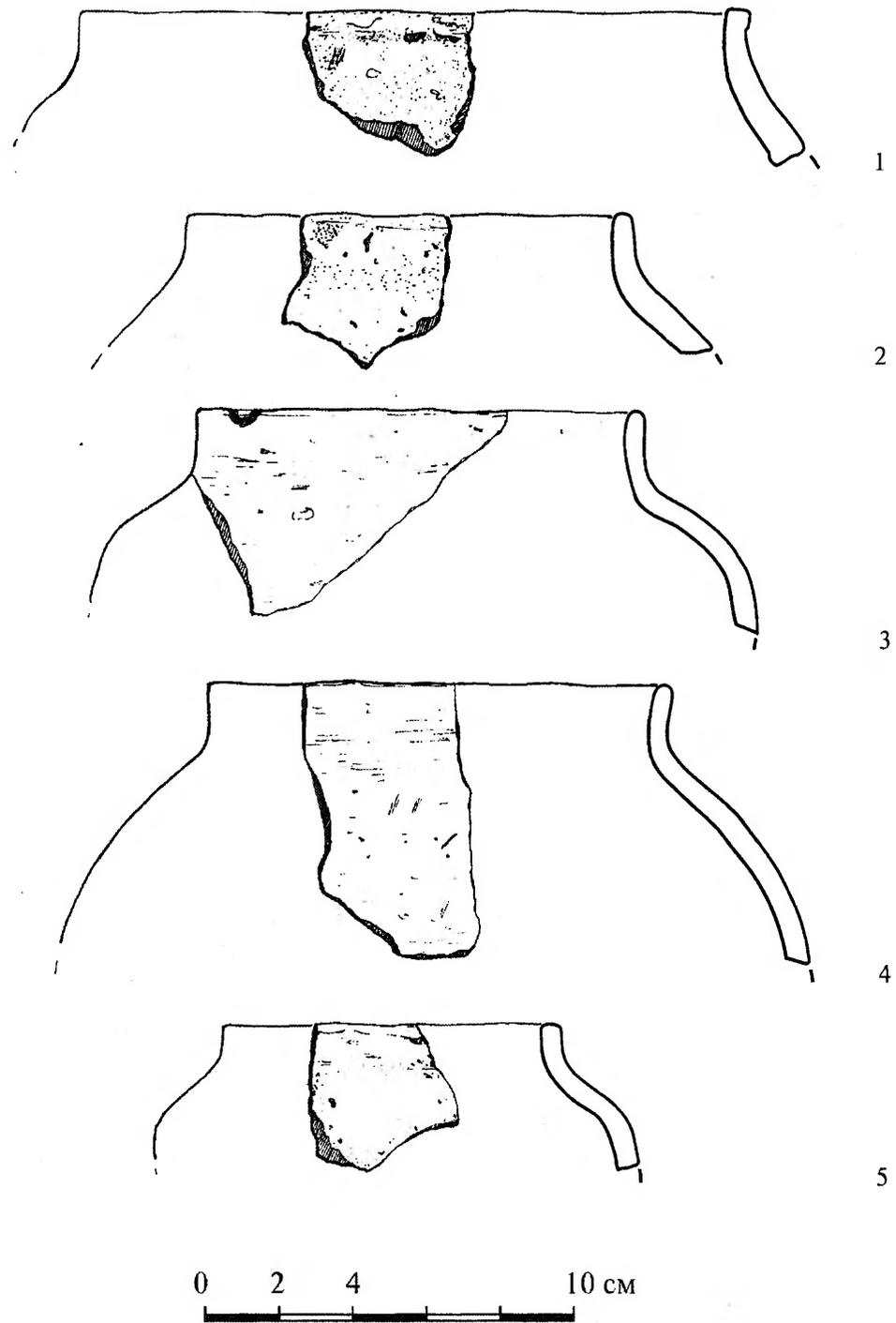

Рис. 17. Царев курган. Фрагменты неорнаментированных горшковидных сосудов. Глина.

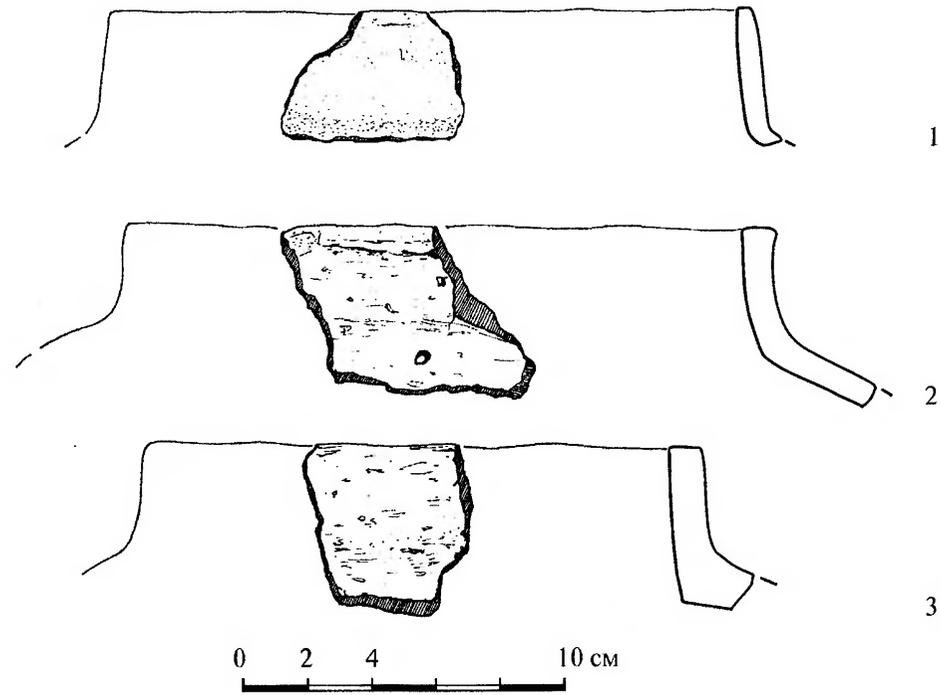

Рис.18. Царев курган. Фрагменты неорнаментированных горшковидных сосудов. Глина.

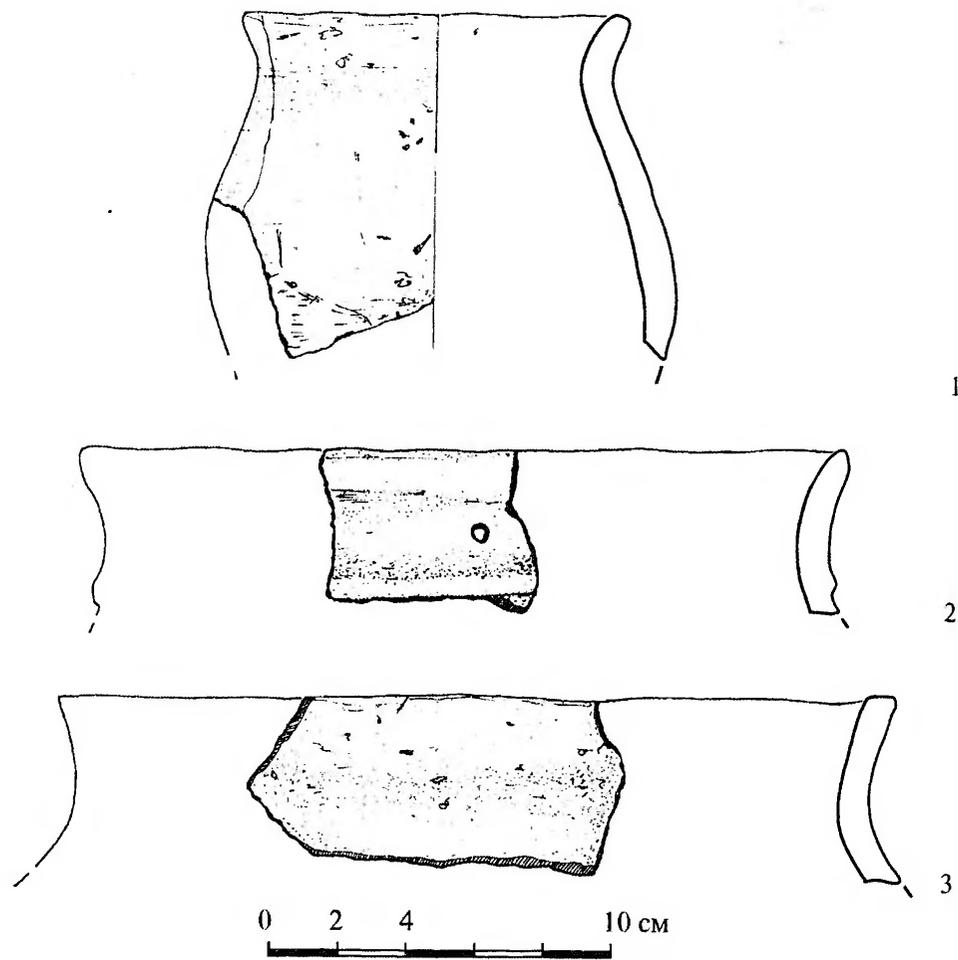

Рис. 19. Царев курган. Фрагменты неорнаментированных горшковидных сосудов. Глина.

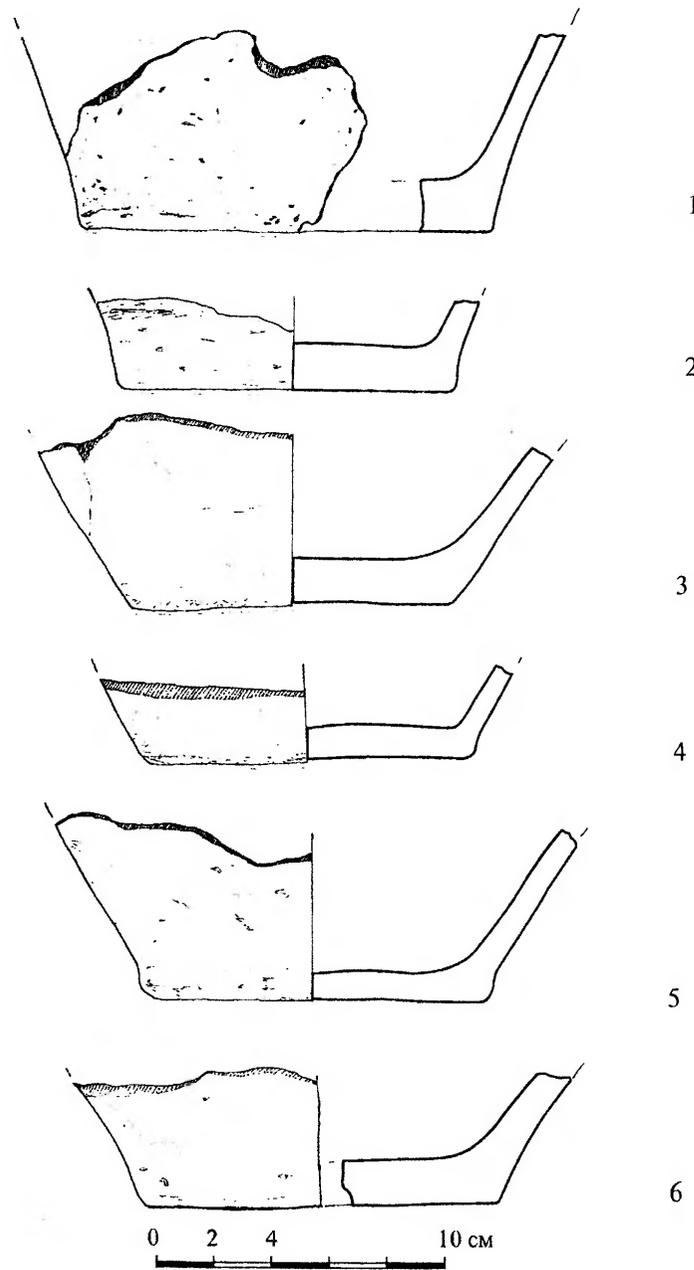

Рис.20. Царев курган. Фрагменты придонных частей сосудов. Глина.

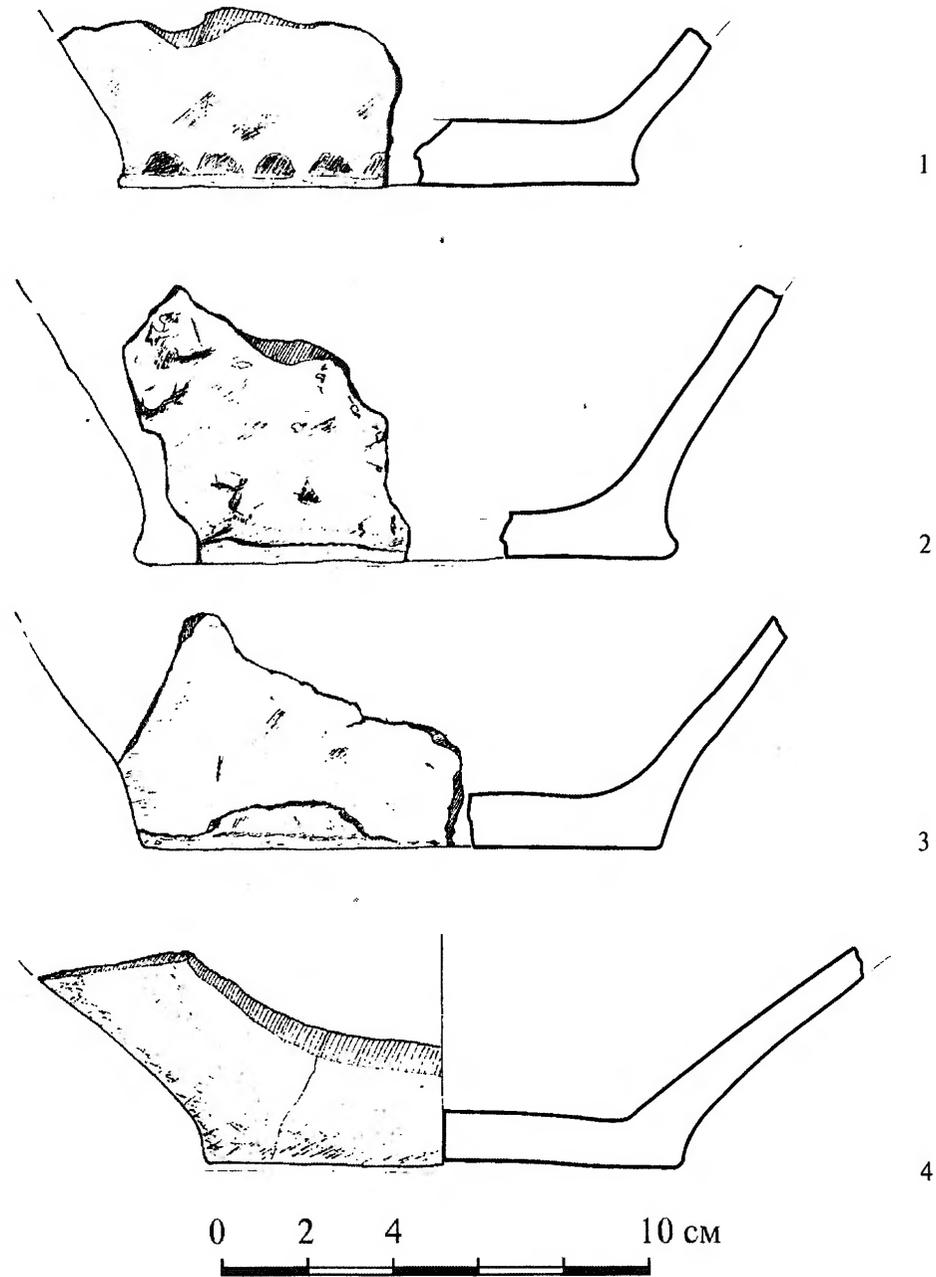

Рис. 21. Царев курган. Фрагменты придонных частей сосудов. Глина.

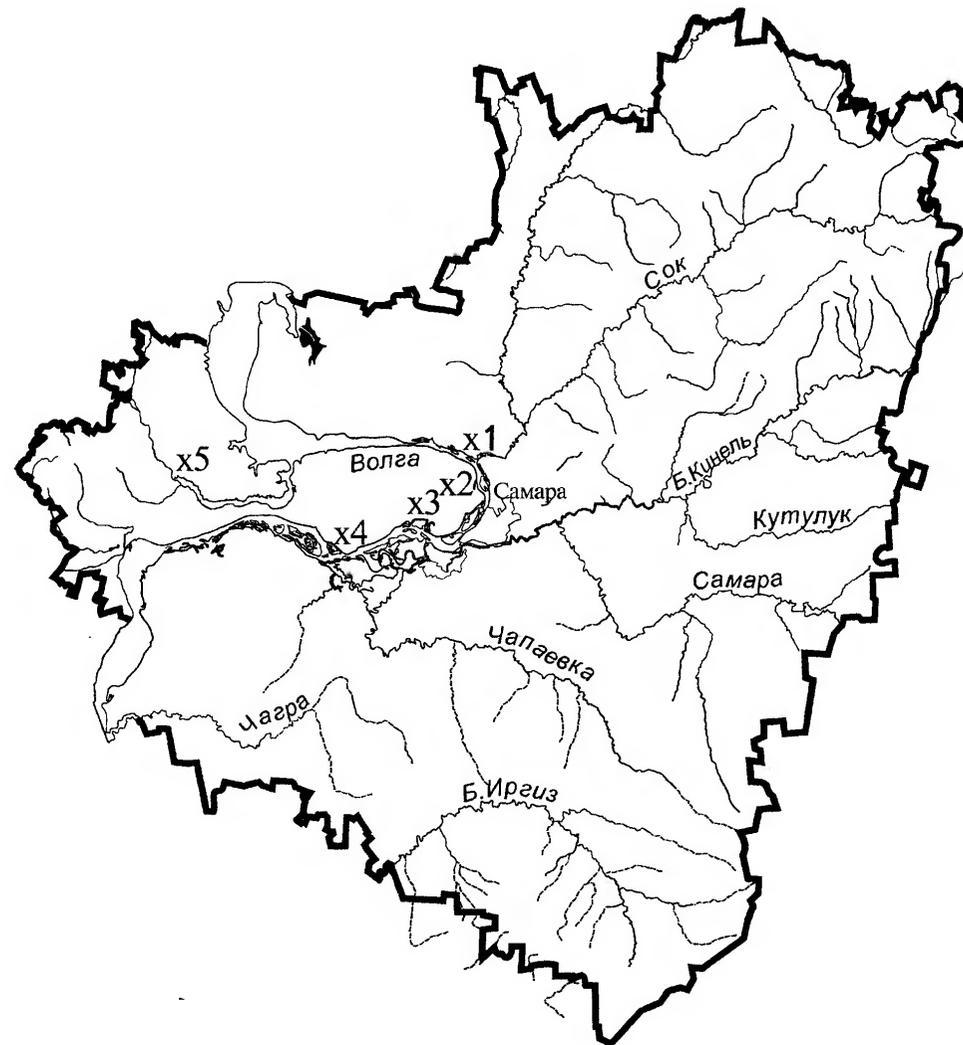
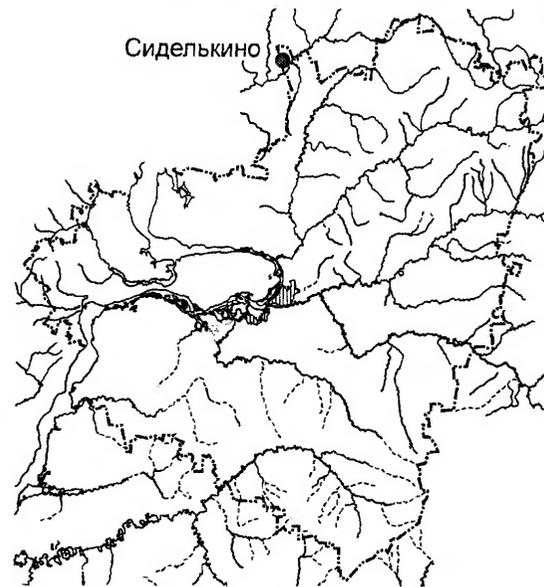
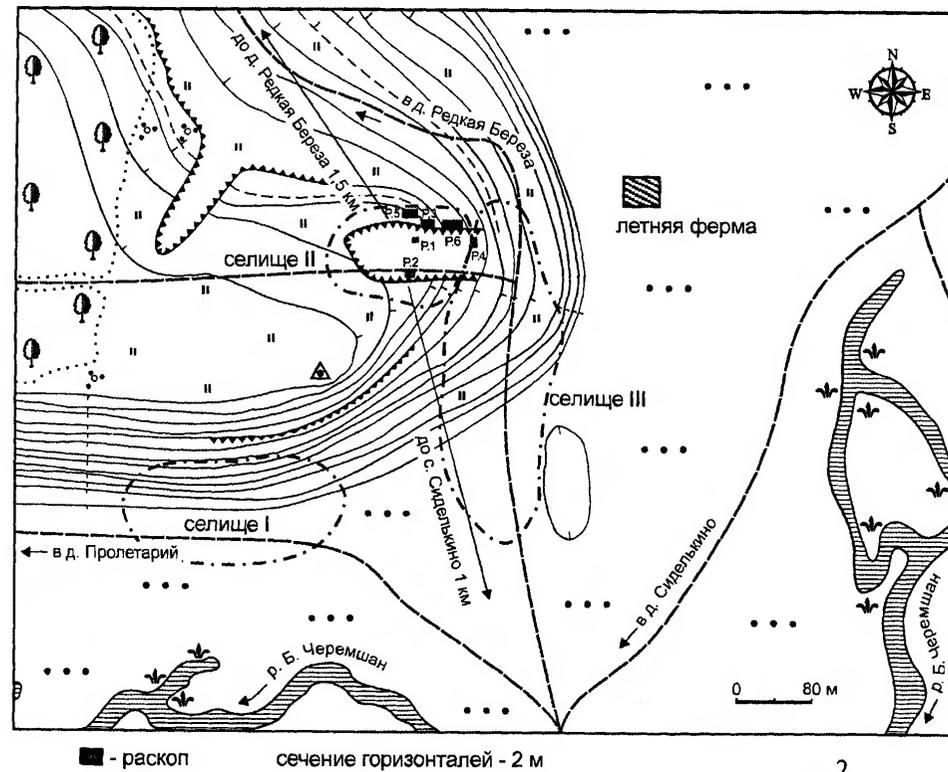

Рис. 22. Памятники Самарского Поволжья, на которых выявлены материалы царевокурганского круга:
1 - Царев курган; 2 - Подгорское селище; 3 - Новинковское V селище; 4 - Лбищенские городище и селище; 5 - Шигонское селище.

1

2

Рис. 23. Комплекс памятников у с. Сиделькино.
1 - ситуационный план; 2 - общий план.

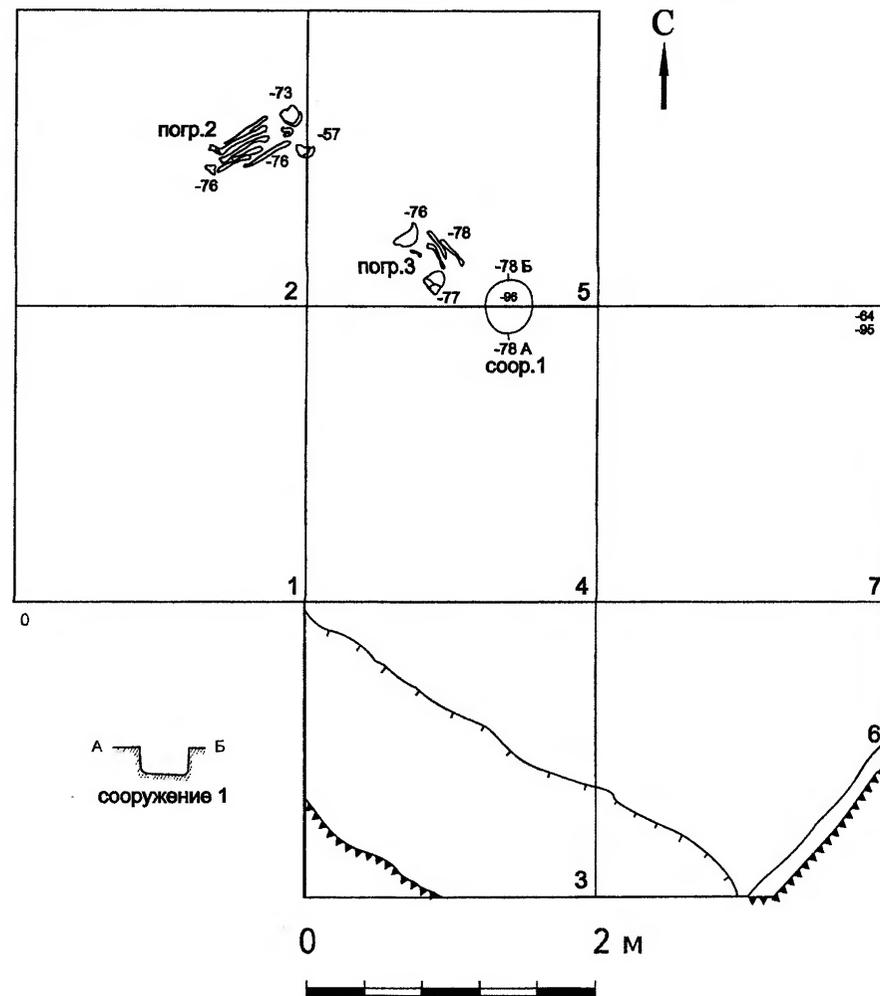

Рис.24. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 1. План.

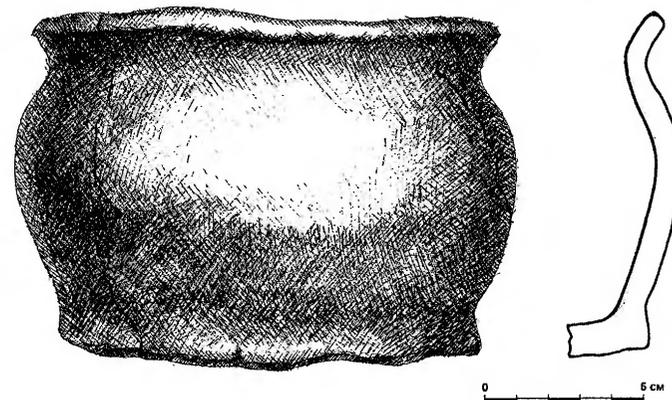

Рис.25. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Лепной сосуд из отвала карьера у раскопа 1.

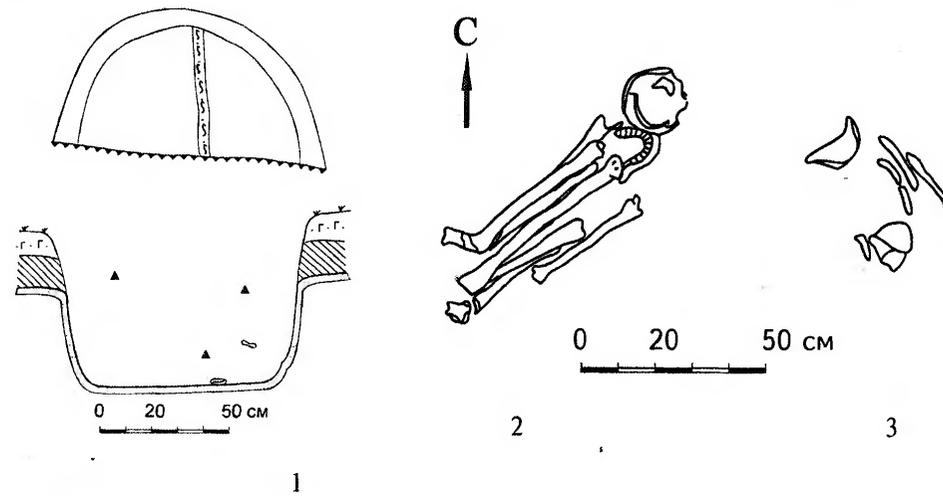

Рис.26. Комплекс памятников у с.Сиделькино.
1 - план погребения 1. 2-3 - Раскоп 1. План погребений 2 и 3.

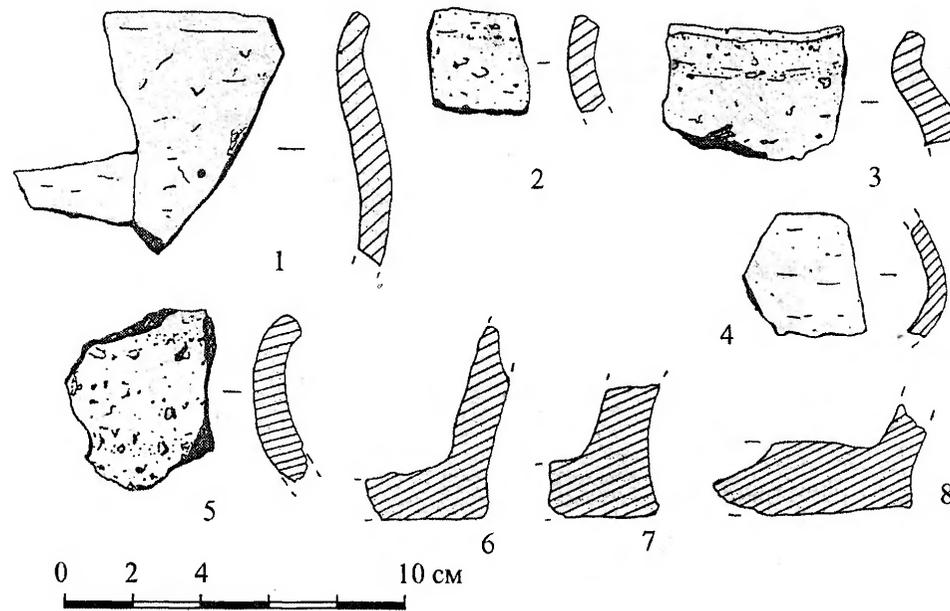

Рис.27. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 1. Фрагменты лепных сосудов.

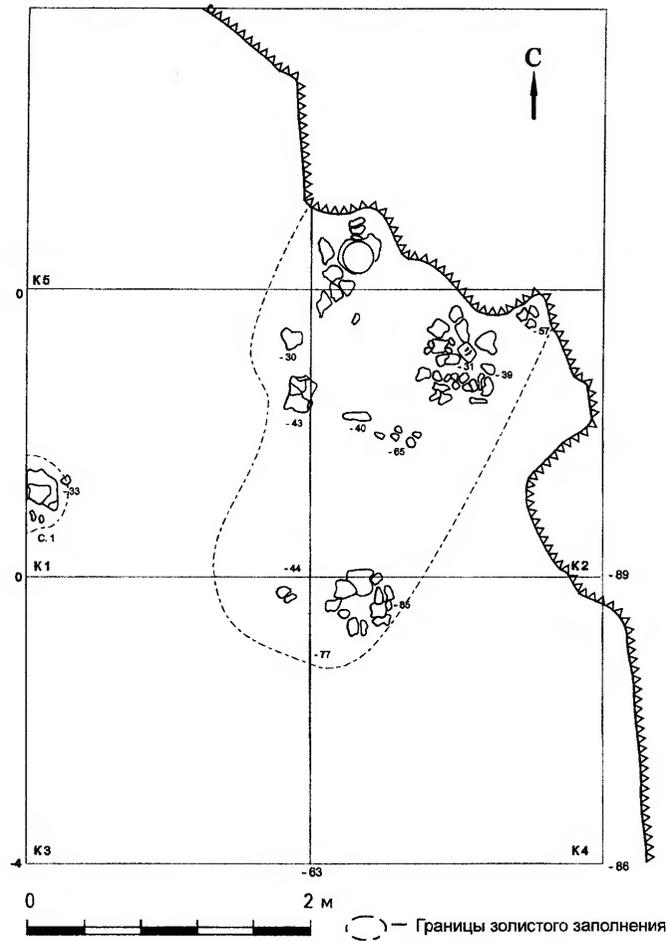

Рис.28. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 2. План после зачистки 2 штыка.

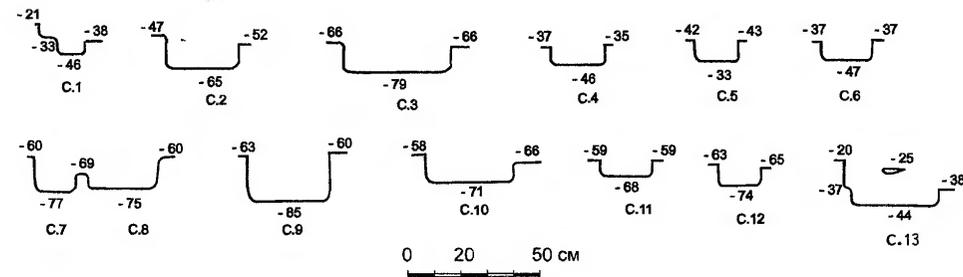

Рис.29. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 2. Сечения сооружений.

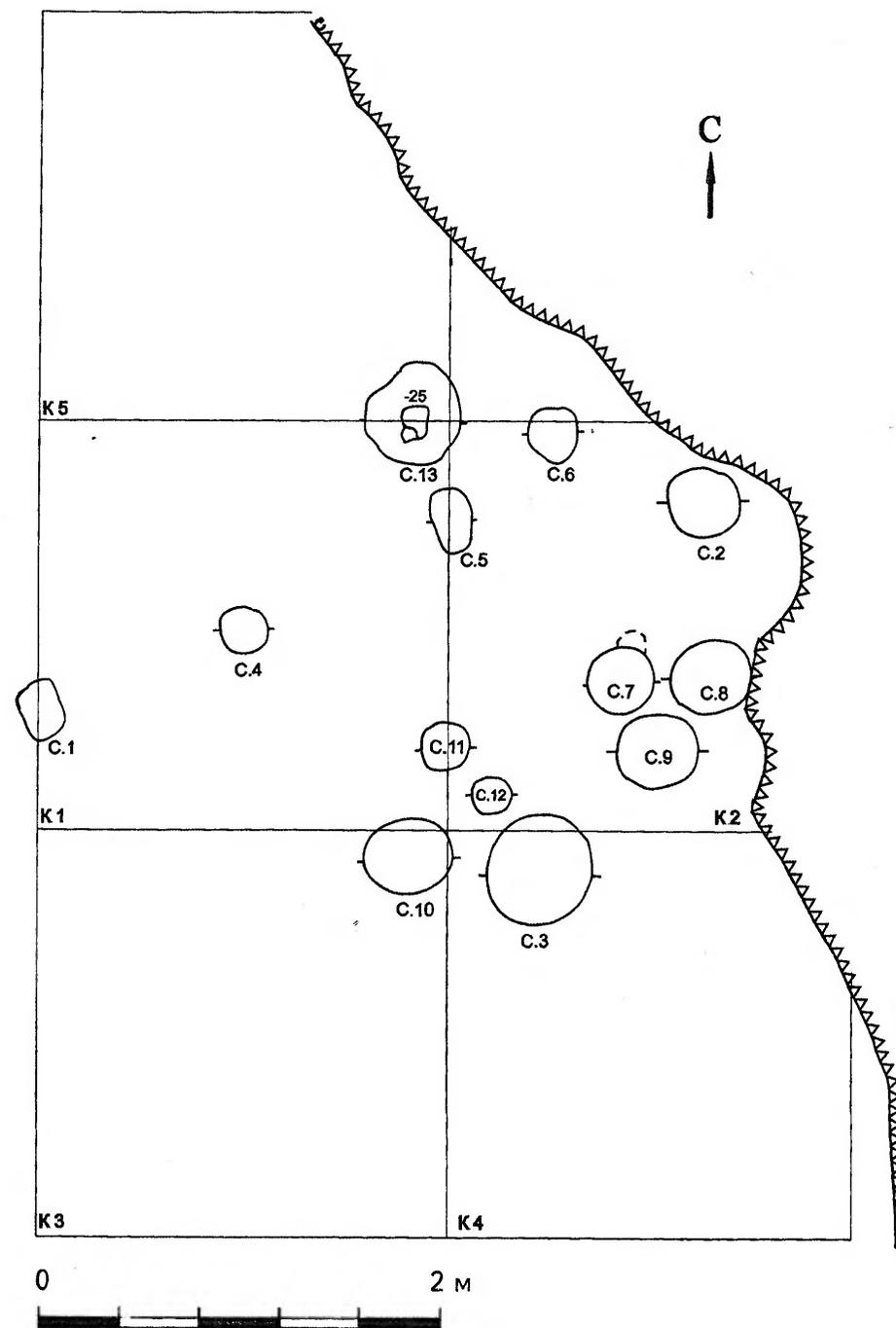

Рис.30. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 2. План.

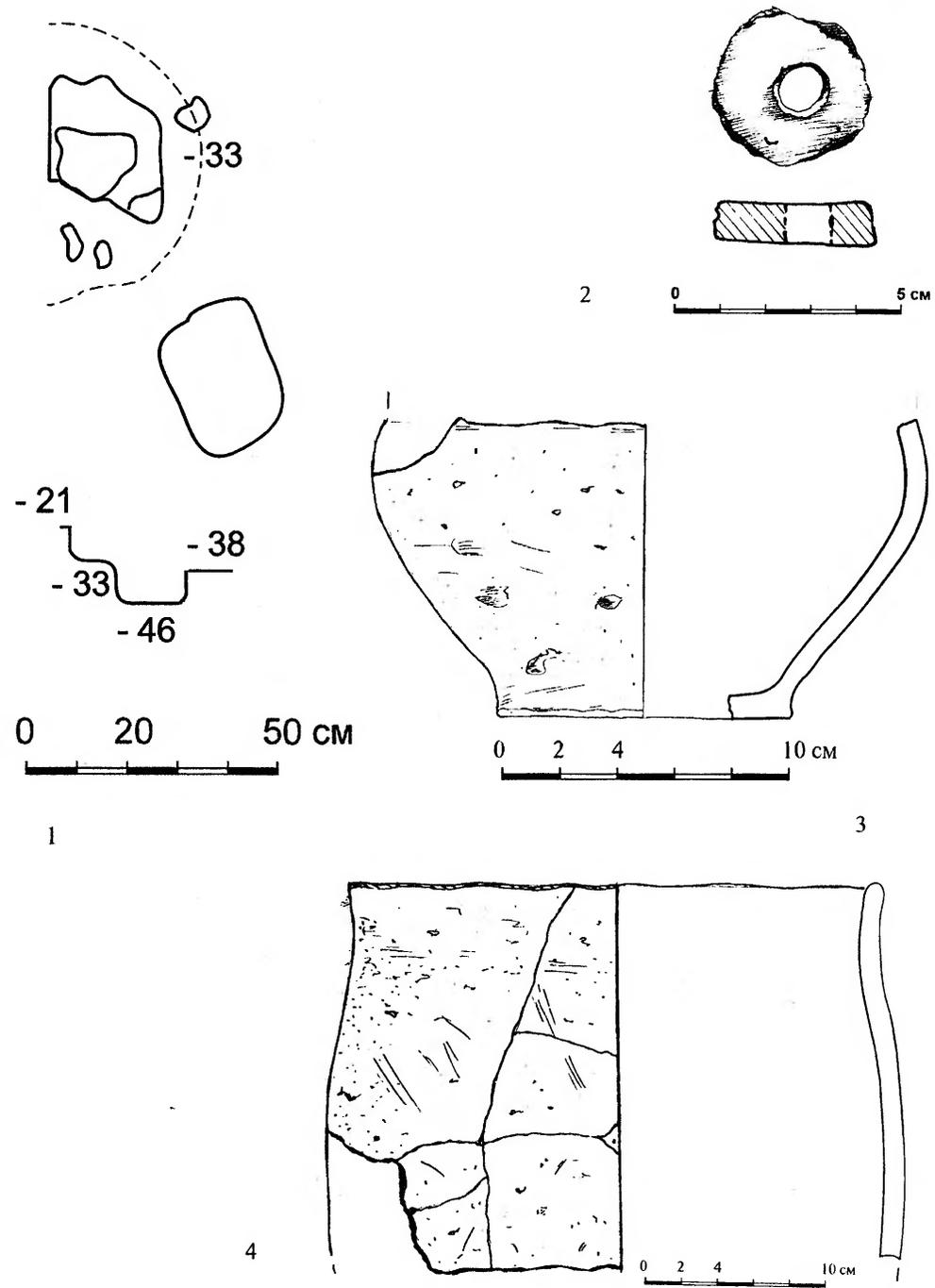

Рис.31. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 2. Сооружение 1.
а - план сооружения. 1 - пряслице; 2-3 - лепные сосуды. Глина.

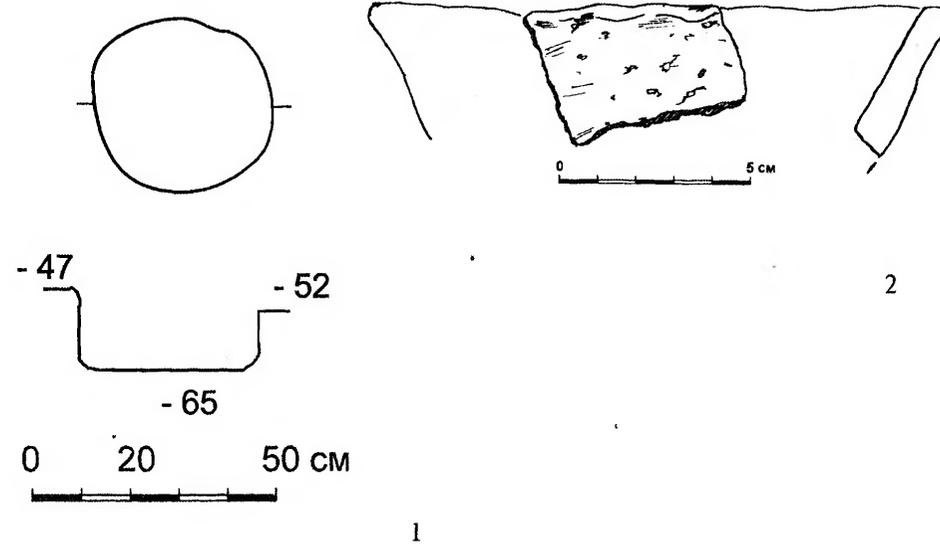

Рис.32. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 2. Сооружение 2.
1 - план; 2 - лепная керамика.

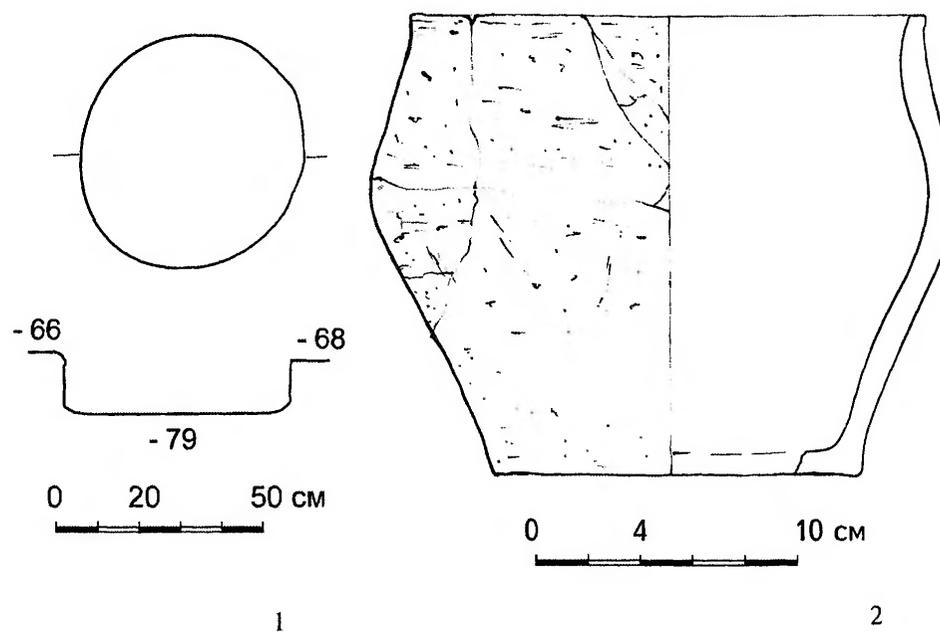

Рис.33. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 2. Сооружение 3.
1 - план; 2 - лепная керамика.

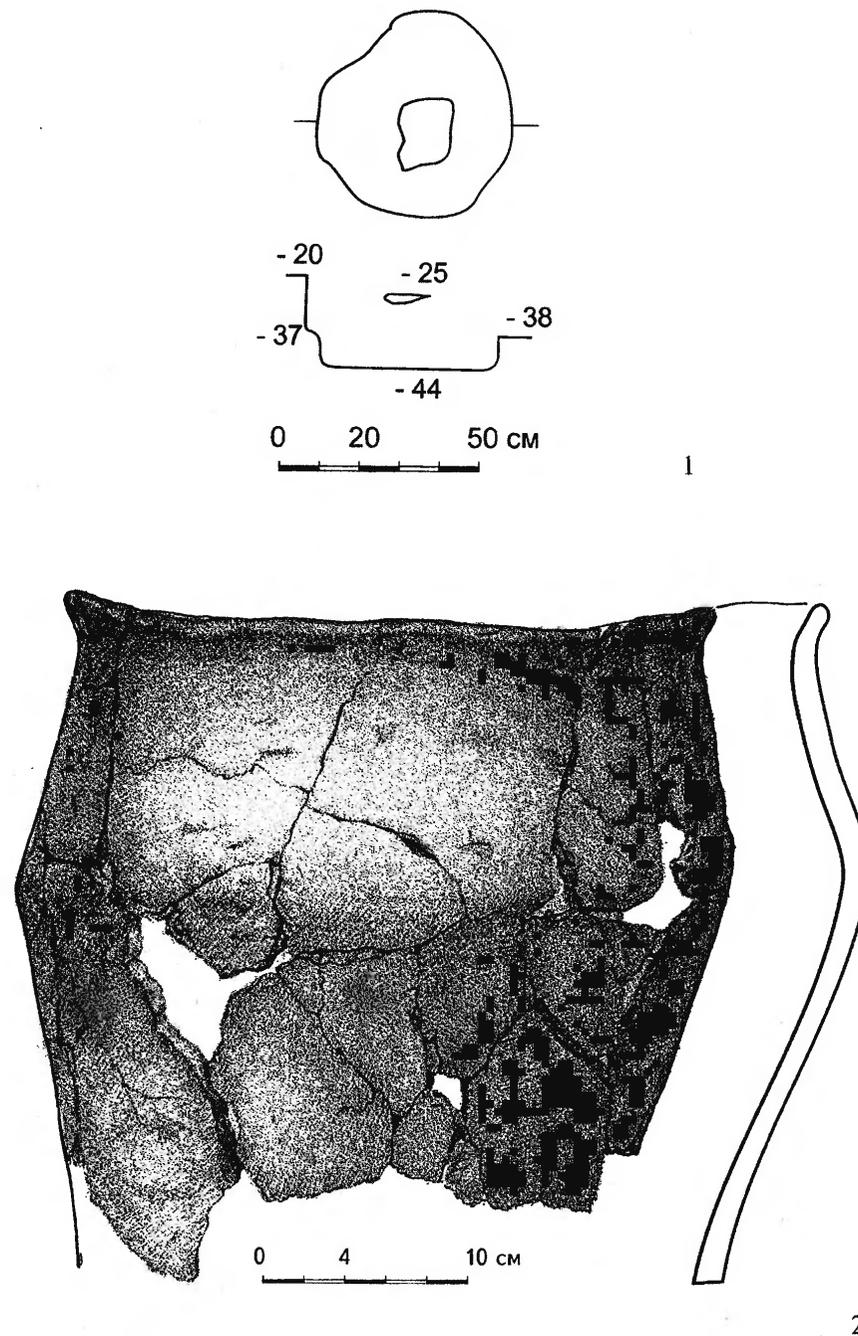

Рис.34. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 2. Сооружение 13.
1 - план; 2 - развал лепного сосуда из соор.13 и скопления над сооружением.

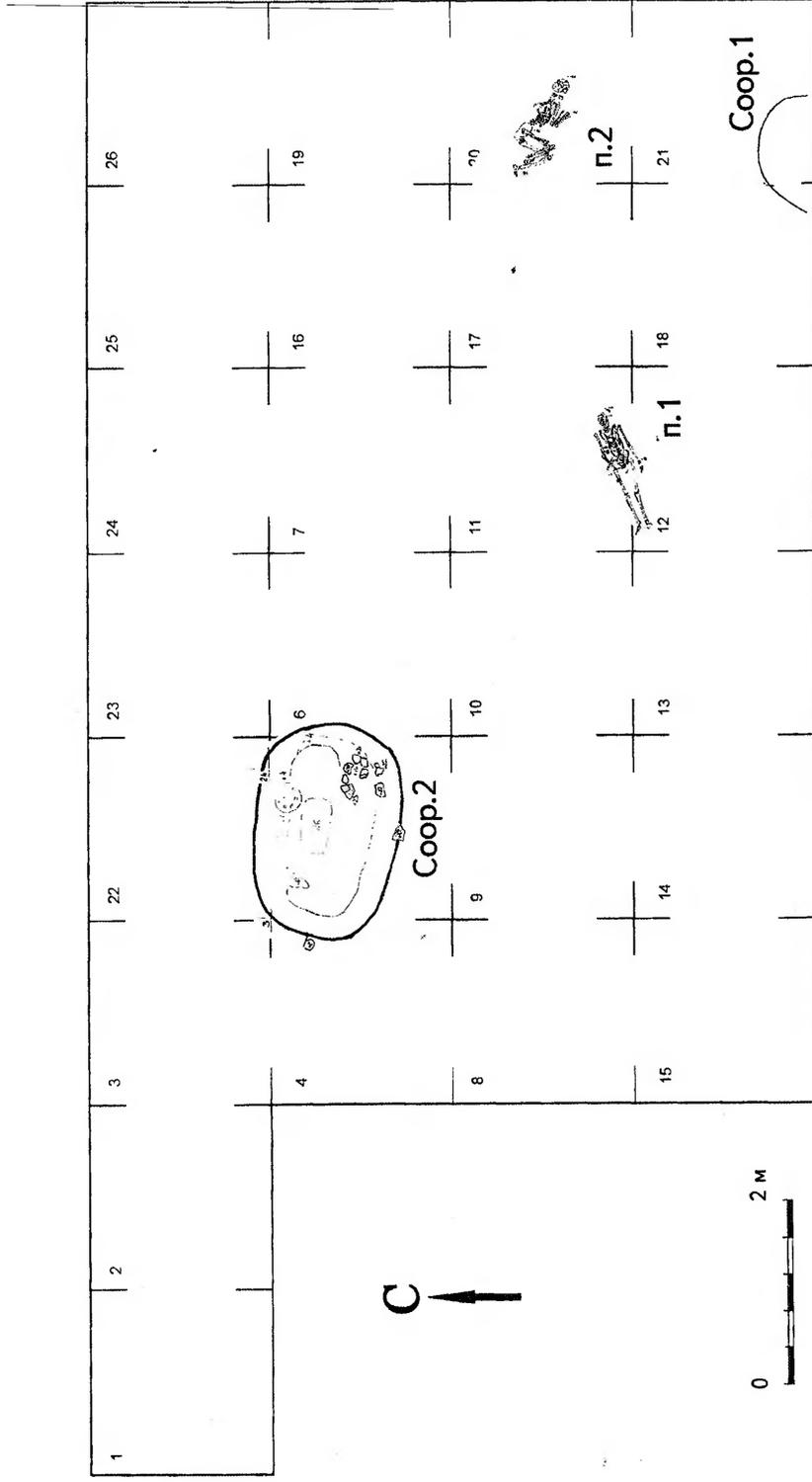

Рис.35. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 3. Общий план.

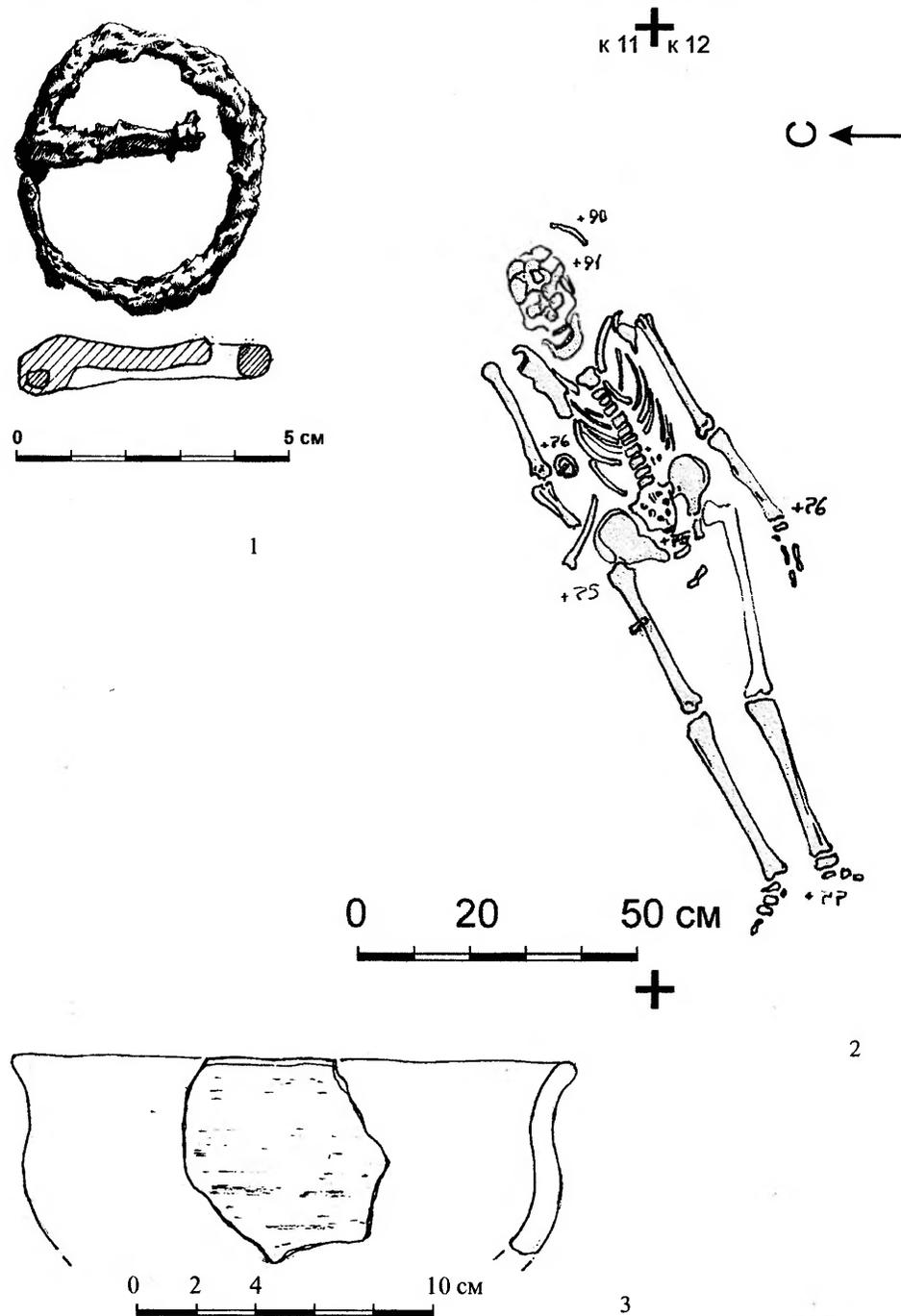

Рис.36. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 3. Погребение 1.
 1 - железная пряжка; 2 - план погребения 1; 3 - фрагмент лощеного сосуда из заполнения погребения 1.

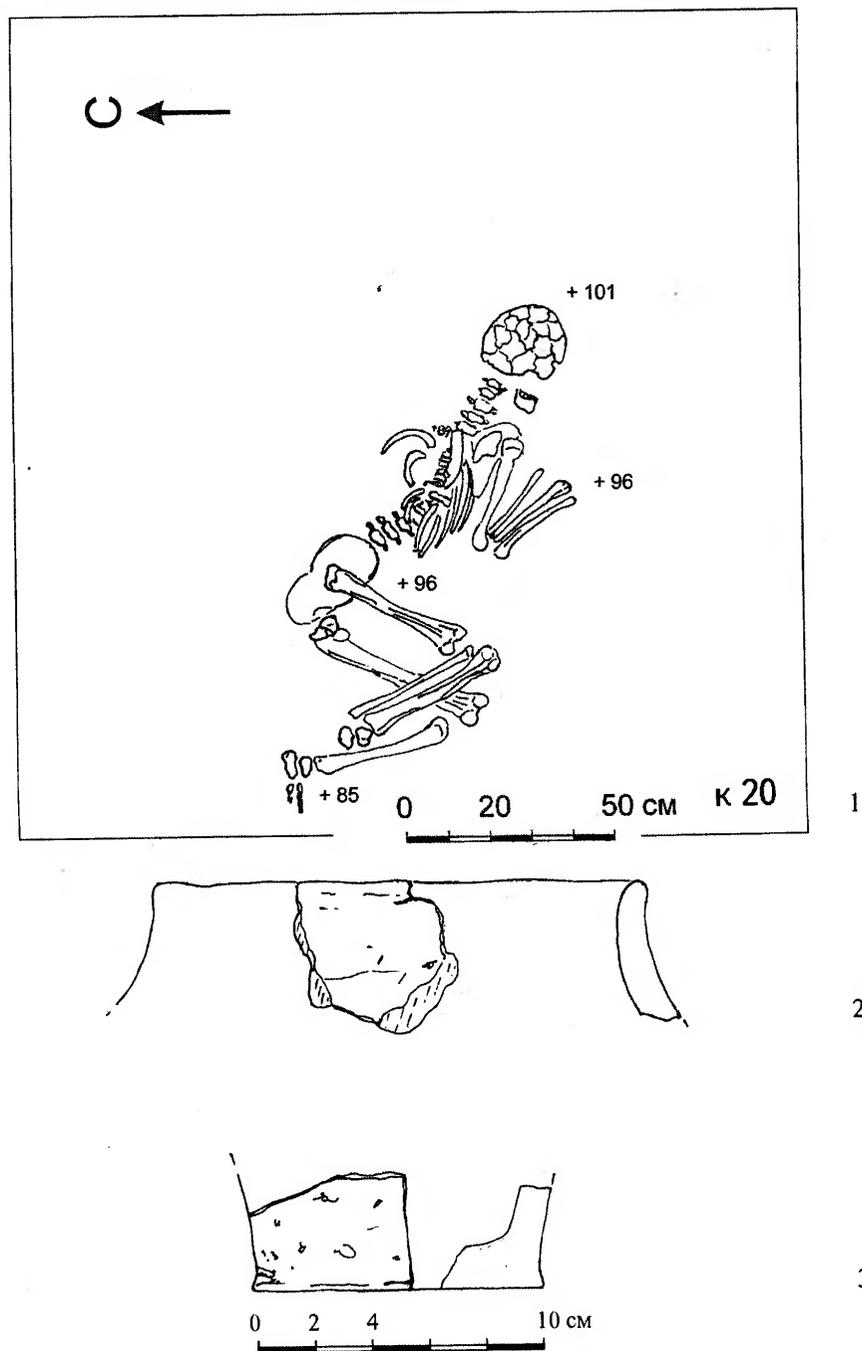

Рис.37. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 3. Погребение 2.
1 - план; 2-3 - фрагменты лепных сосудов из заполнения погребения.

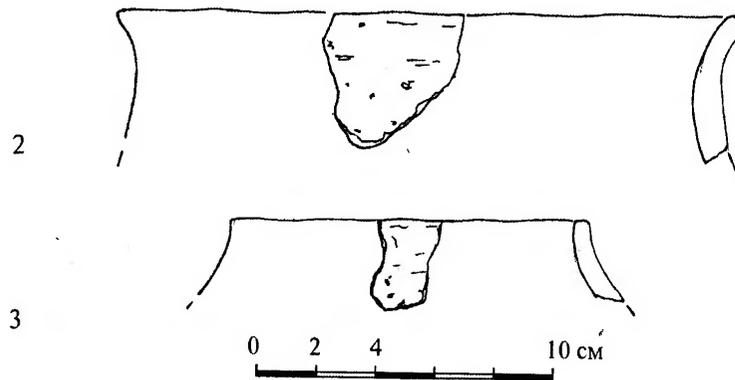
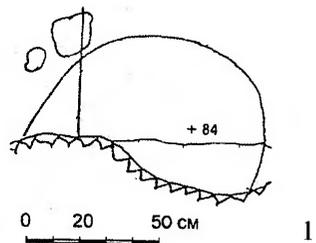

Рис.38. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 3.
1 - план сооружения 1; 2-3 - фрагменты лепных сосудов из сооружения 1.

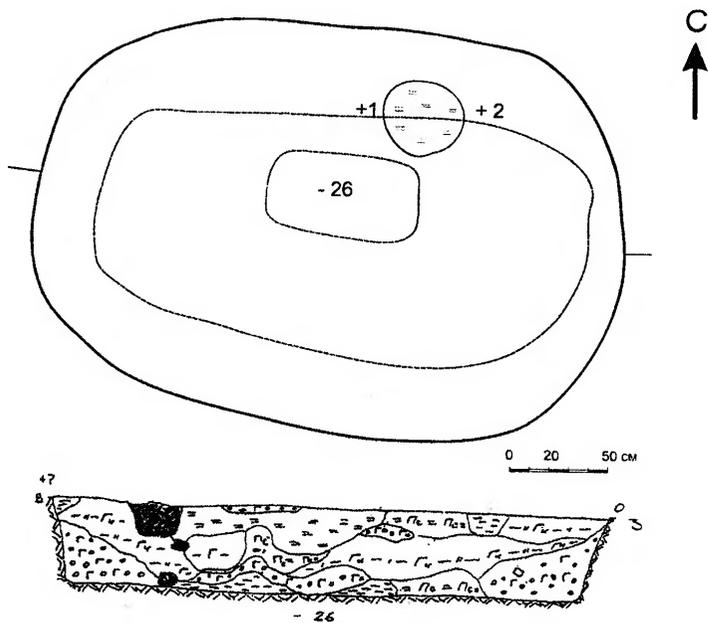

Рис.39. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 3. План сооружения 2.

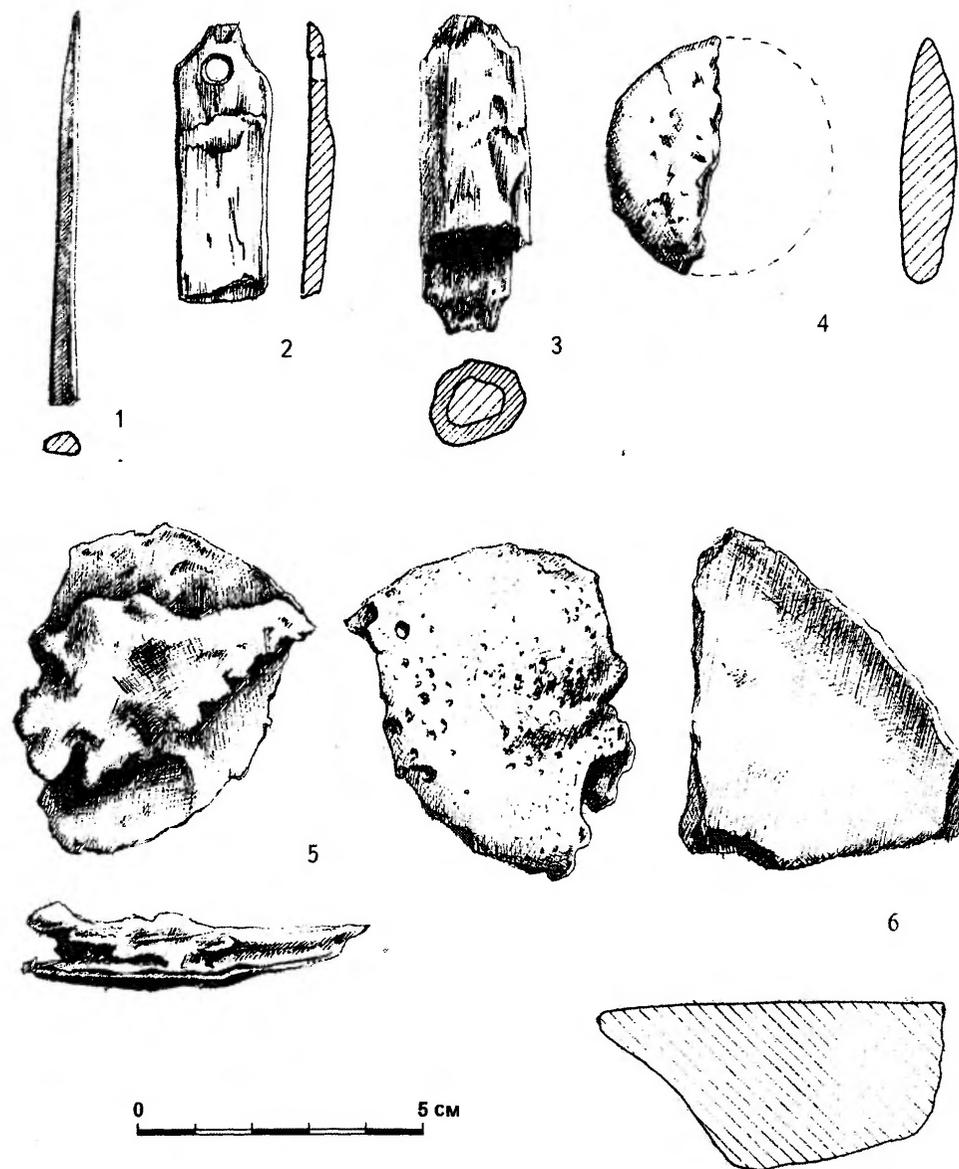

Рис. 40. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 3. Индивидуальные находки.
 1 - проколка; 2-3 - амулеты (?); 4 - «хлебец»; 5 - выплеск; 6 - точильный камень.
 1 - кость; 2-3, 6 - камень; 4 - глина; 5 - бронза.

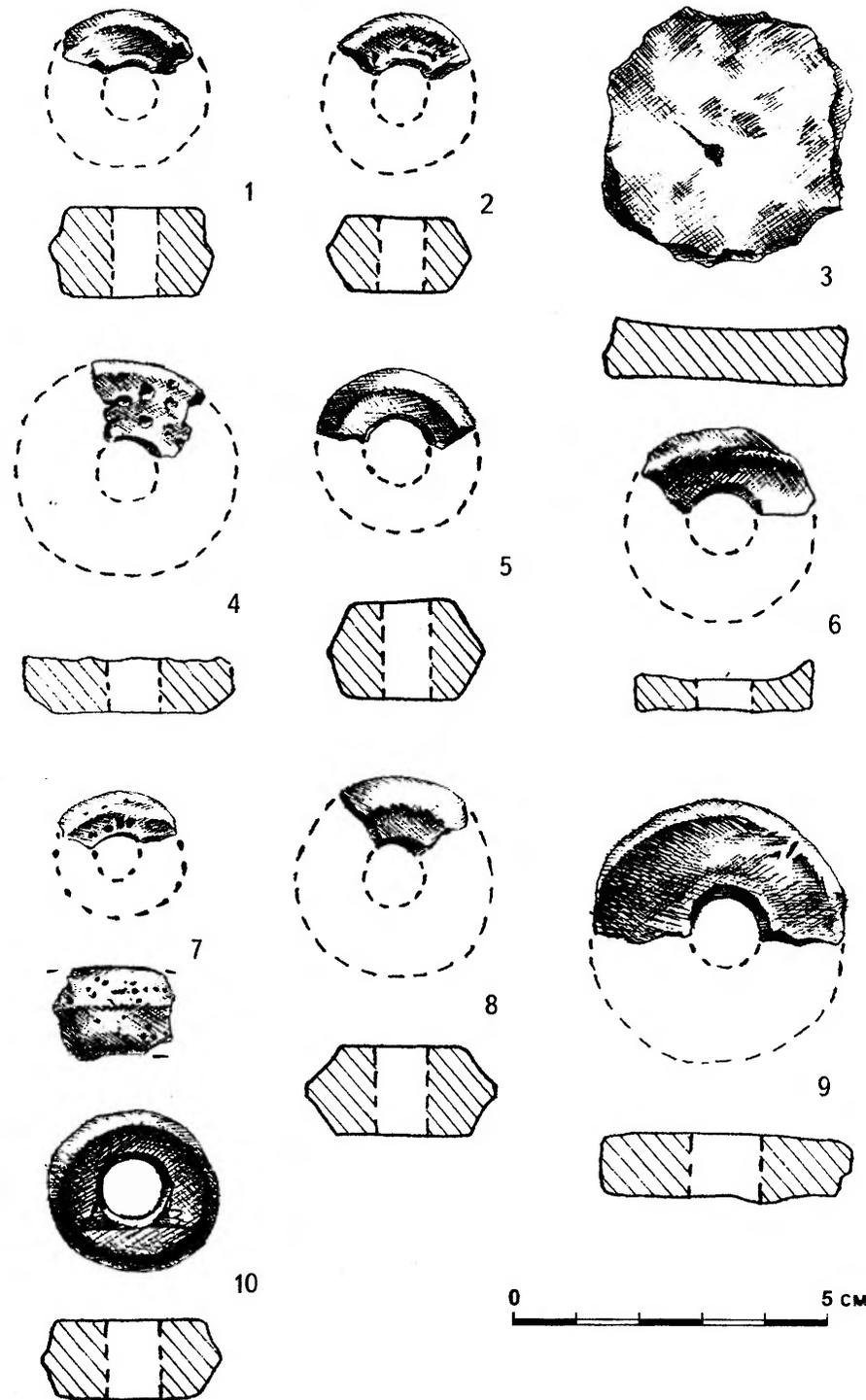
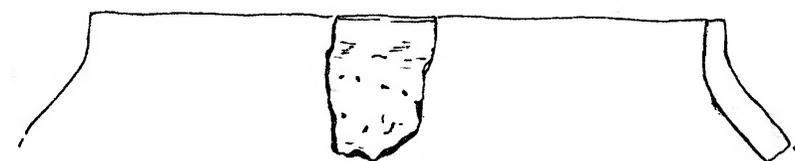

Рис. 41. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 3. Пряслица. Глина.

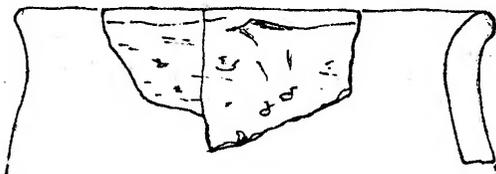

1

2

0 2 4 10 см

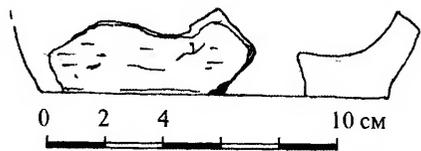
3

4

5

6

0 2 4 10 см

Рис. 42. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 3. Кв. 11 ш. 1.
Фрагменты лепных сосудов. Глина.

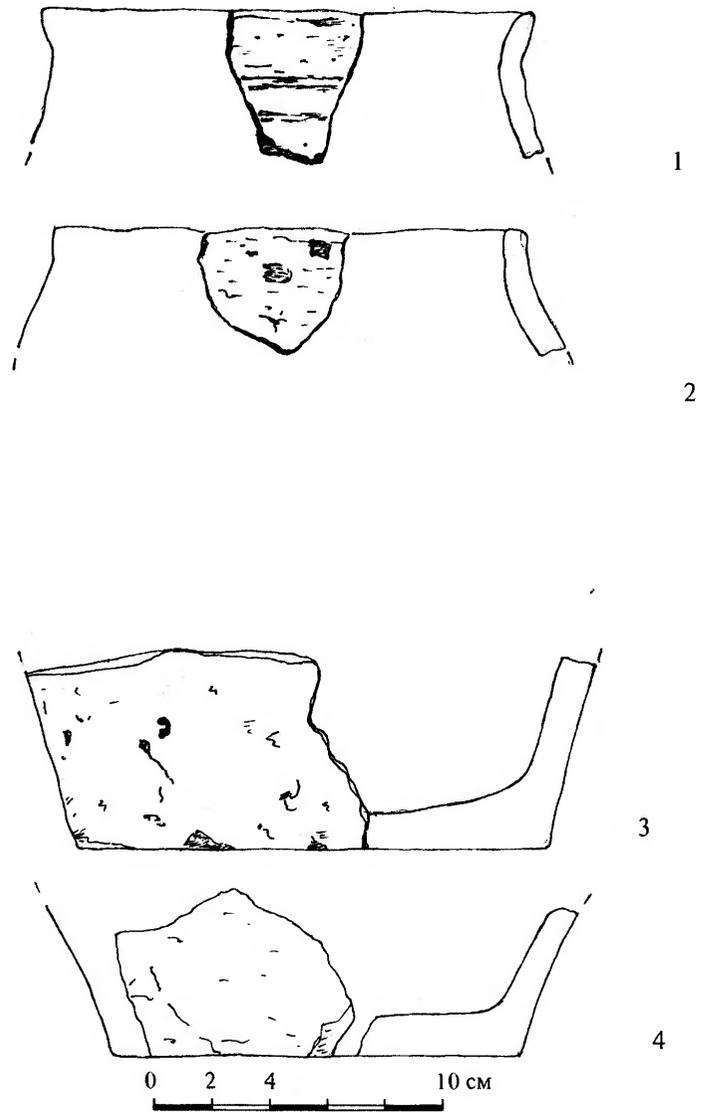
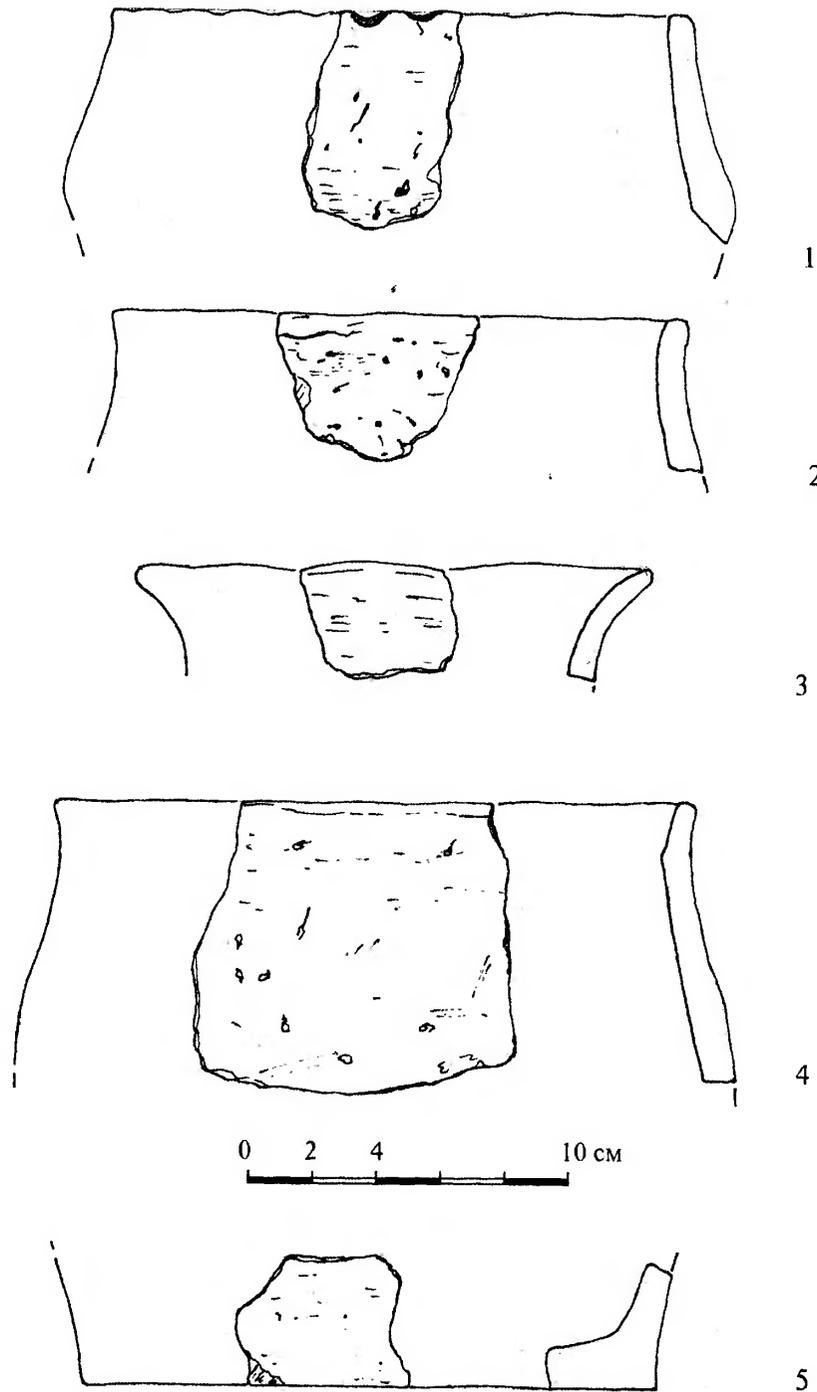

Рис. 43. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 3. Кв. 24 ш. 1.
Фрагменты лепных сосудов. Глина.

Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 3 кв. 26 ш 1 Фрагменты лепной посуды. Глина

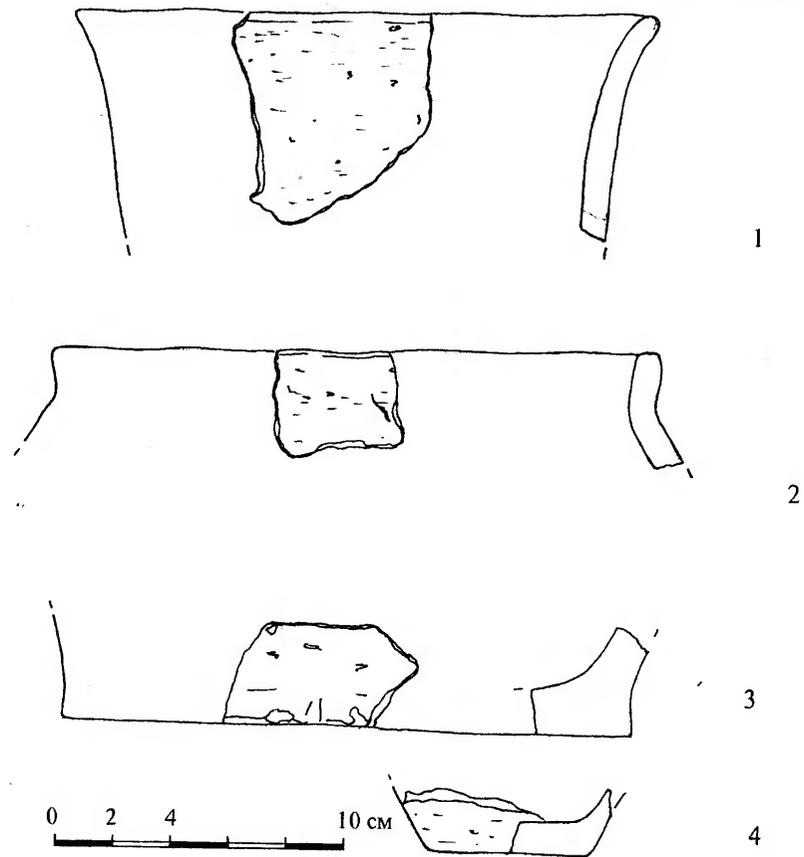

Рис. 45. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 3. Кв. 17 ш. 2. Фрагменты лепных сосудов. Глина.

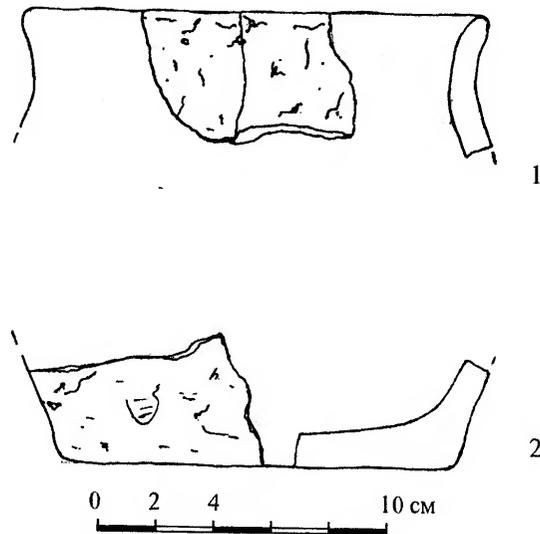

Рис. 46. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 3. Кв. 6 ш. 2. Фрагменты лепных сосудов. Глина.

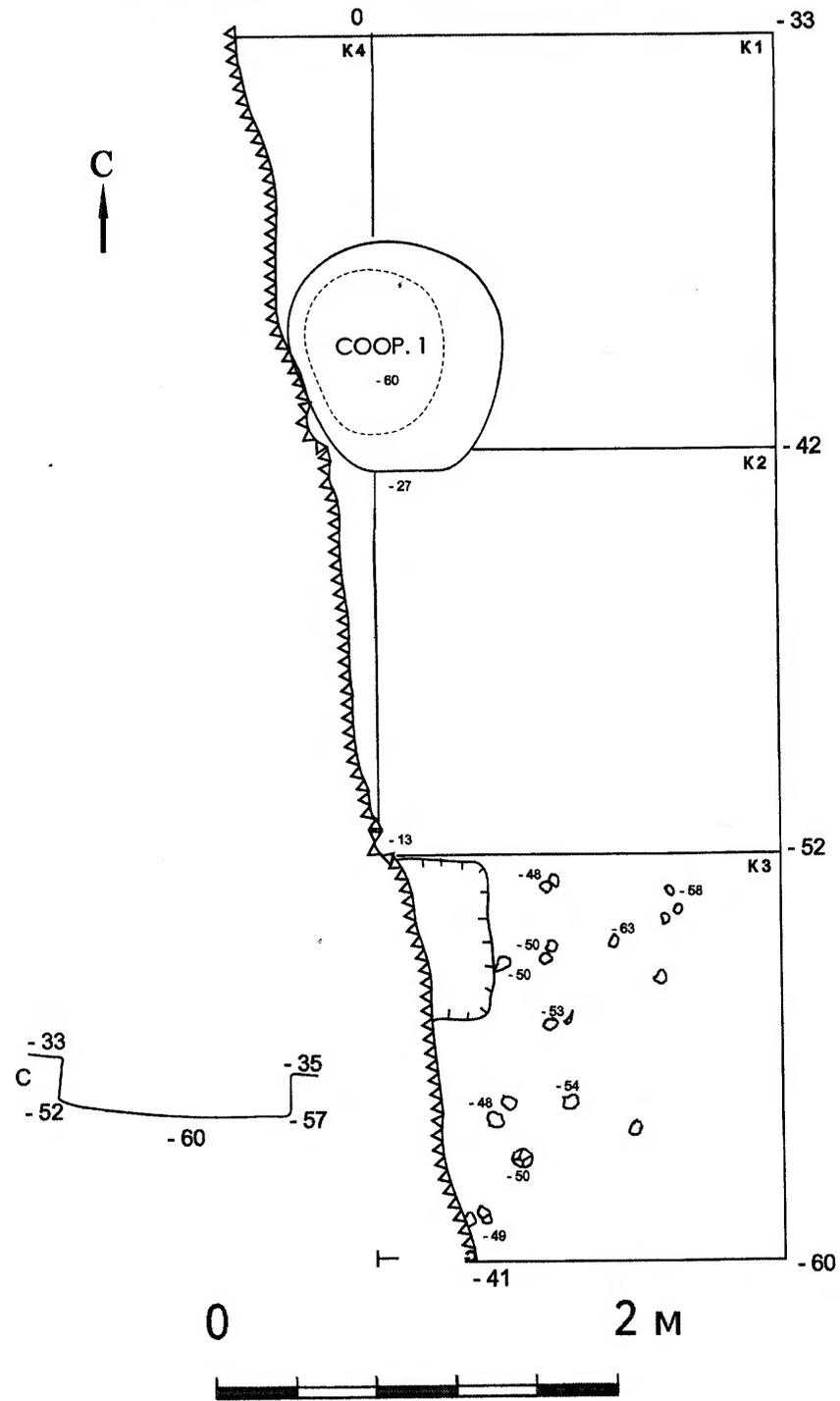

Рис.47. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 4. План.

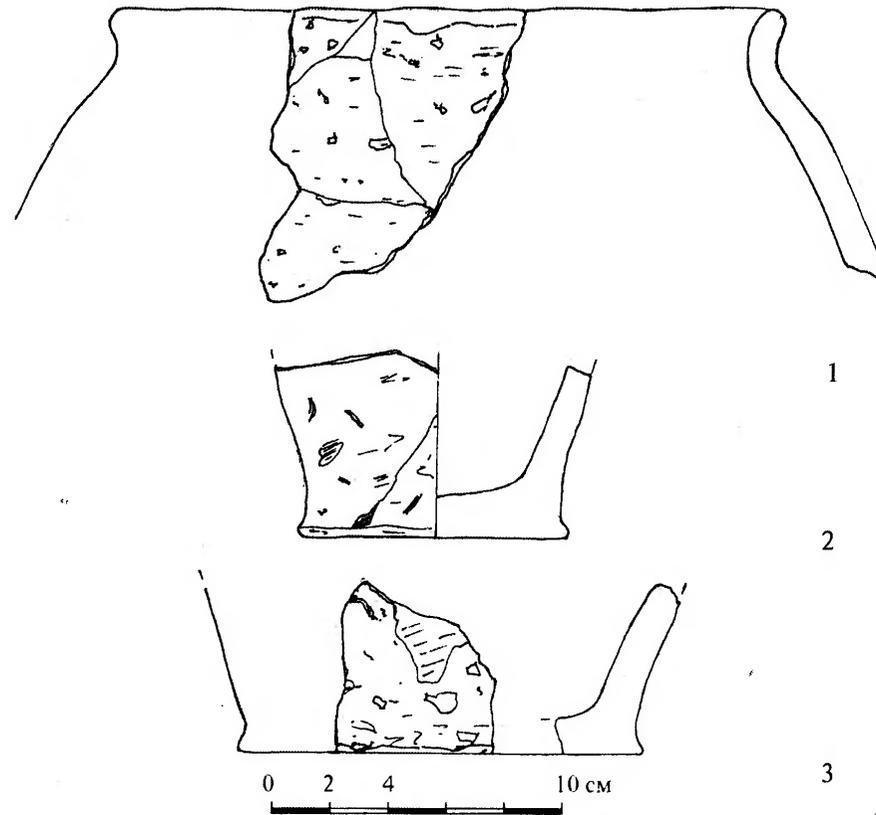

Рис. 48. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 4. Сооружение 1. Фрагменты лепных сосудов.

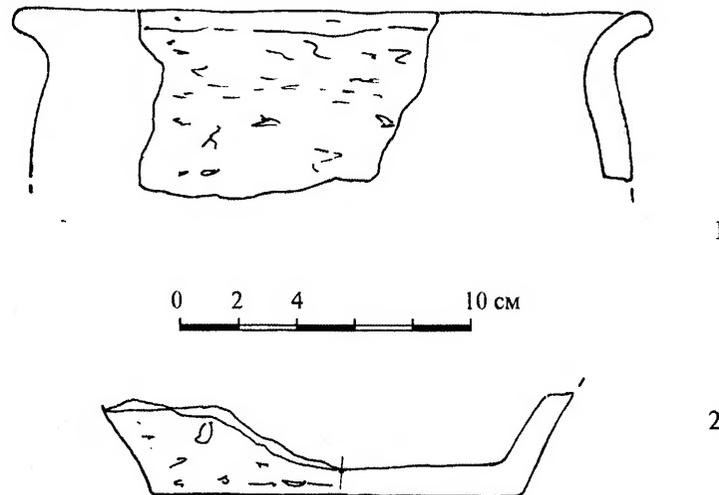

Рис. 49. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 4. Кв. 3 ш. 1. Фрагменты лепных сосудов.

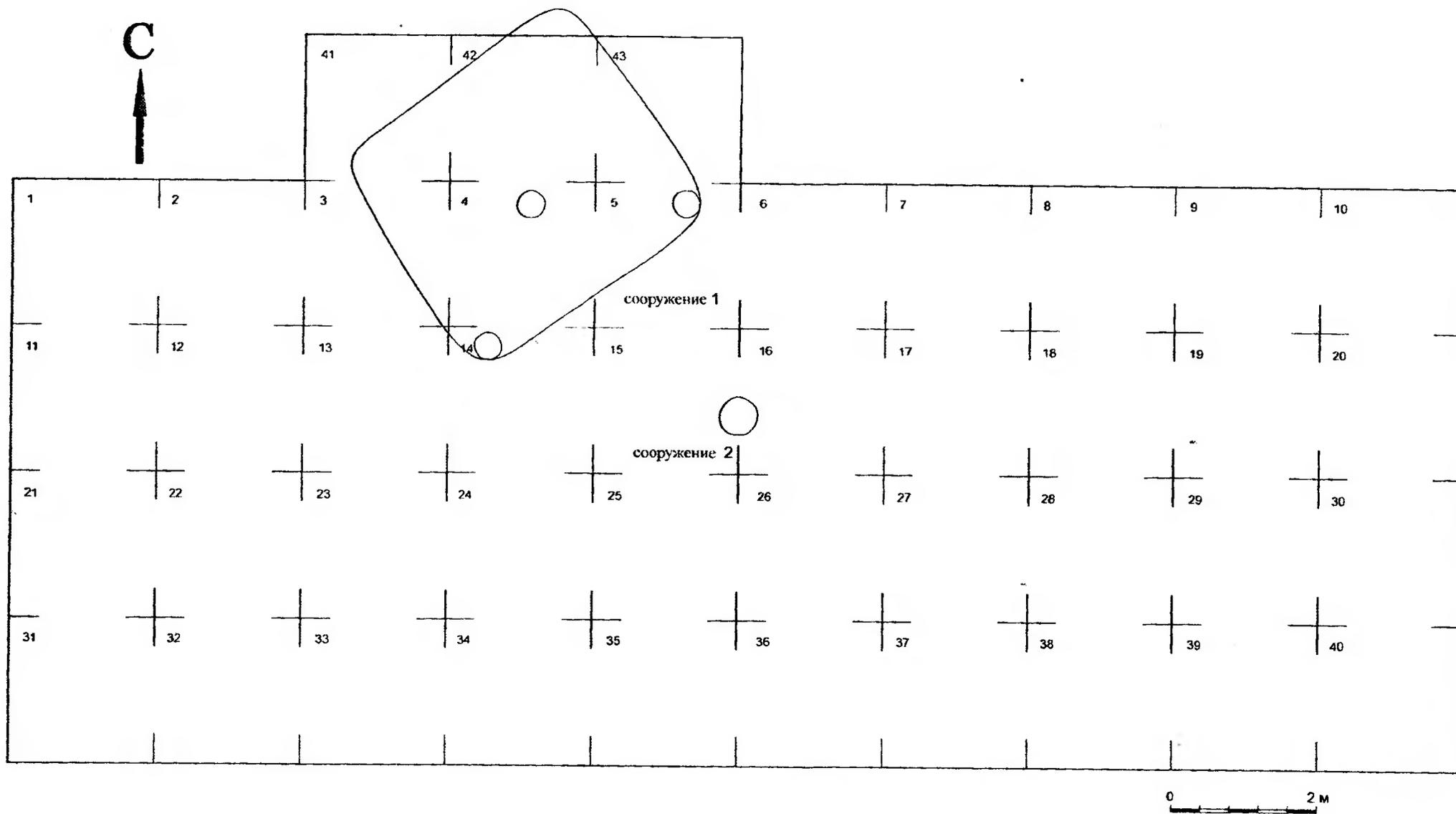

Рис.50. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 5. Общий план.

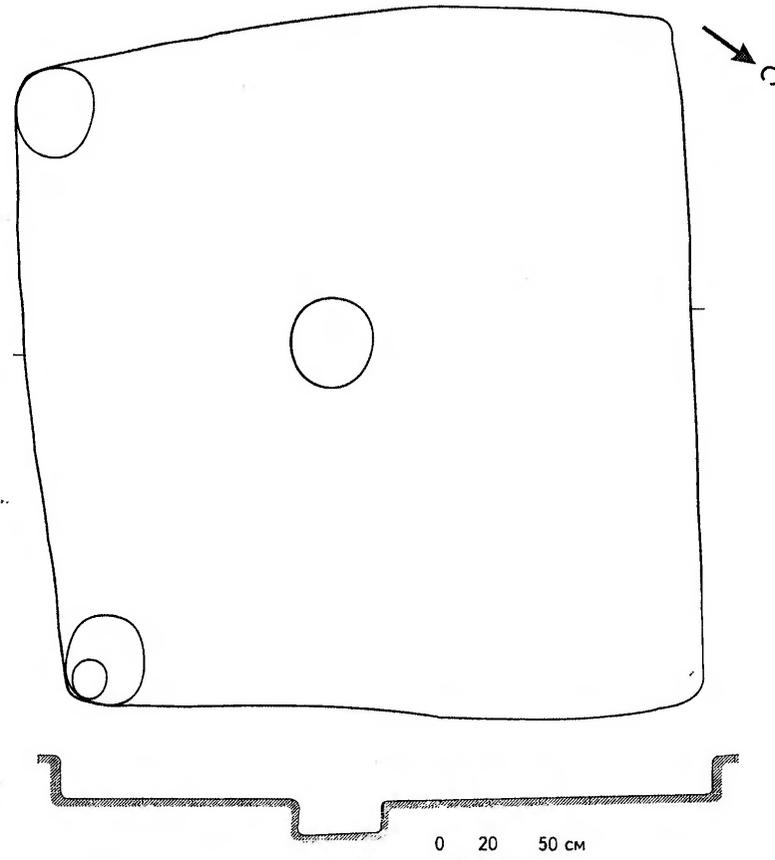

Рис.51. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 5. План сооружения 1.

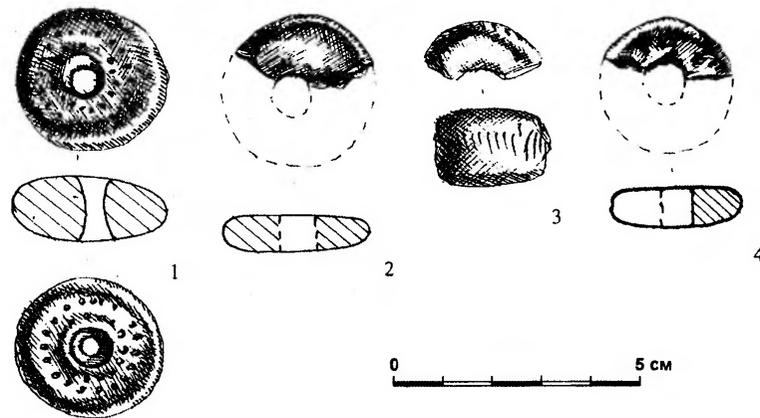
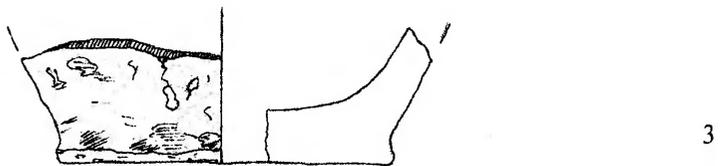
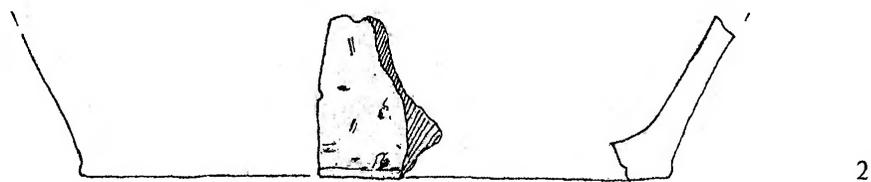
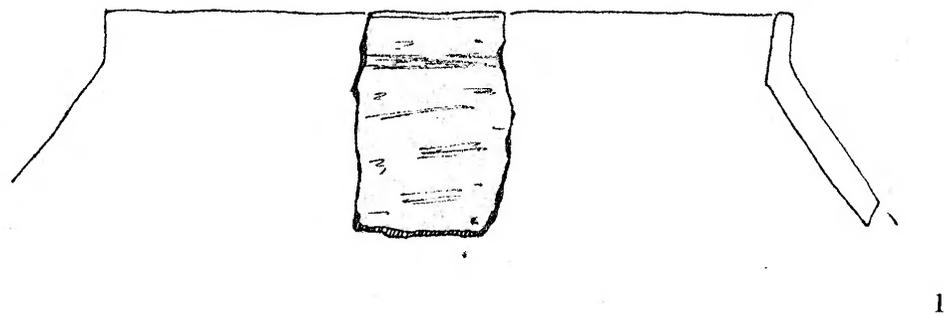

Рис.52. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 5. Пряслица. Глина.
1 - сооружение 2; 2-4 - сооружение 1.

0 5 см

Рис. 53. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 5. Лепная керамика.
1-2 - кв. 42 ш. 1; 3 - кв. 43 ш. 1 (из заполнения верхней части сооружения 1).

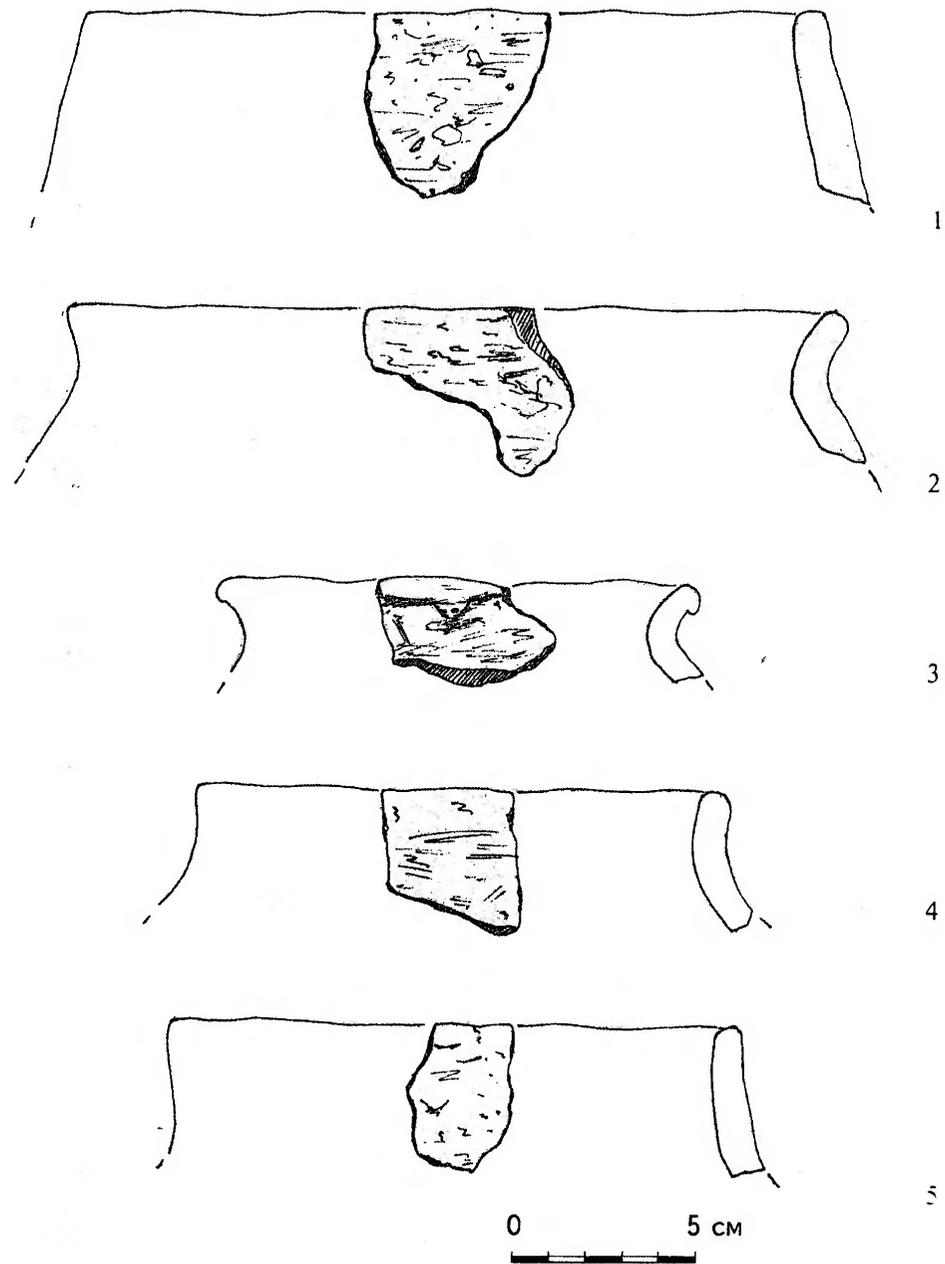

Рис. 54. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 5. Лепная керамика. 1-5 - кв. 15 ш. 1 (из заполнения верхней части сооружения 2).

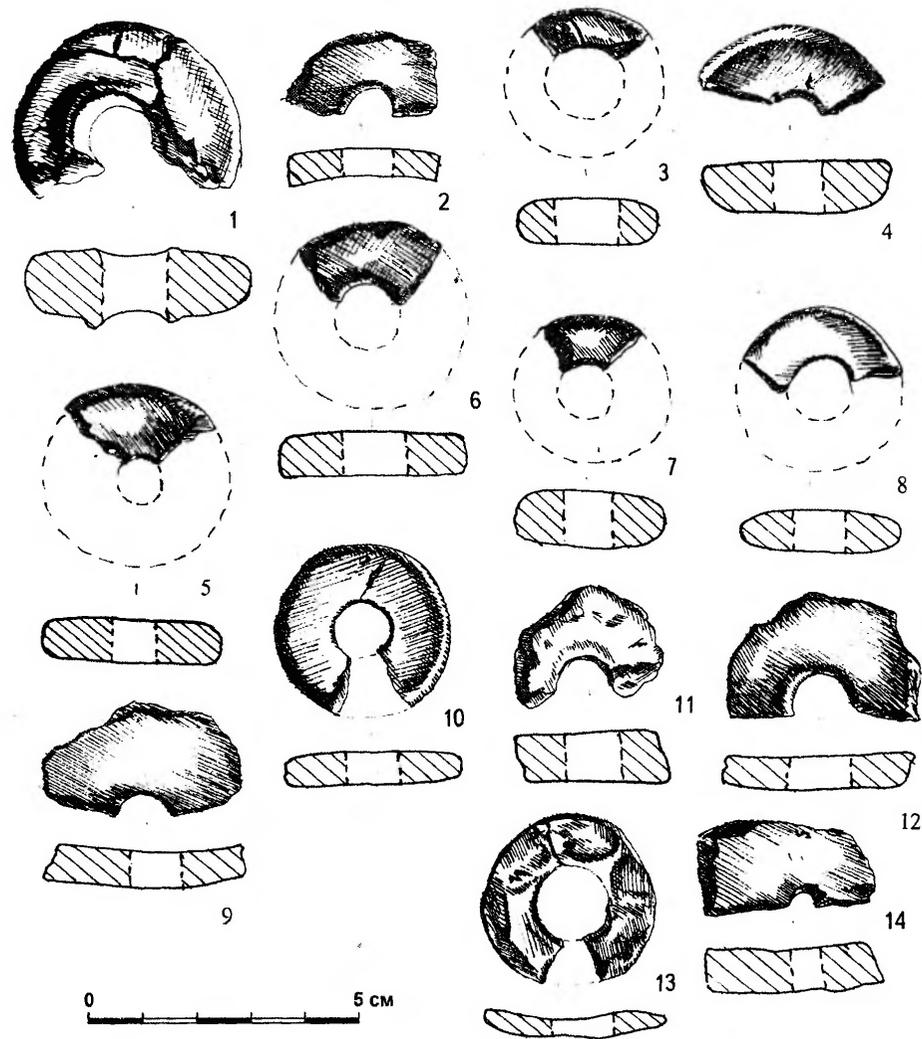

Рис. 55. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 5. Пряслица. Глина.

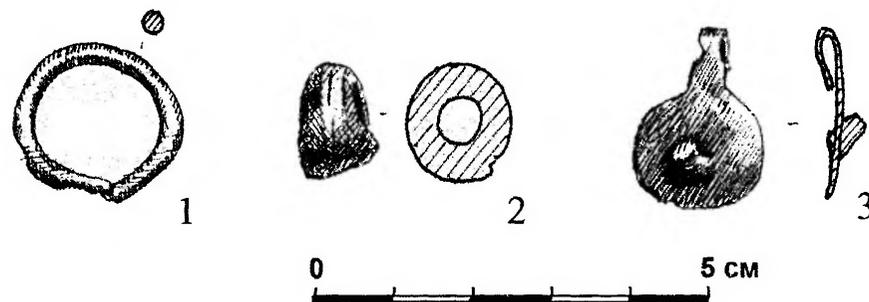

Рис. 56. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 5. Индивидуальные находки.
1 - бронза; 2 - стекло.

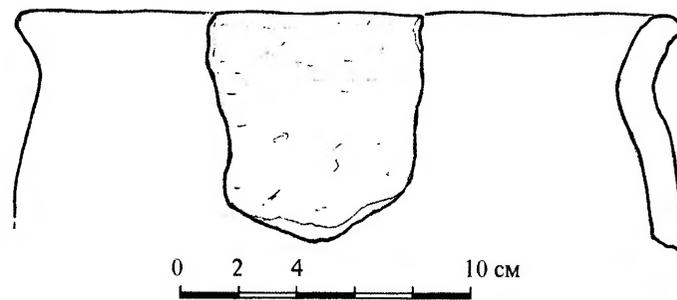
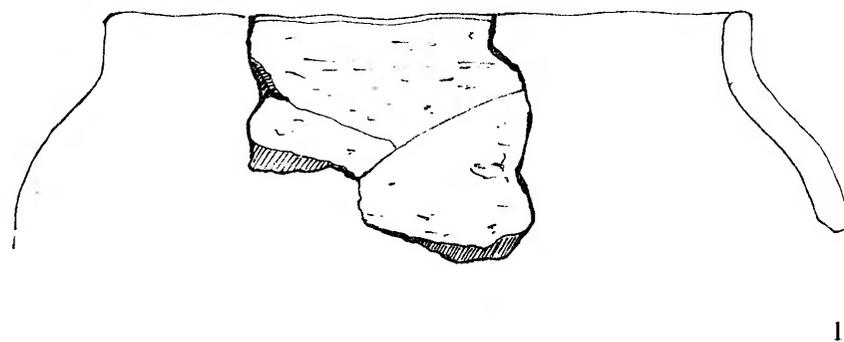
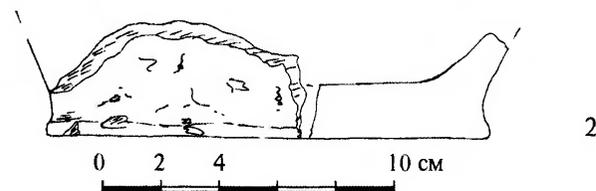

Рис. 57. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 5. Кв. 6 ш. 1. Фрагмент лепного сосуда.

1

2

Рис. 58. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 5. Кв. 25 ш. 1. Лепная керамика.

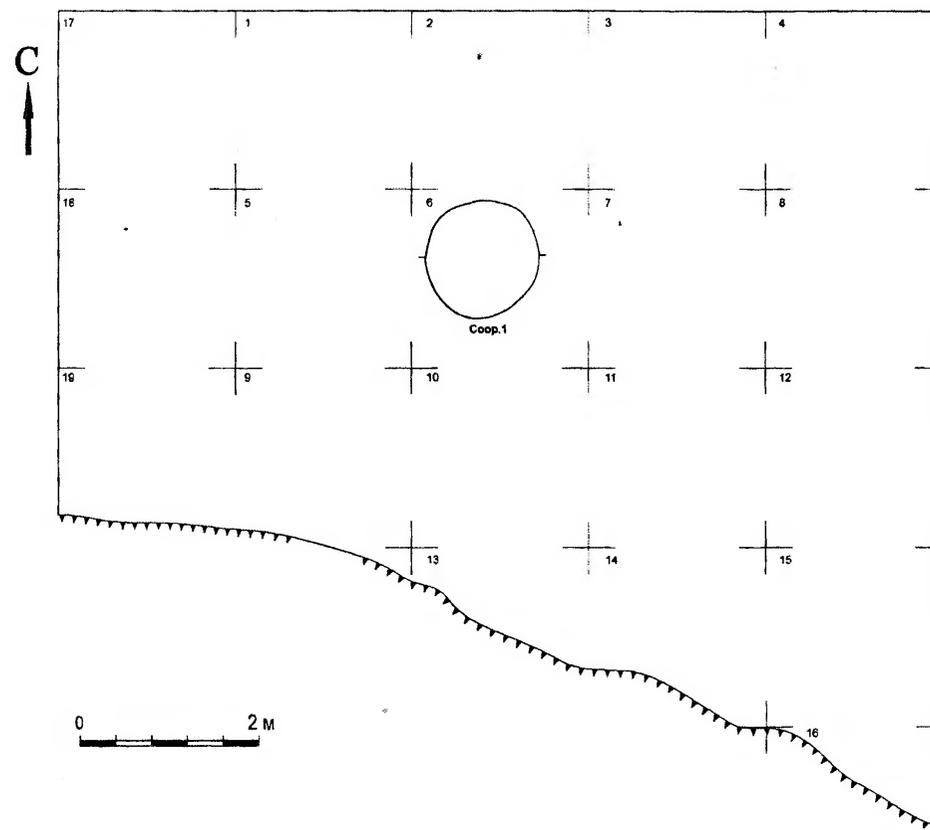

Рис. 59. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 6. Общий план.

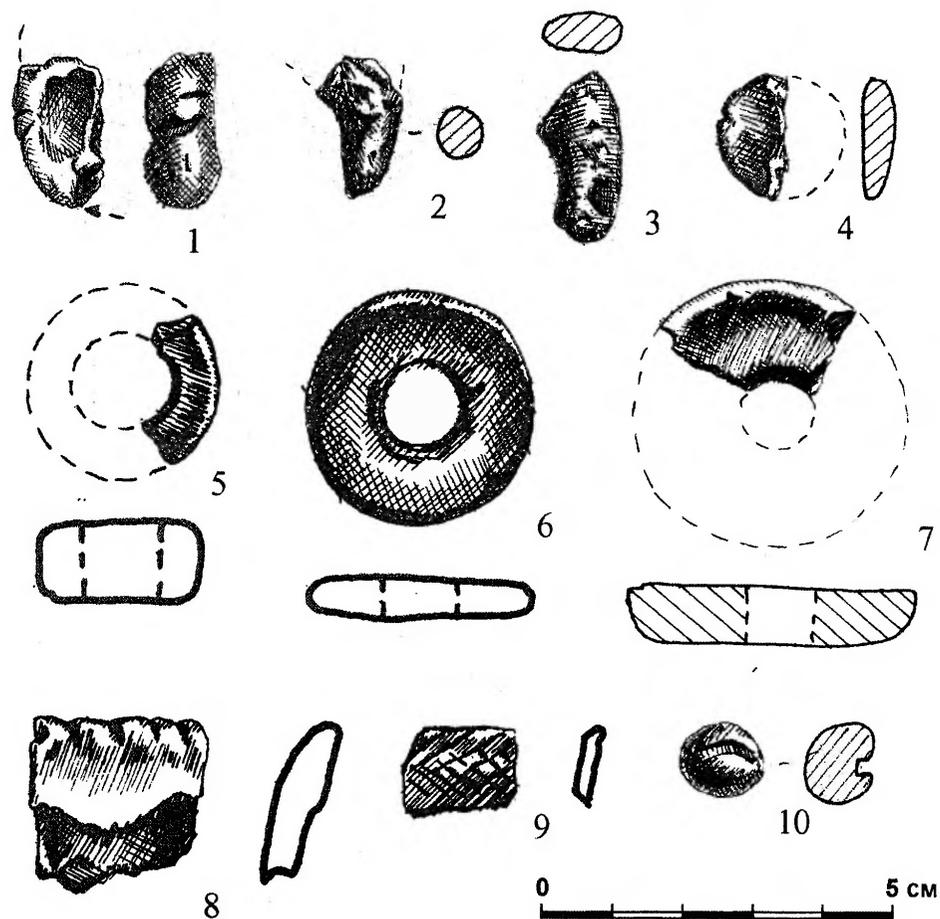

Рис. 60. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 6.
Индивидуальные находки из культурного слоя. Глина.

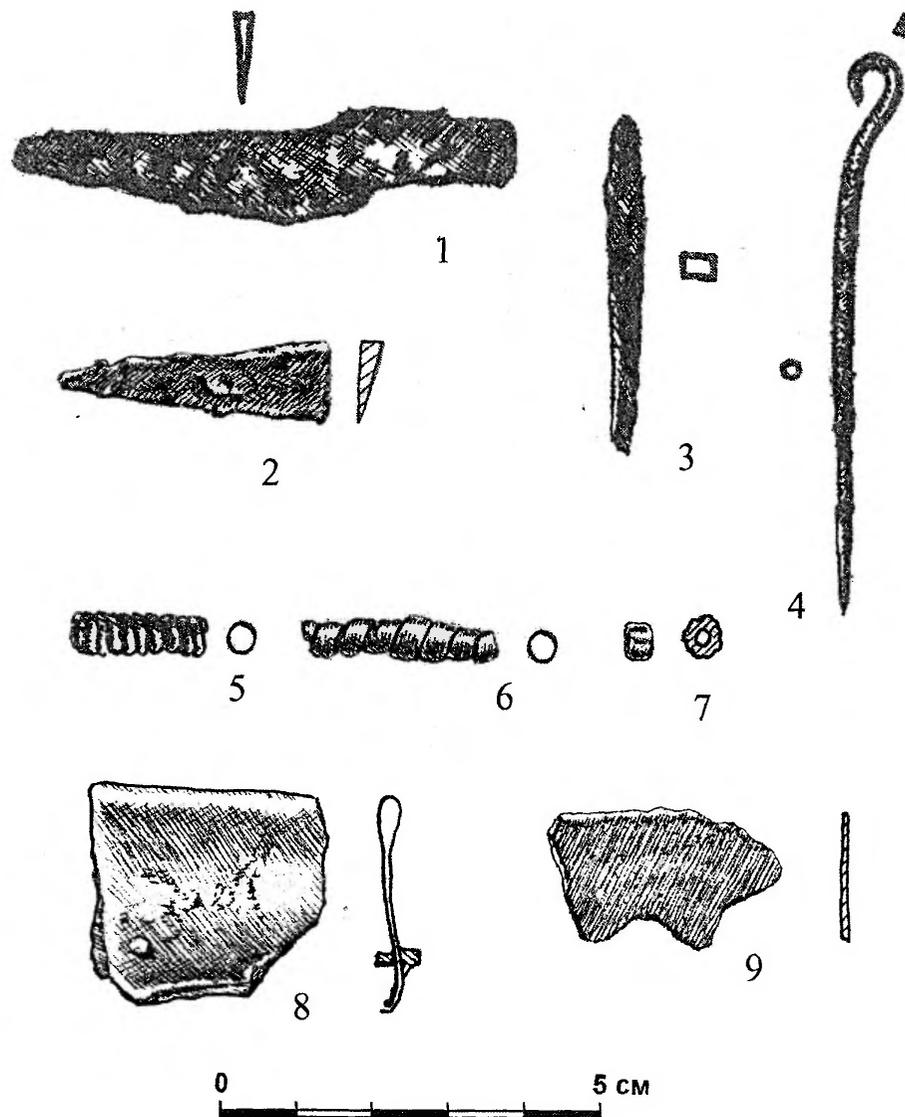

Рис. 61. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 6.
 Индивидуальные находки из культурного слоя.
 1-4 - железо; 5-6, 8-9 - бронза; 7 - стекло.

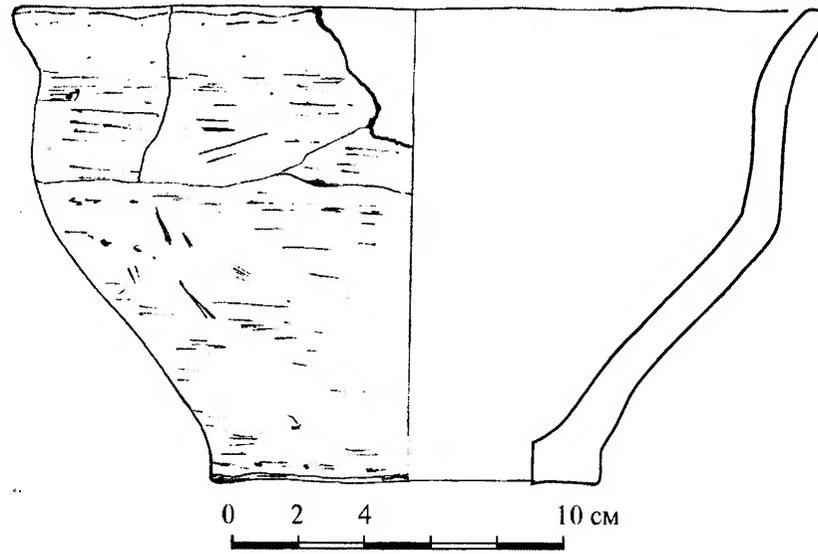

Рис.62. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 6. Кв.1 ш.1.
Лепная керамика.

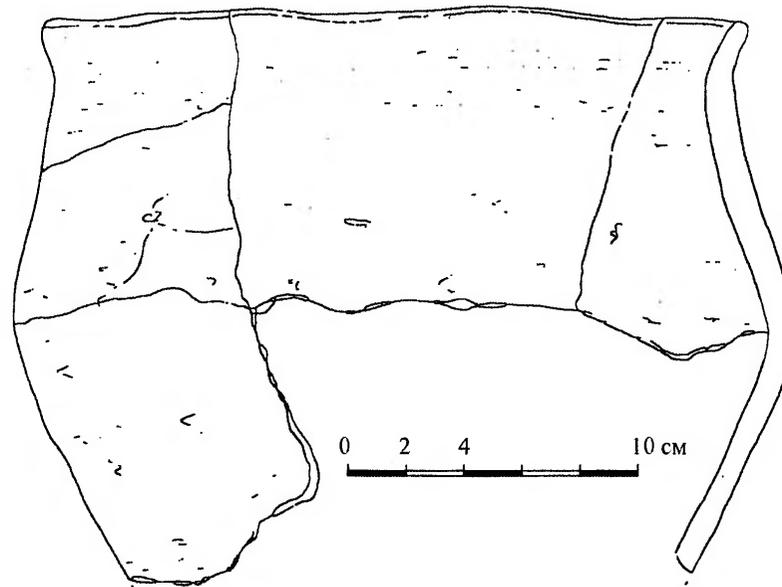

Рис.63. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 6. Кв.1 ш.2.
Лепная керамика.

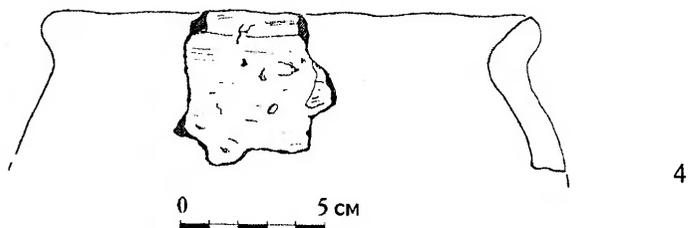
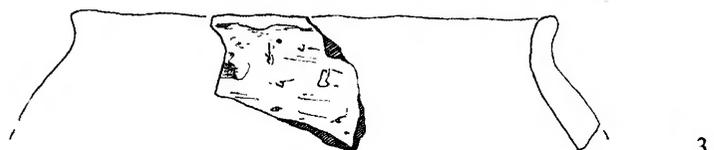
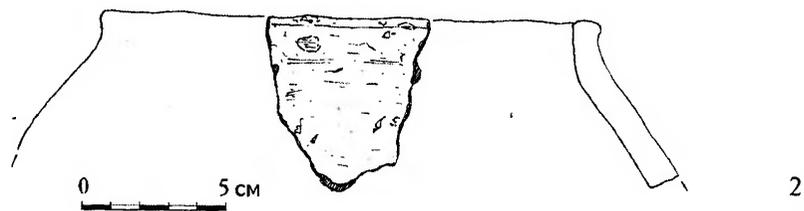
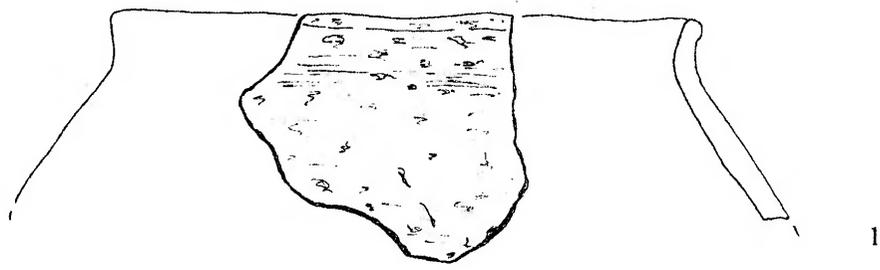

Рис. 64. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Раскоп 6. Кв. 17 ш. 1.
Лепная керамика.

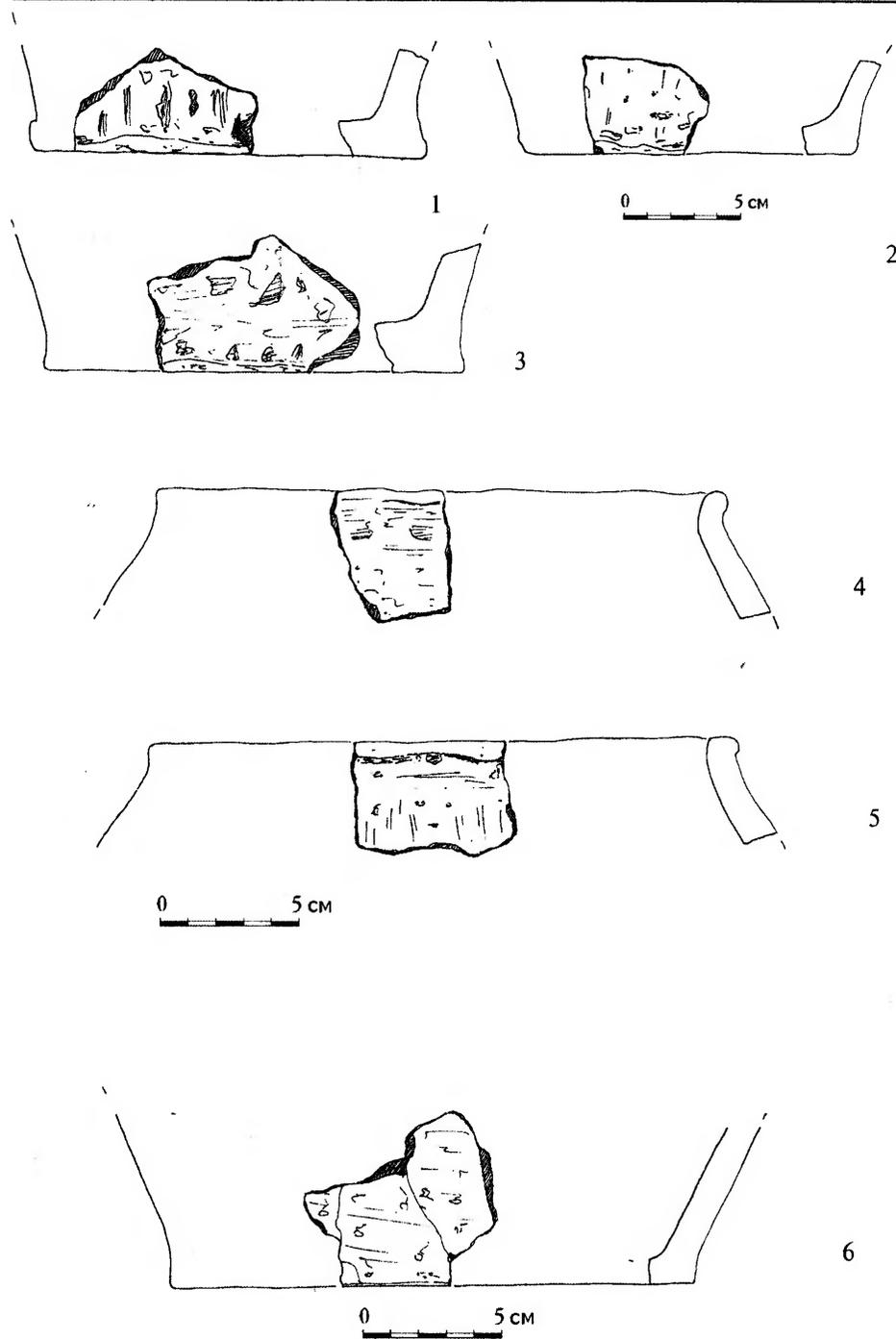

Рис. 65. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Лепная керамика. Раскоп 6.
1-3 - кв. 17 ш. 1; 4-6 - кв. 17 ш. 2.

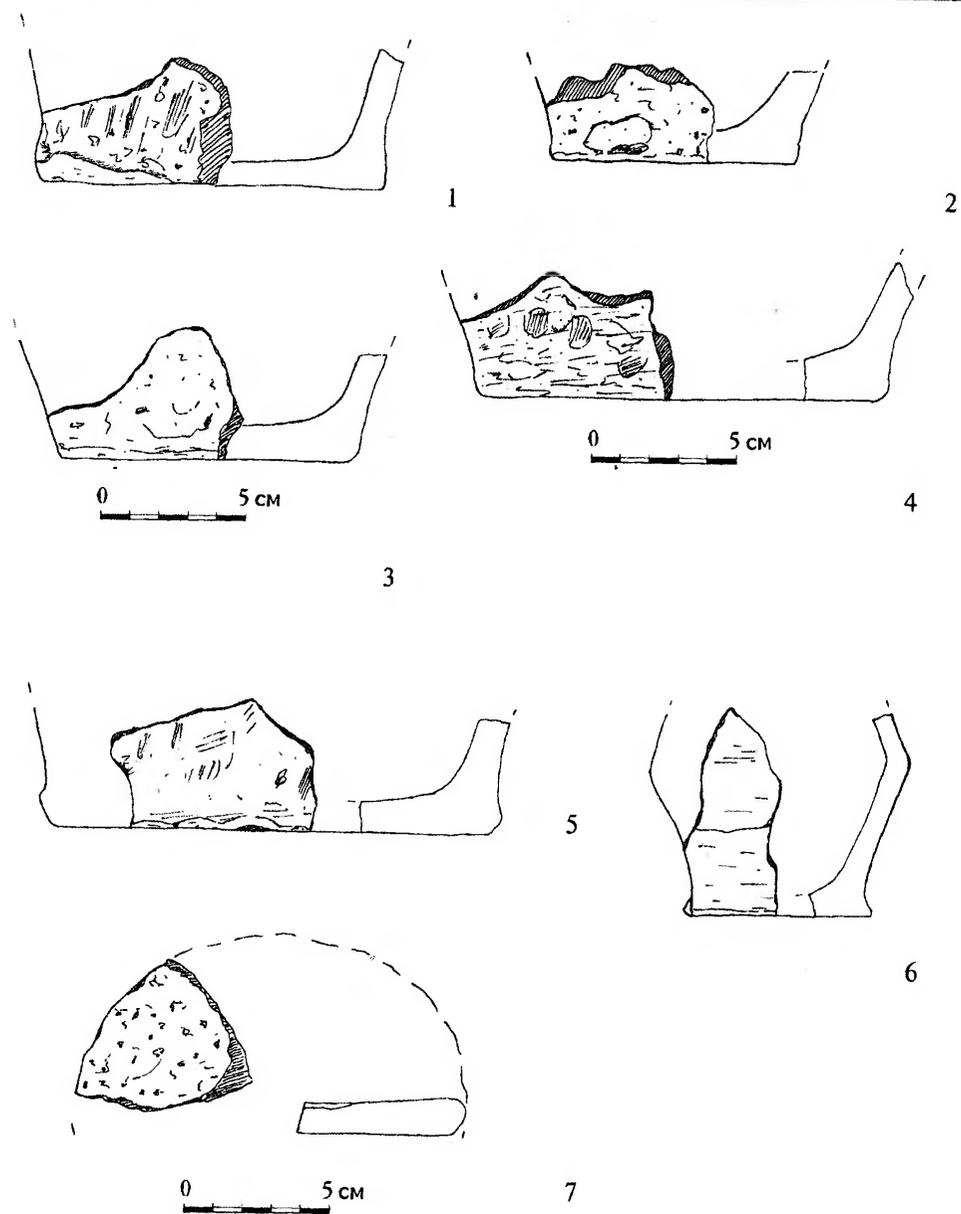

Рис. 66. Комплекс памятников у с. Сиделькино. Лепная керамика. Раскоп 6.
 1,3 - кв. 17 ш. 3; 2,4 - кв. 18 ш. 2; 5,7 - кв. 19 ш. 1; 6 - кв. 19 ш. 2.

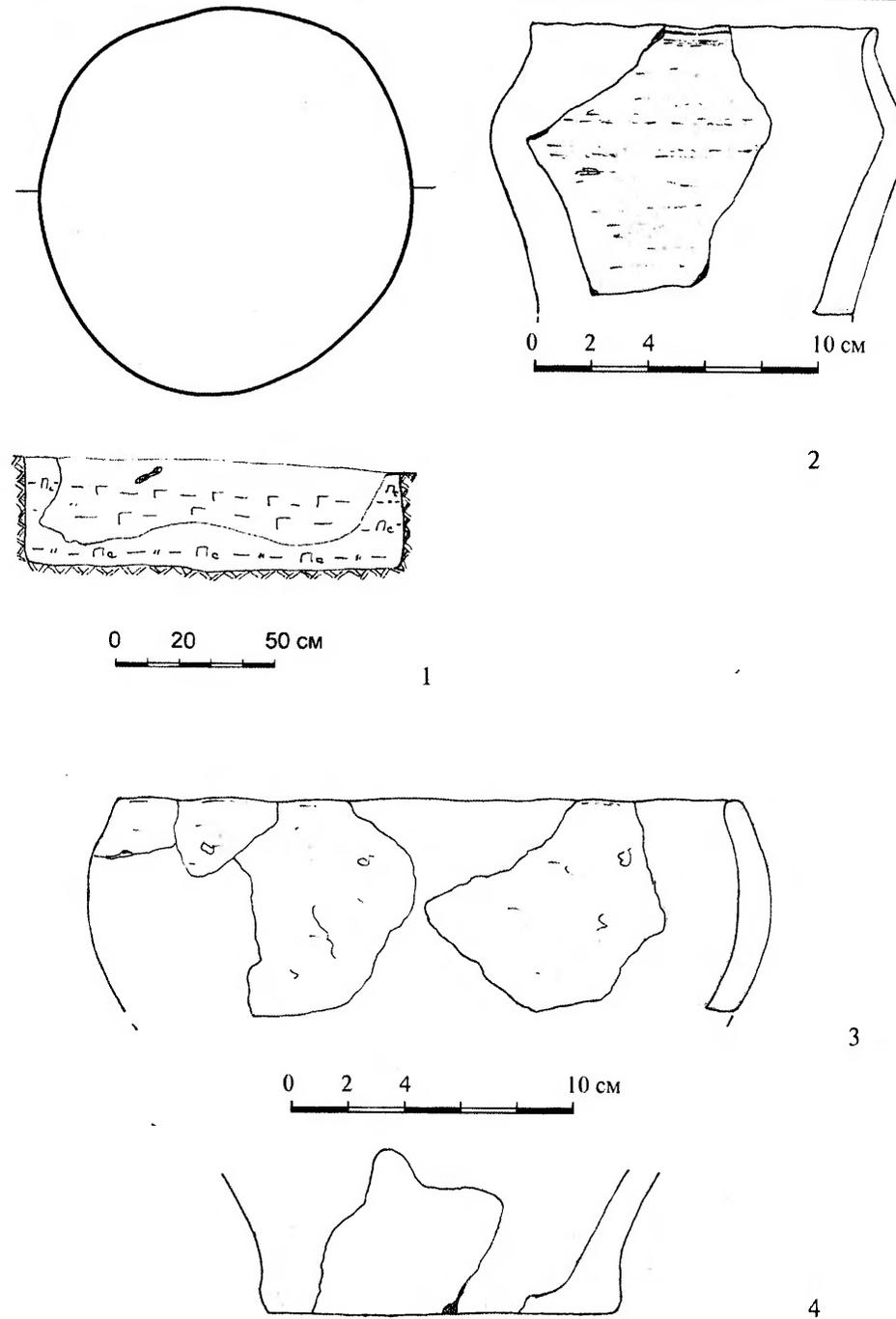
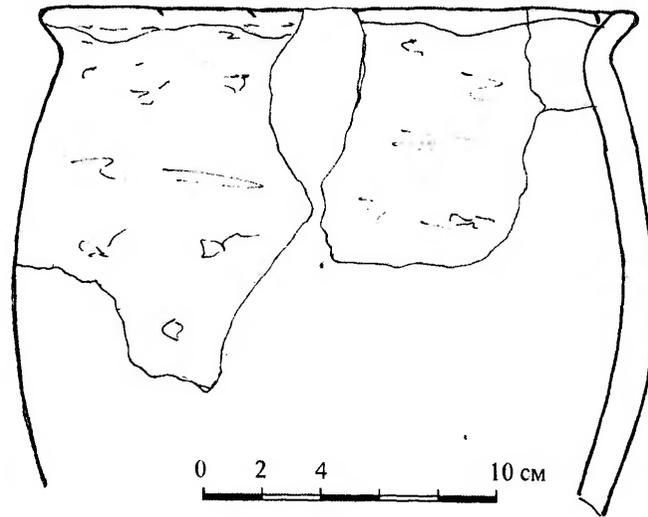
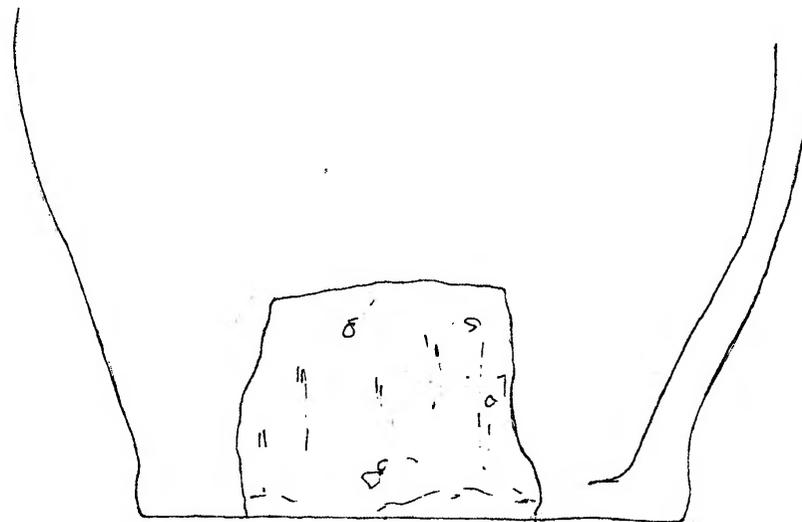

Рис.67. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп б. Сооружение 1.
1 - план сооружения 1; 2-4 - лепная керамика из сооружения.

1

2

Рис.68. Комплекс памятников у с.Сиделькино. Раскоп 6. Сооружение 1. Лепная керамика.

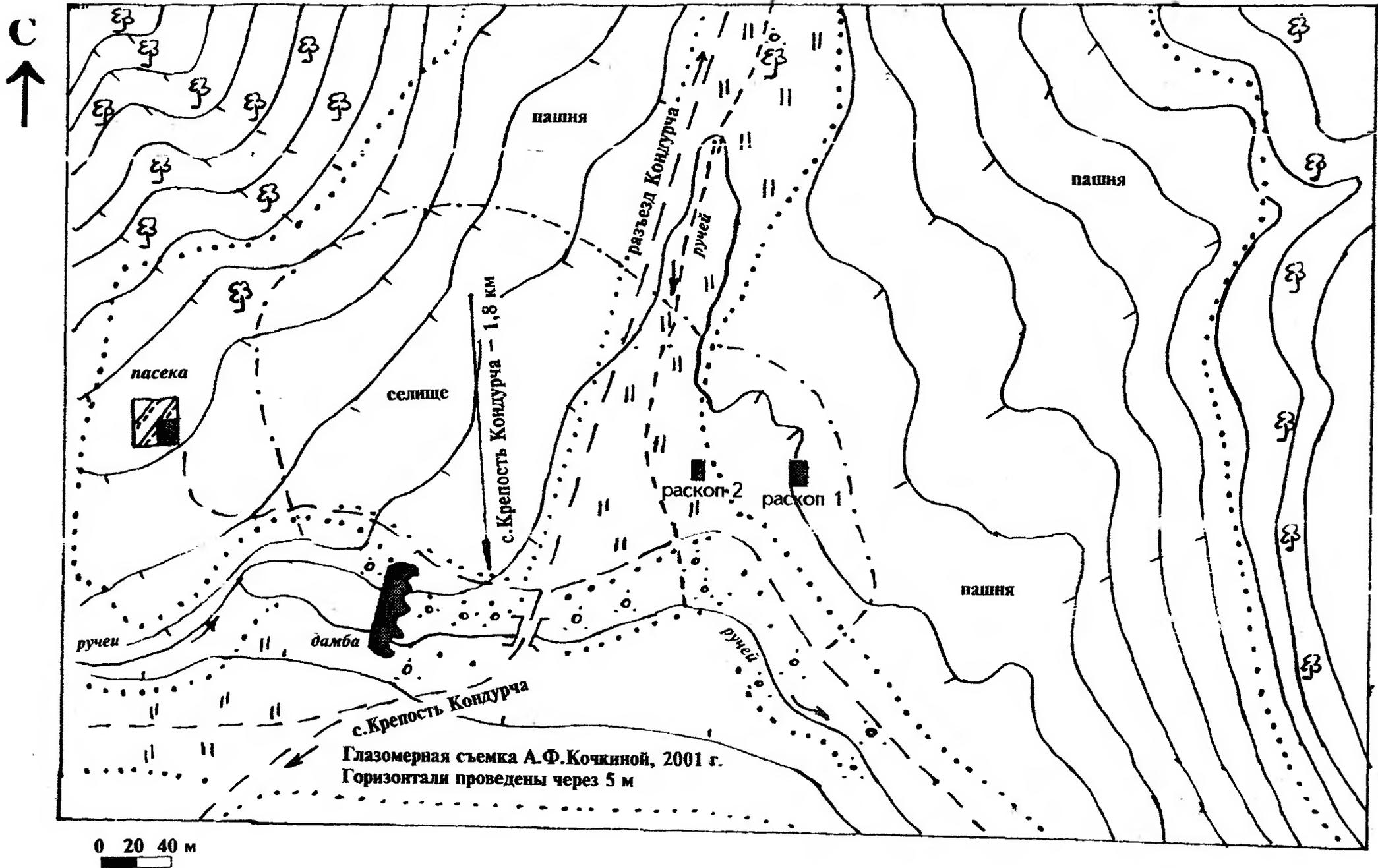

Рис. 69. Селище Крепость Кондурча II. План.

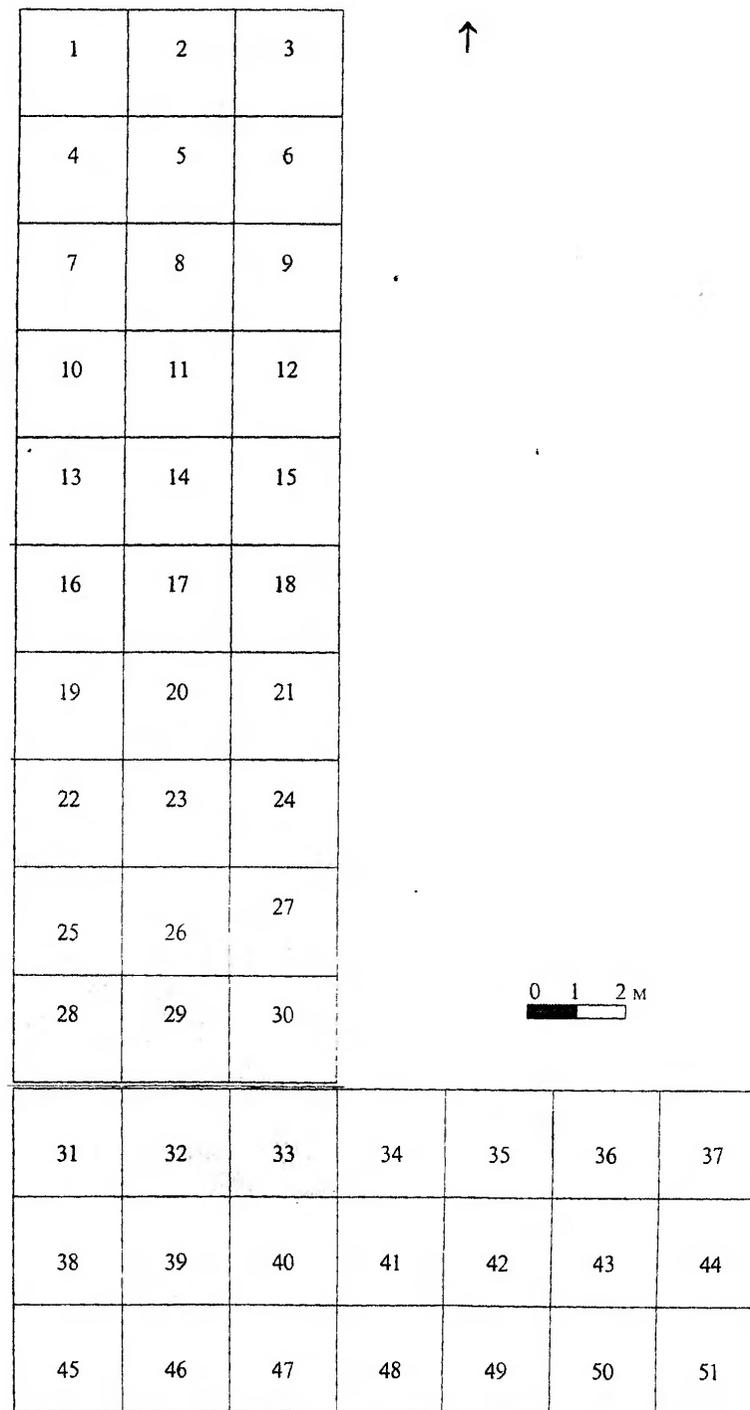

Рис. 70. Селище Крепость Кондурча II. Раскоп 1. План.

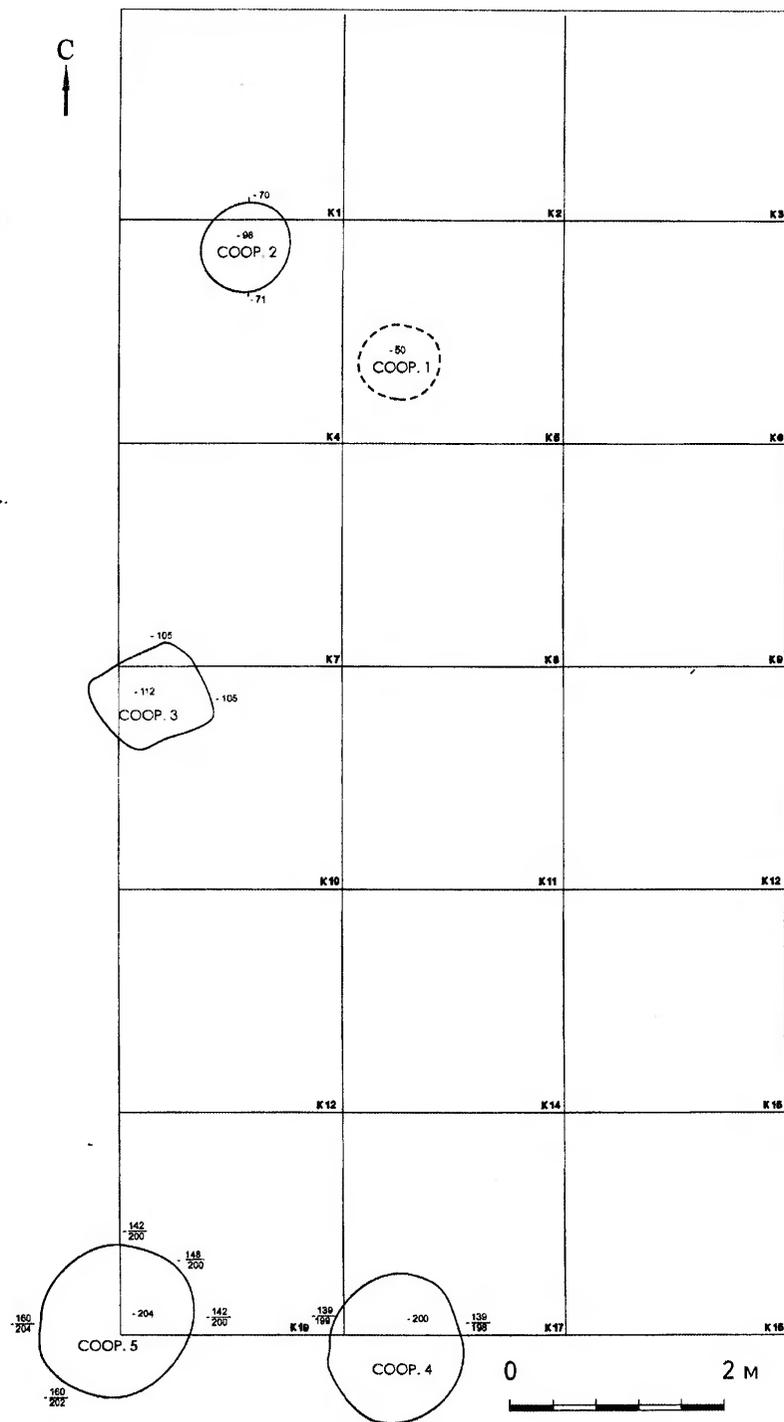

Рис. 71. Селище Крепость Кондурча II. Раскоп 2. Общй план.

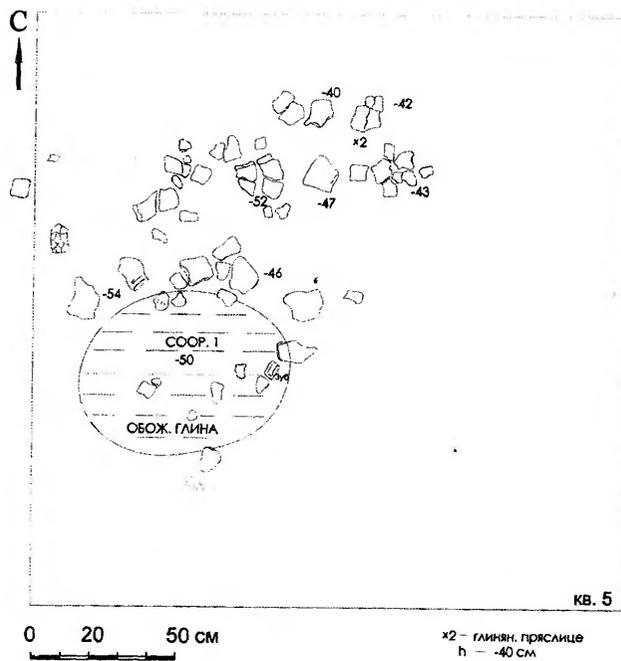

Рис. 72. Селище Крепость Кондурча II. Раскоп 2. План сооружения 1.

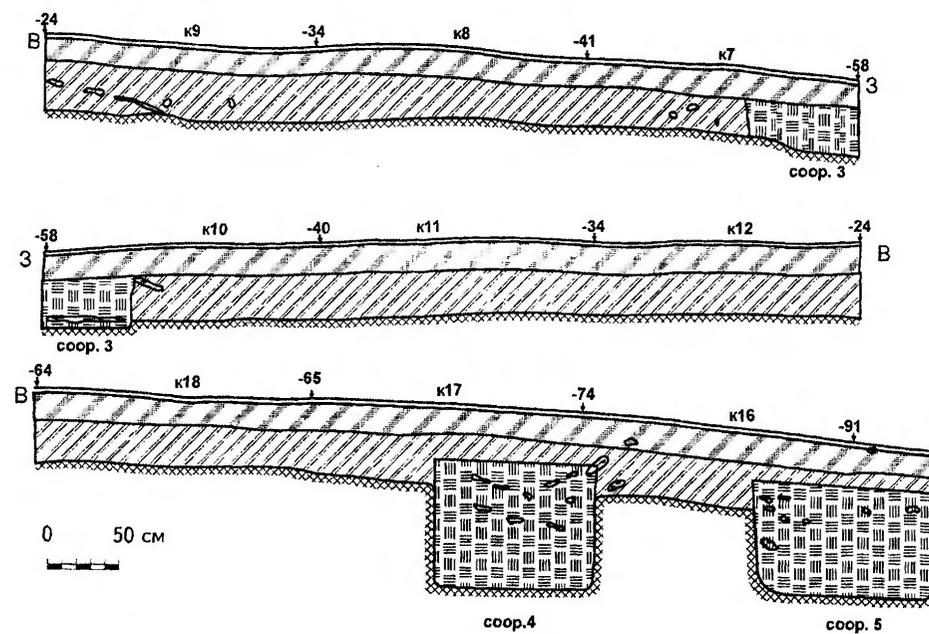

Рис. 73. Селище Крепость Кондурча II. Раскоп 2. Профили стенок и бровок раскопа.

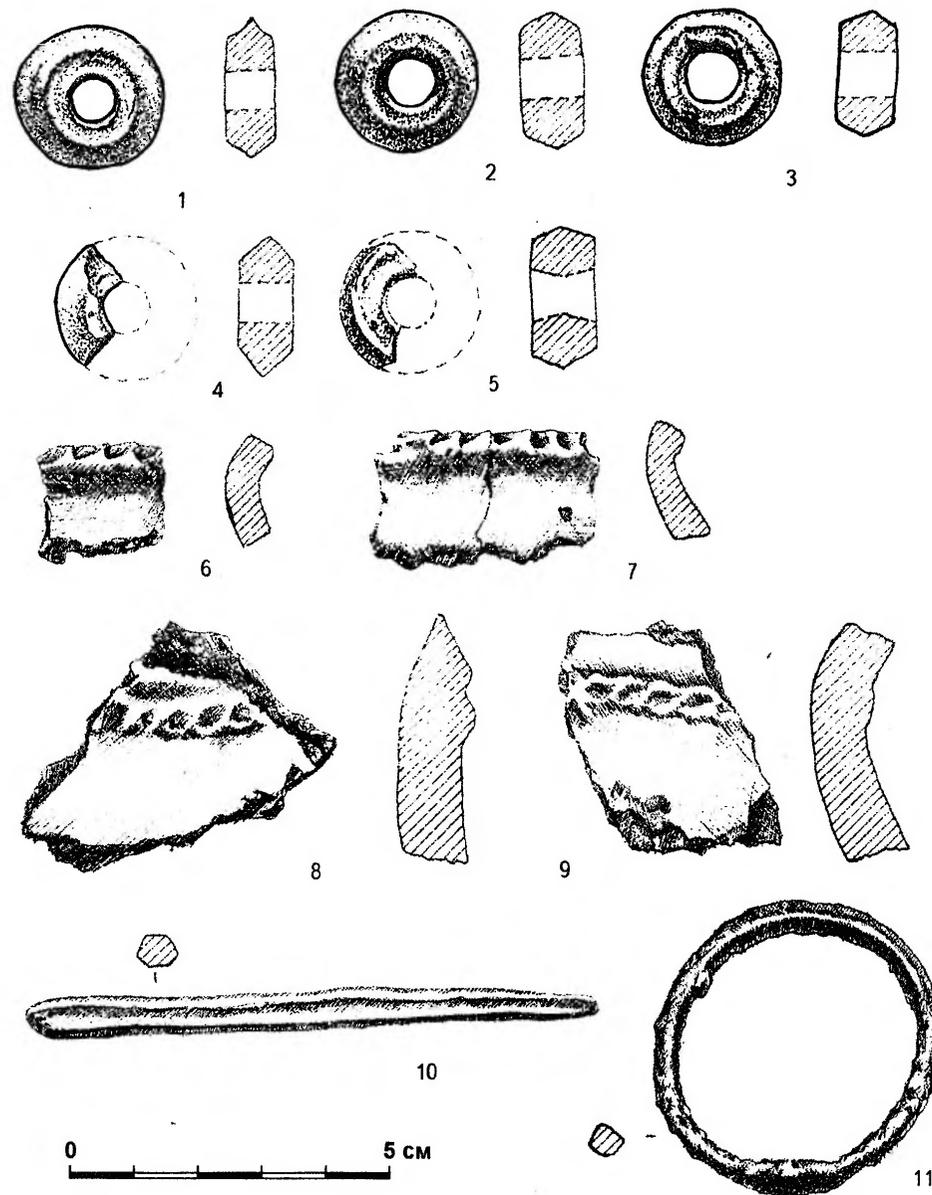

Рис. 74. Селище Крепость Кондурча II. Индивидуальные находки.

1-9 - глина; 10 - бронза; 11 - железо.

1 - раскоп 2 кв. 5 ш. 1; 2 - раскоп 2 кв. 10 ш. 2; 3 - раскоп 1 кв. 50 ш. 2; 4-5 - раскоп 1 кв. 37 ш. 1;
6 - раскоп 1 кв. 48 ш. 1; 7 - раскоп 1 кв. 29 ш. 1; 8-9 - подъемный материал; 10 - раскоп 1 кв. 27
ш. 1; 11 - раскоп 2 кв. 14 ш. 1.

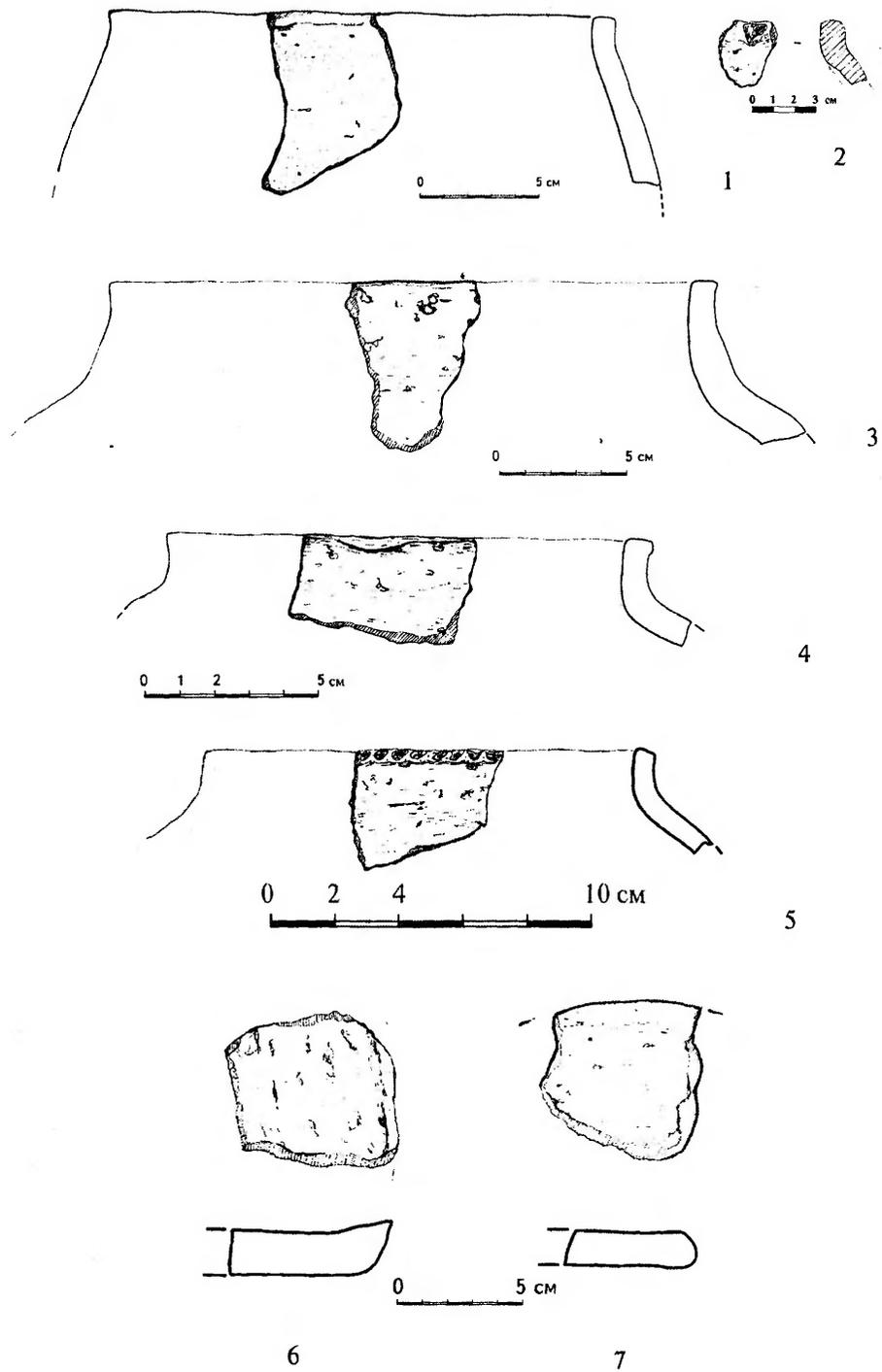

Рис. 75. Селище Крепость Кондурча II. Лепная керамика. Раскоп 1.
1 - кв. 27 ш. 2; 2 - кв. 29 ш. 2; 3-7 - кв. 36 ш. 2.

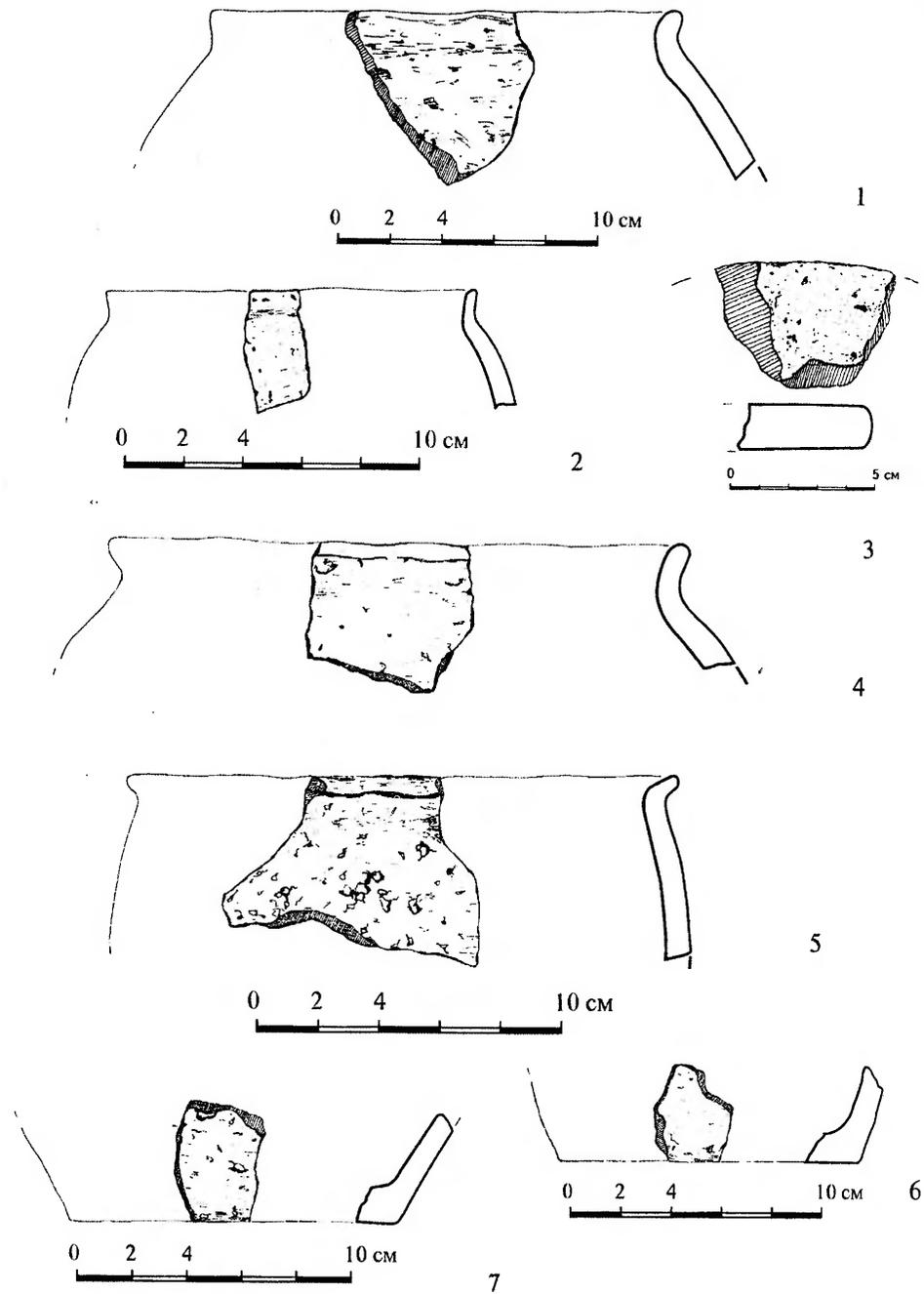

Рис. 76. Селище Крепость Кондурча II. Лепная керамика. Раскоп I.
1-3 - кв. 43 ш. 2; 4-7 - кв. 44 ш. 2.

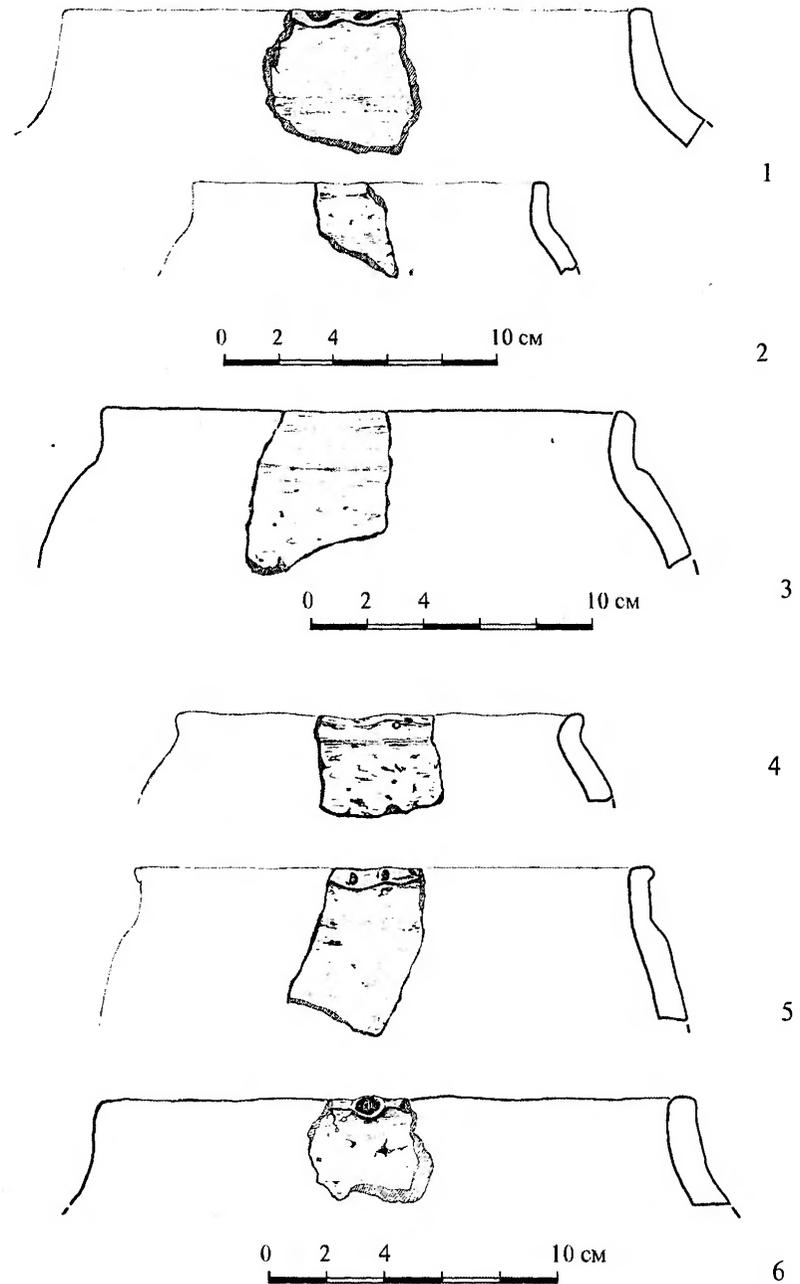

Рис. 77. Селище Крепость Кондурча II. Лепная керамика. Раскоп I.
 1-2 - кв. 49 ш. I; 3 - кв. 50 ш. I; 4-6 - кв. 51 ш. I.

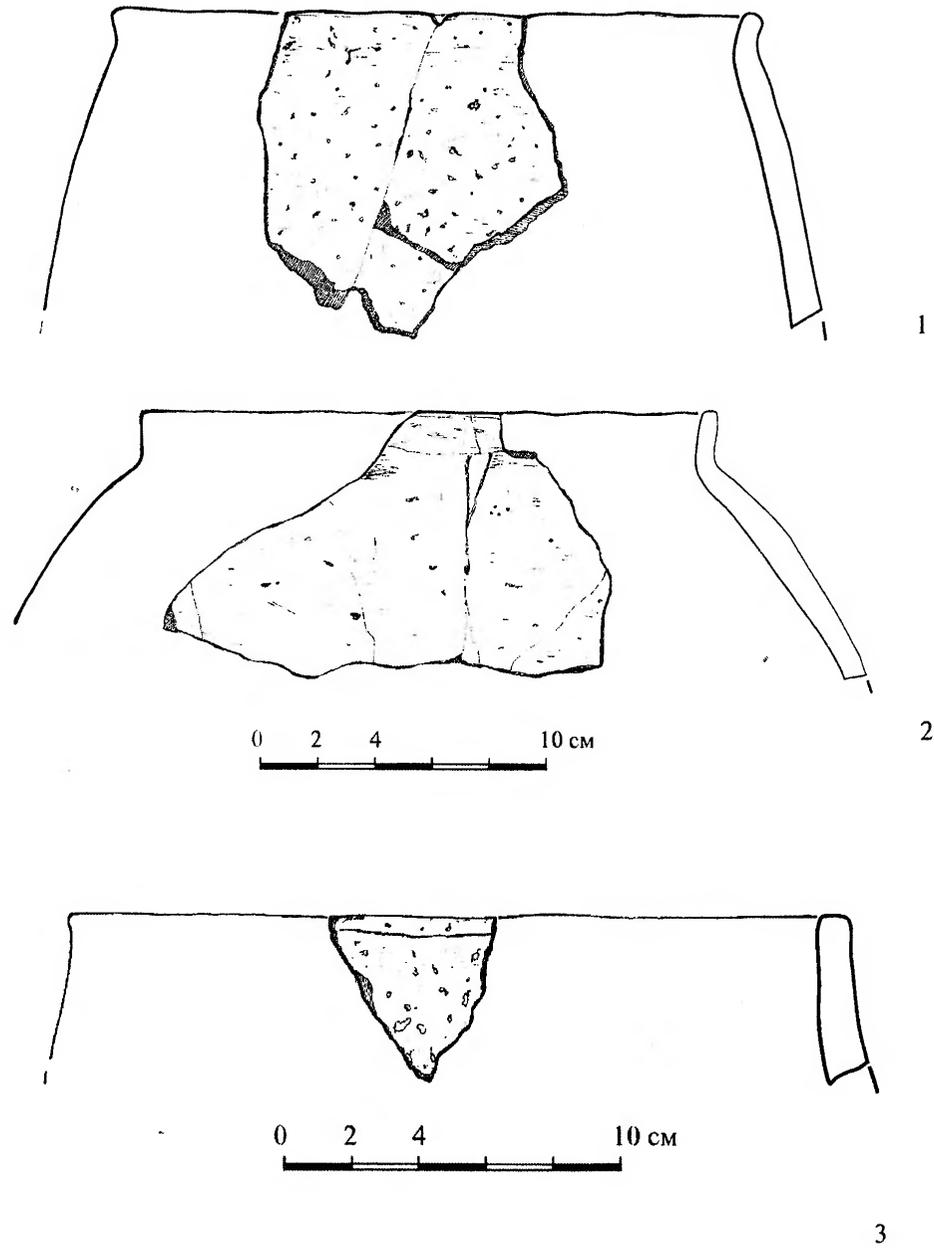

Рис. 78. Селище Крепость Кондурча II. Ленная керамика. Раскоп 2.
1-2 - кв. 4 ш. 1; 3 - кв. 7 ш. 1.

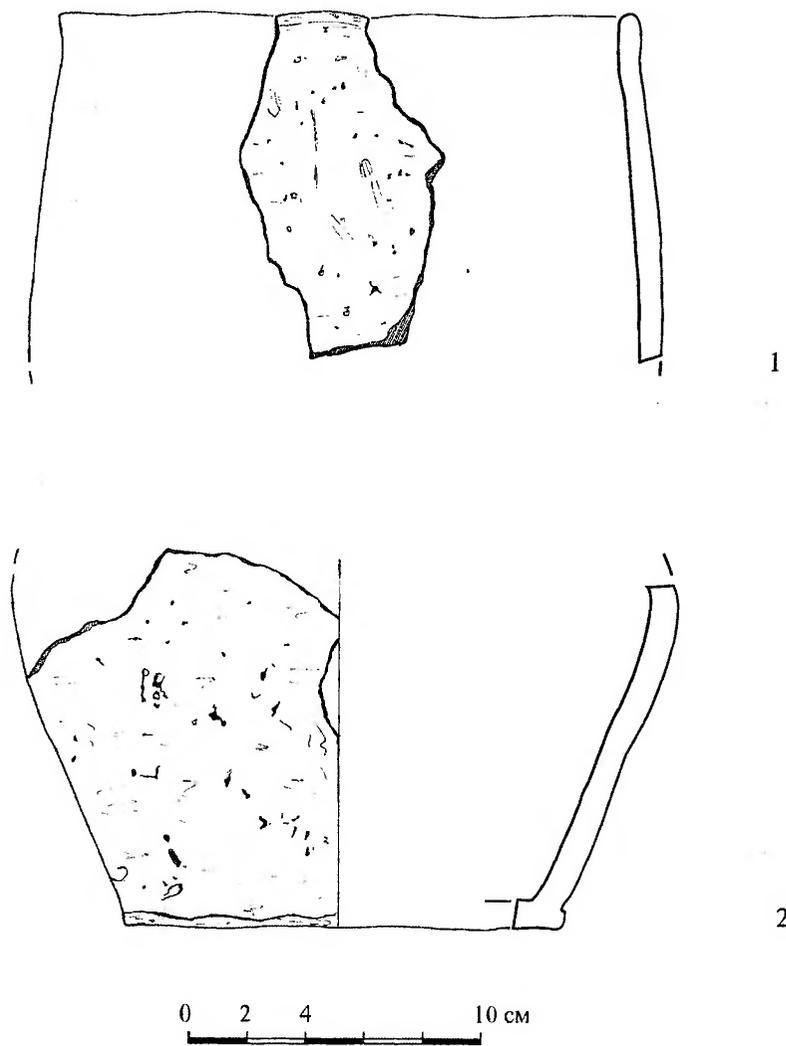
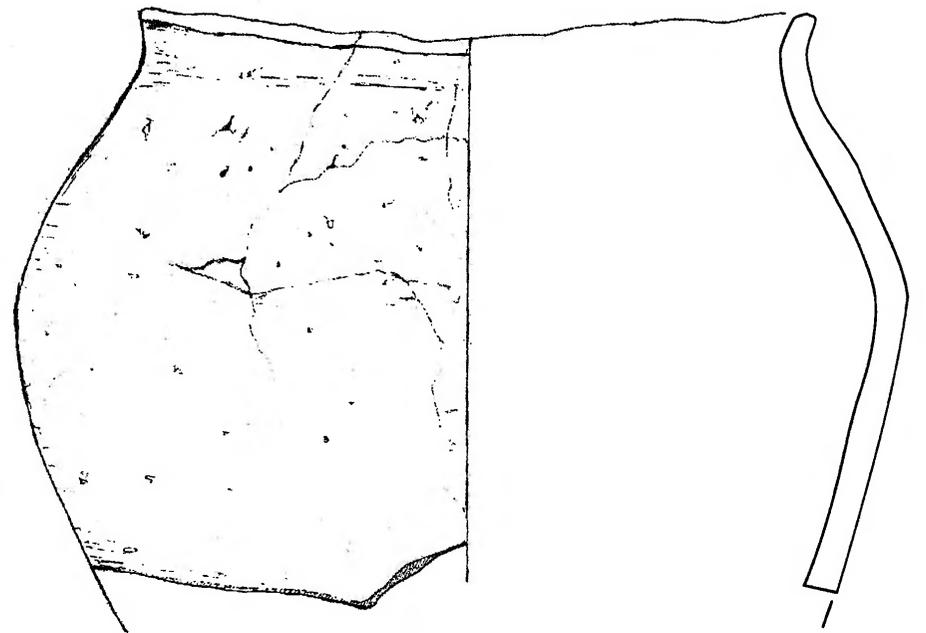
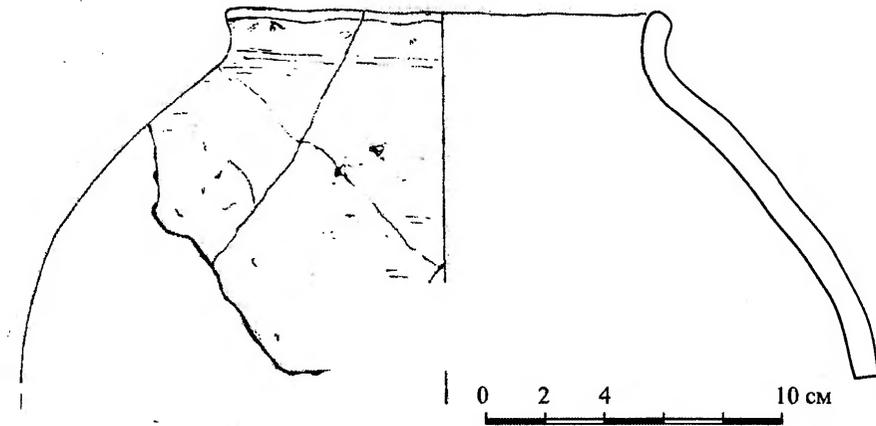

Рис. 79. Селище Крепость Кондурча II. Лепная керамика. Раскоп 2. 1-2 - кв. 5 ш. 1.

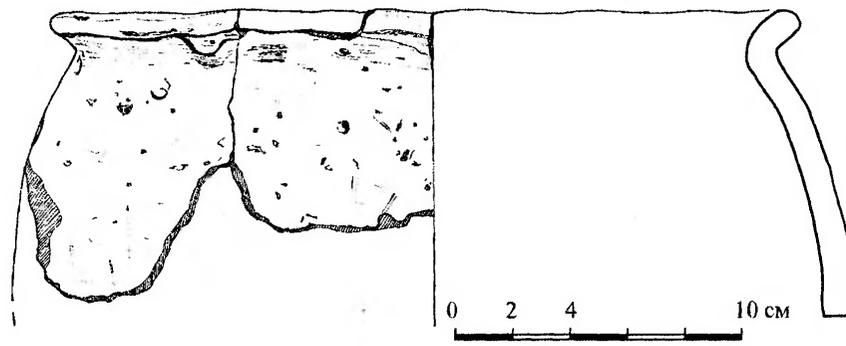
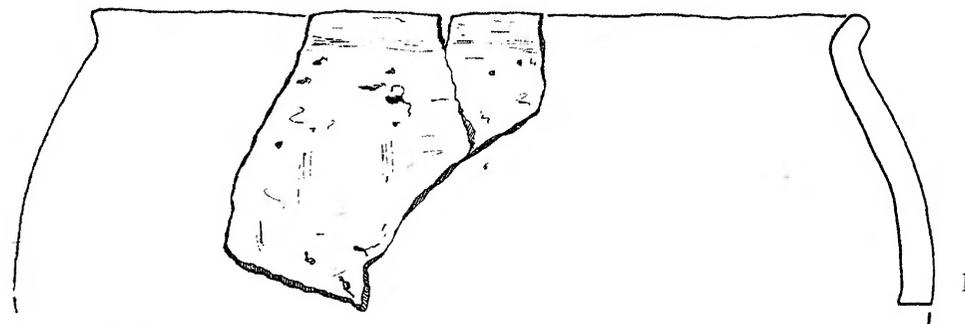

1

2

Рис.80. Селище Крепость Кондурча II. Лепная керамика. Раскоп 2. Сооружение 1.

2

Рис.81. Селище Крепость Кондурча II. Лепная керамика. Раскоп 2. Сооружение 2.

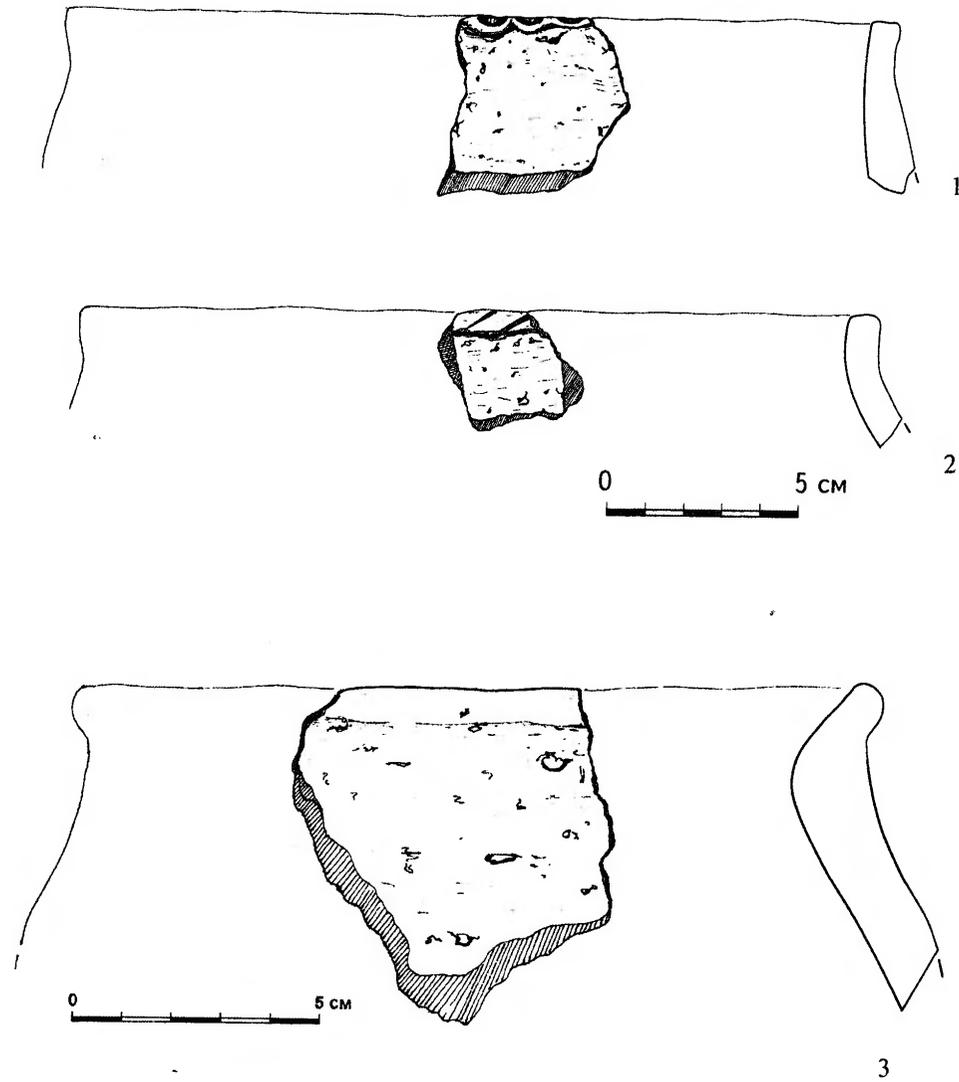

Рис.82. Селище Крепость Кондурча II. Лепная керамика.
1-2 - подъемный материал; 3 - раскоп 1, кв.51 ш.2.

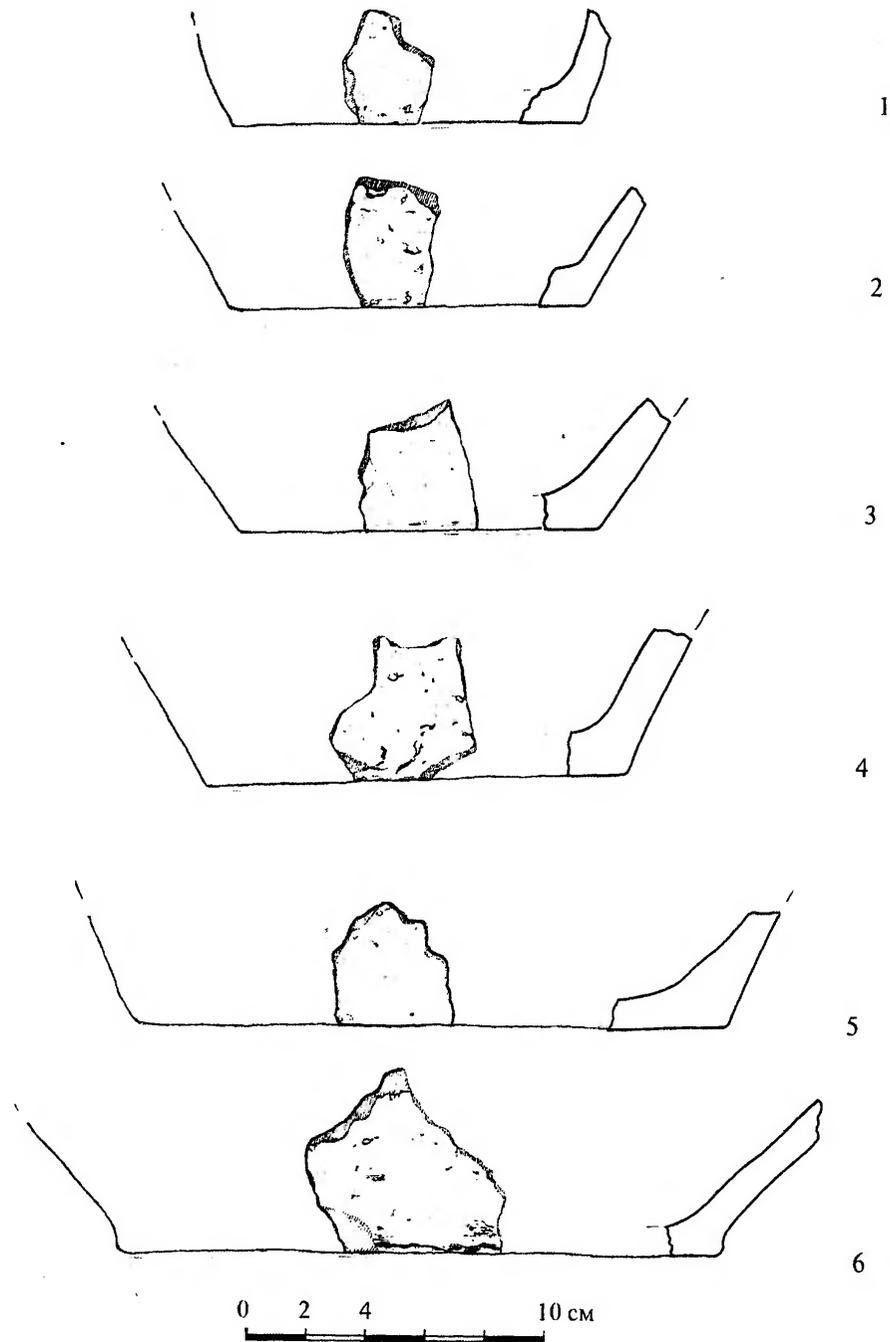

Рис.83. Селище Крепость Кондурча II. Днища лепных сосудов.

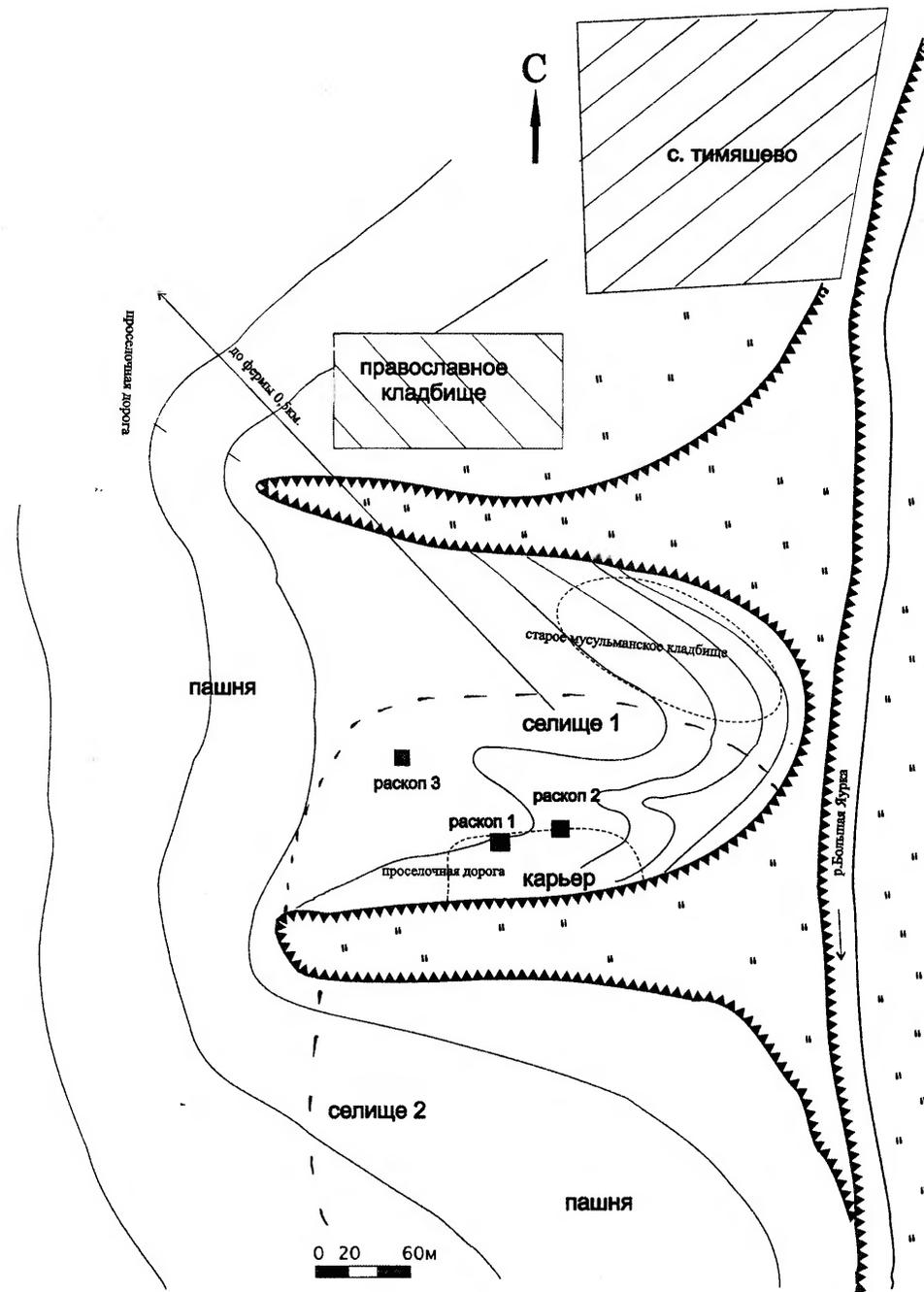

Рис.84. Тимяшевское селище. План.

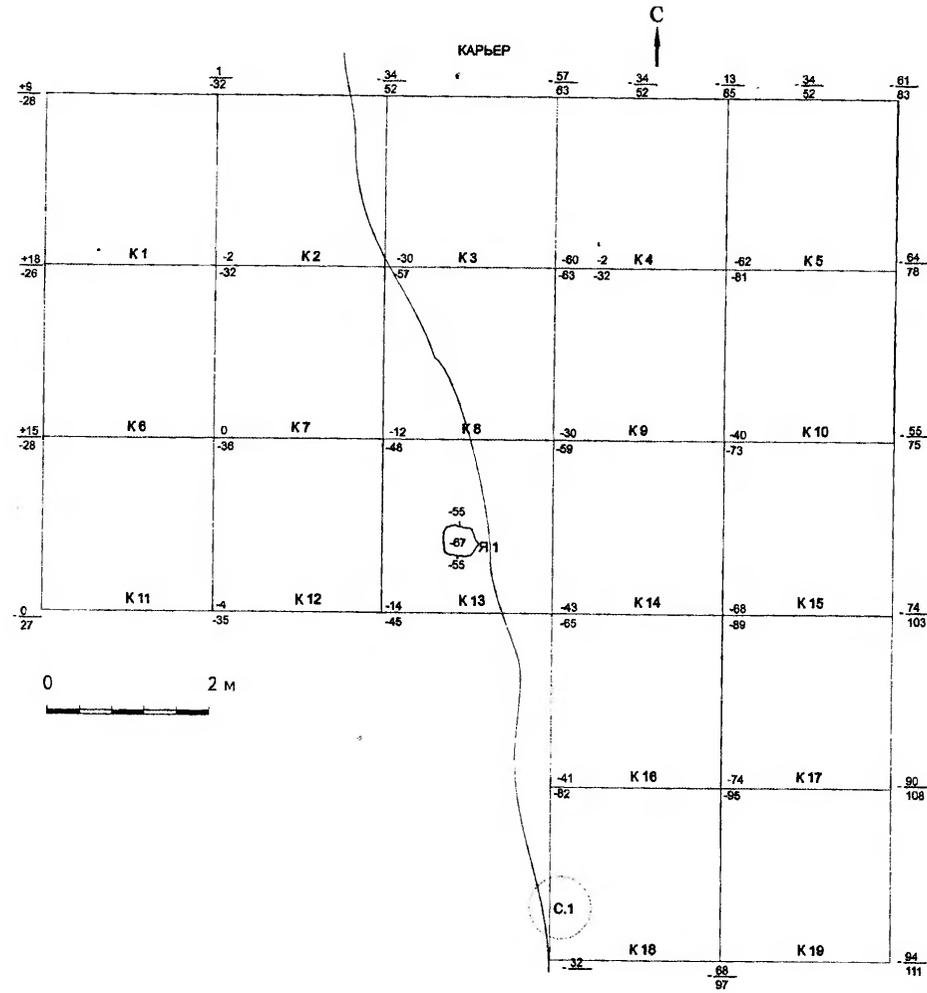

Рис. 85. Тимашевское селище. Раскоп I. Северный сектор. План.

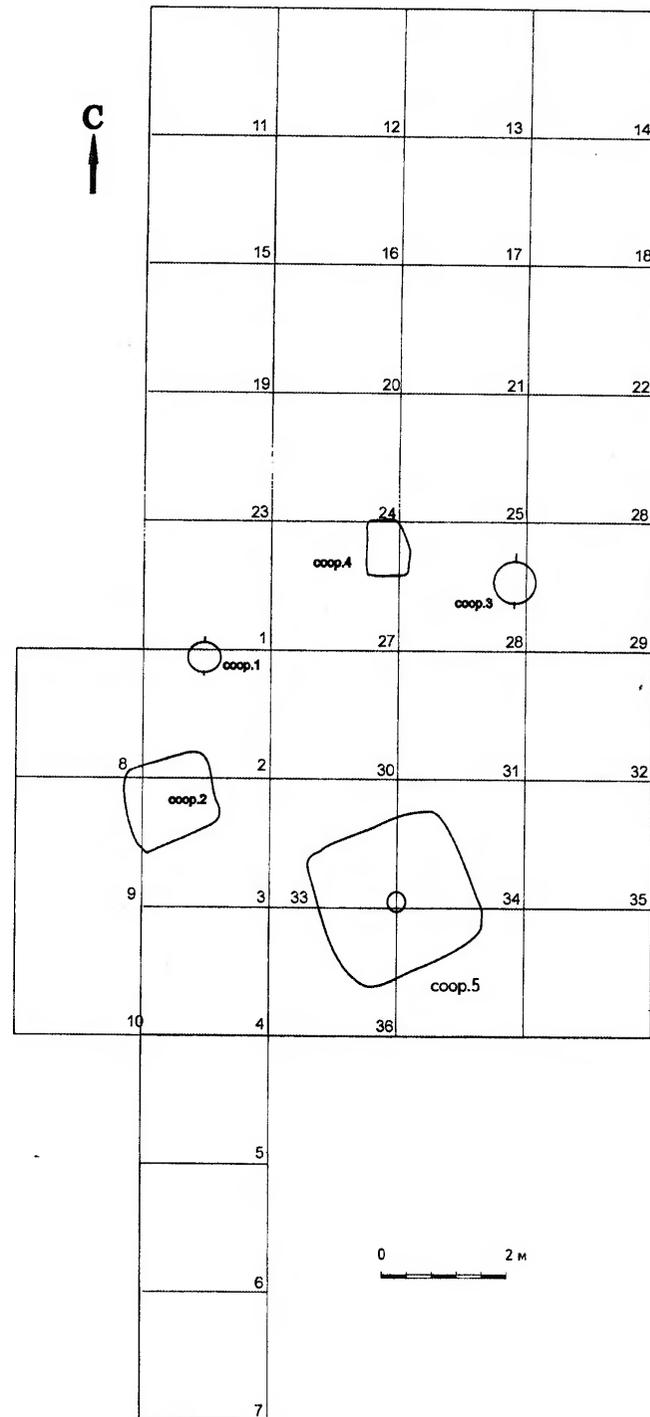

Рис.86. Тимяшевское селище. Раскоп 2. План.

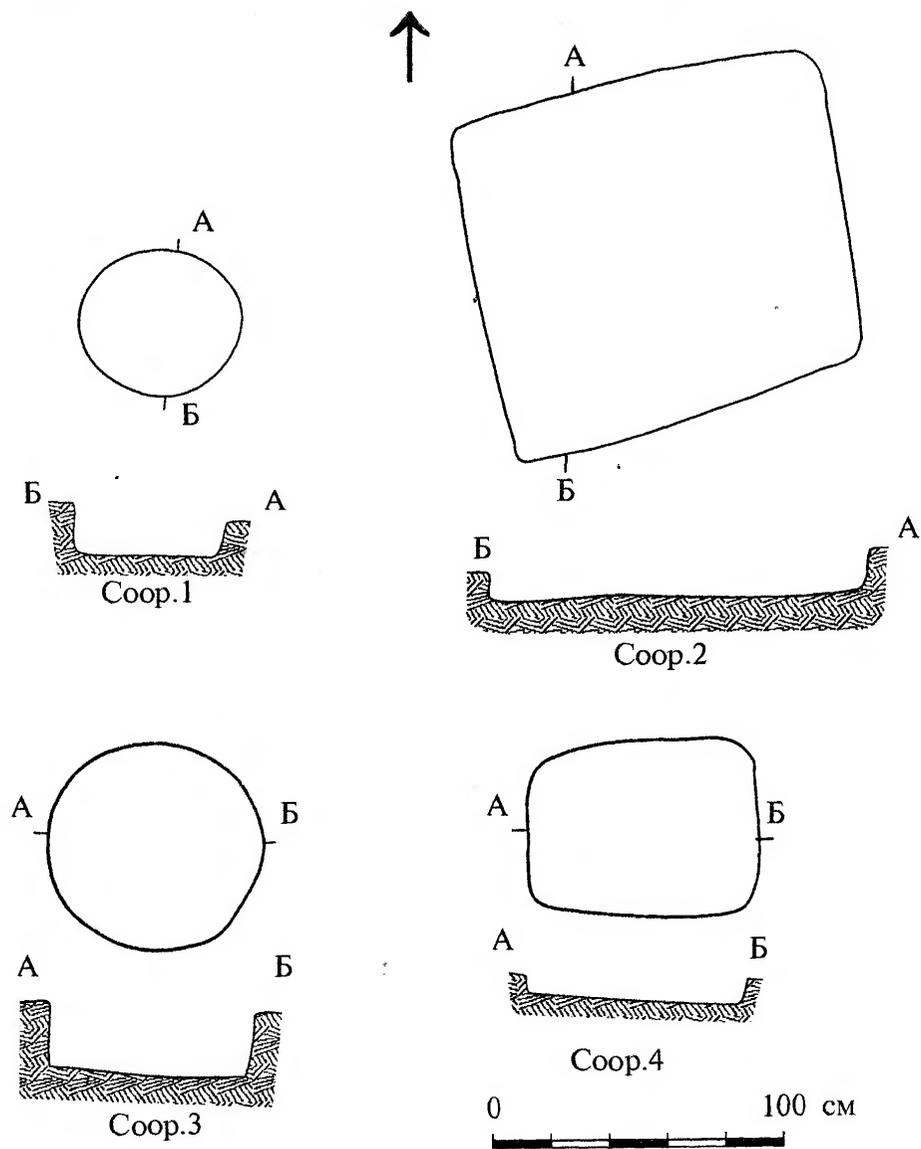
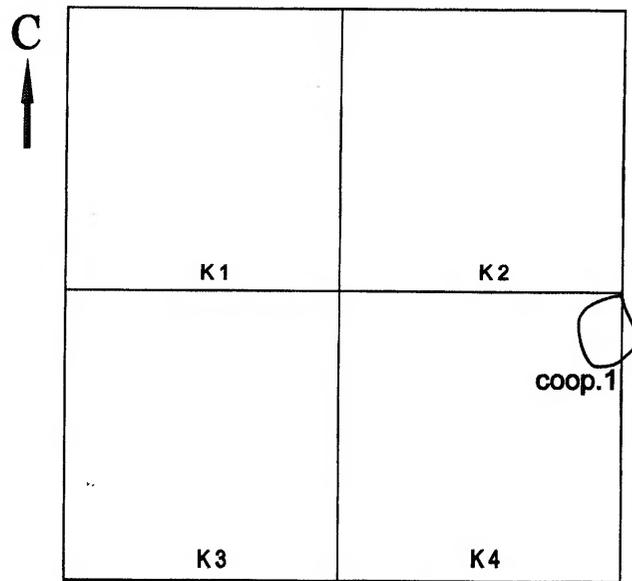
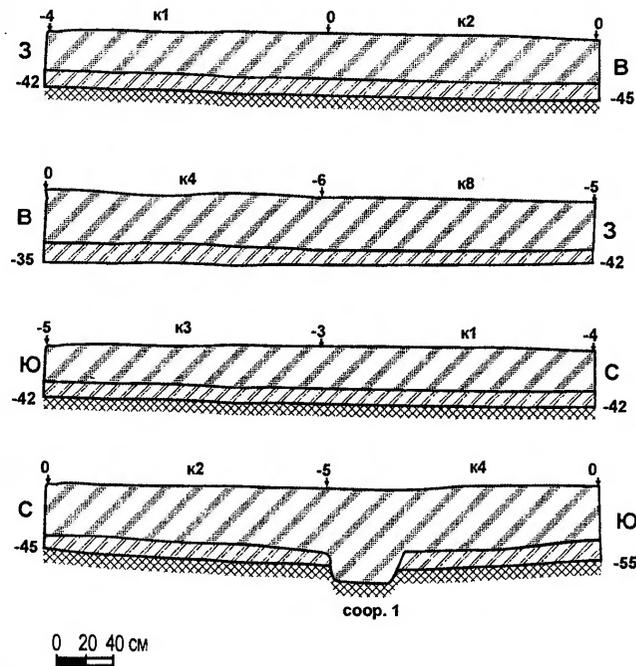

Рис.87. Тимяшевское селище. Раскоп 2. Планы сооружений.

0 20 40 см.

Рис.88. Тимяшевское селище. Раскоп 3. План.

0 20 40 см.

Рис.89. Тимяшевское селище. Раскоп 3. Профили стенок и бровок.

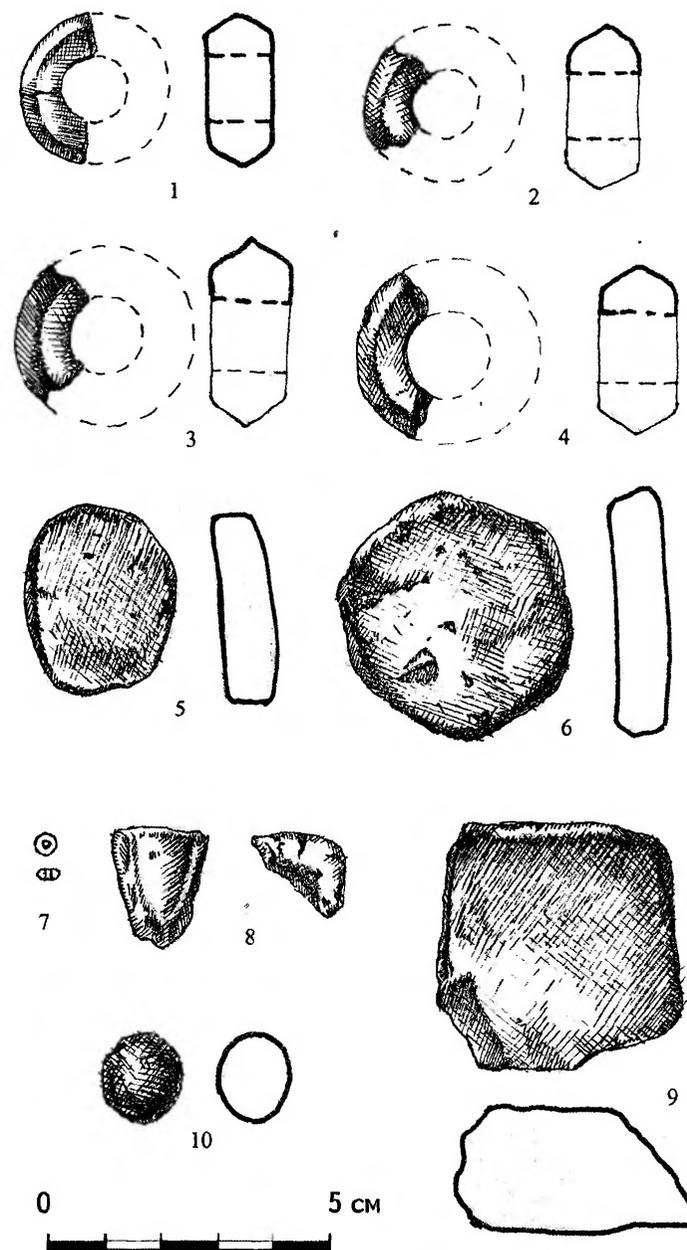

Рис. 90. Тимашевское селище. Индивидуальные находки.

1-4 - пряслица; 5-6 - «кругляши»; 7 - бусина; 8 - фрагмент льячки; 9 - точильный камень; 10 - глиняный шарик. 1-6, 8, 10 - глина; 7 - стекло; 9 - камень.

1-2, 5 - подъемный материал; 3 - раскоп 2 кв. 20 ш. 1; 4 - раскоп 2 кв. 35 ш. 2; 6 - раскоп 2 кв. 26 ш. 1; 7 - раскоп 1 кв. 3 ш. 1; 8 - раскоп 2 кв. 29 ш. 1; 9 - раскоп 2 кв. 14 ш. 1; 10 - раскоп 2 кв. 15 ш. 1.

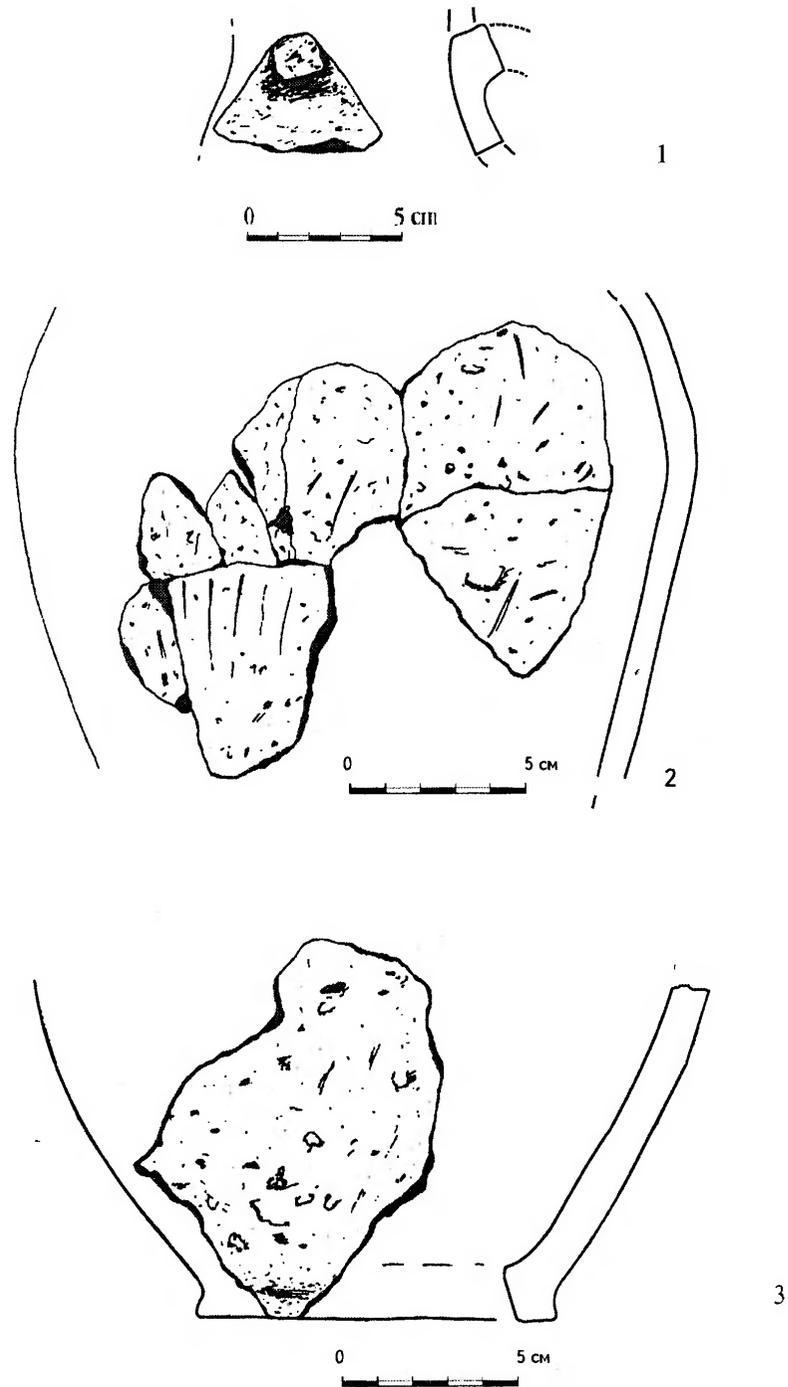
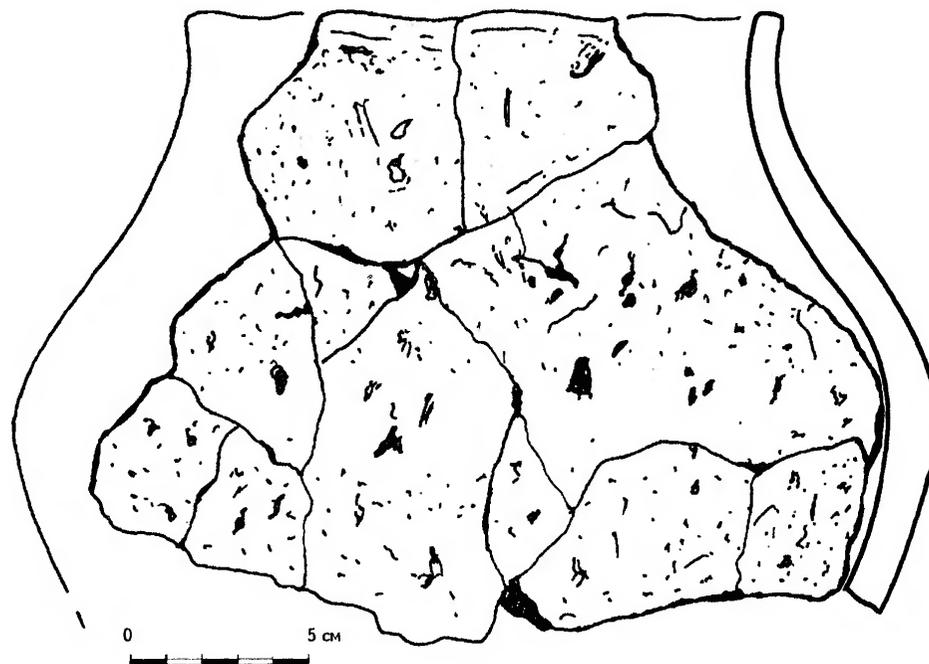

Рис. 91. Тимяшевское селище. Лепная керамика. Раскоп 2.
1 - кв. 9 ш. 1; 2-3 - сооружение 1.

1

2

Рис.92. Тимяшевское селище. Лепная керамика. Раскоп 2. Сооружение 2.

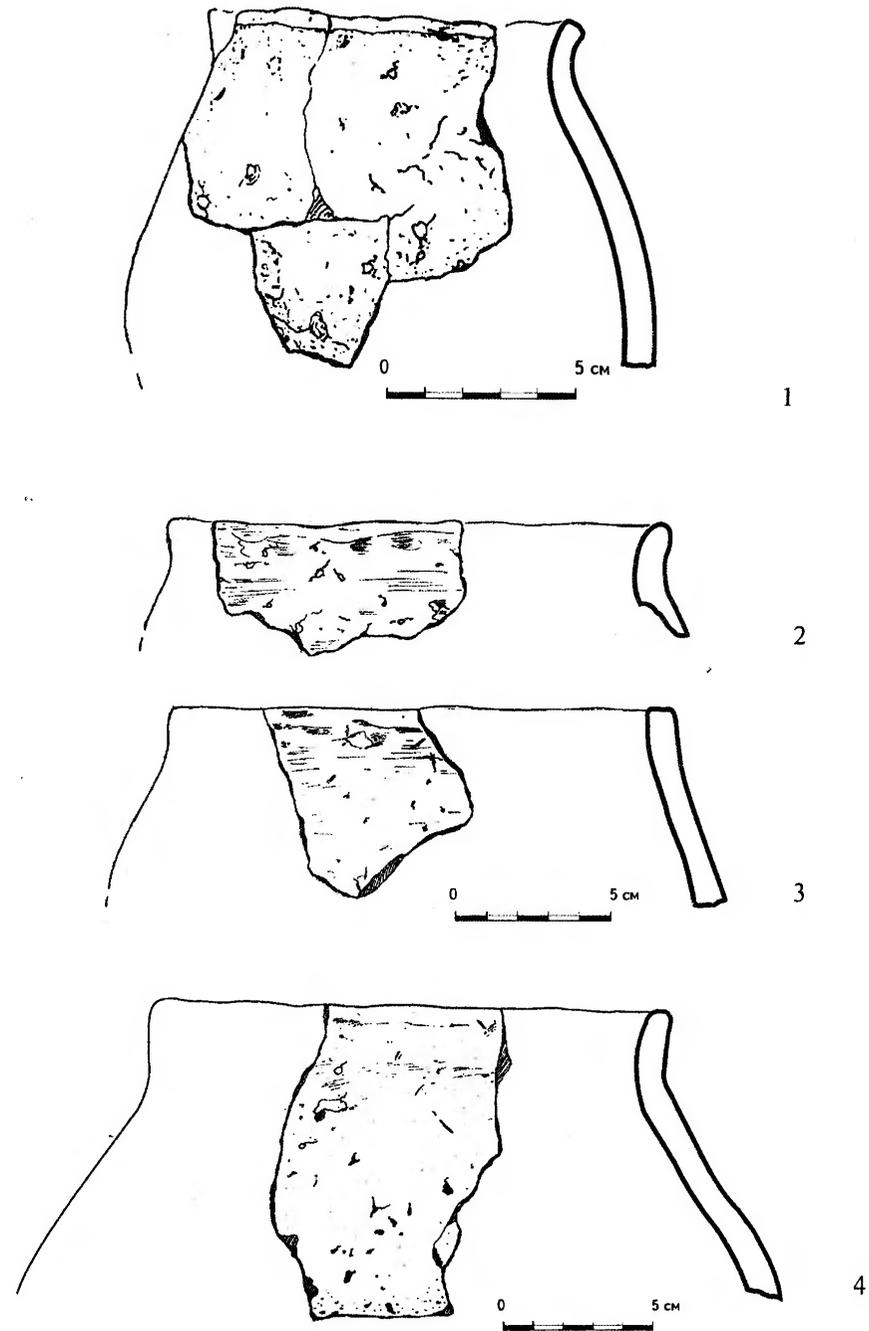

Рис. 93. Тимяшевское селище. Лепная керамика. Раскоп 2.
1 - сооружение 2; 2-3 - кв. 31 ш. 2; 4 - кв. 35 ш. 2

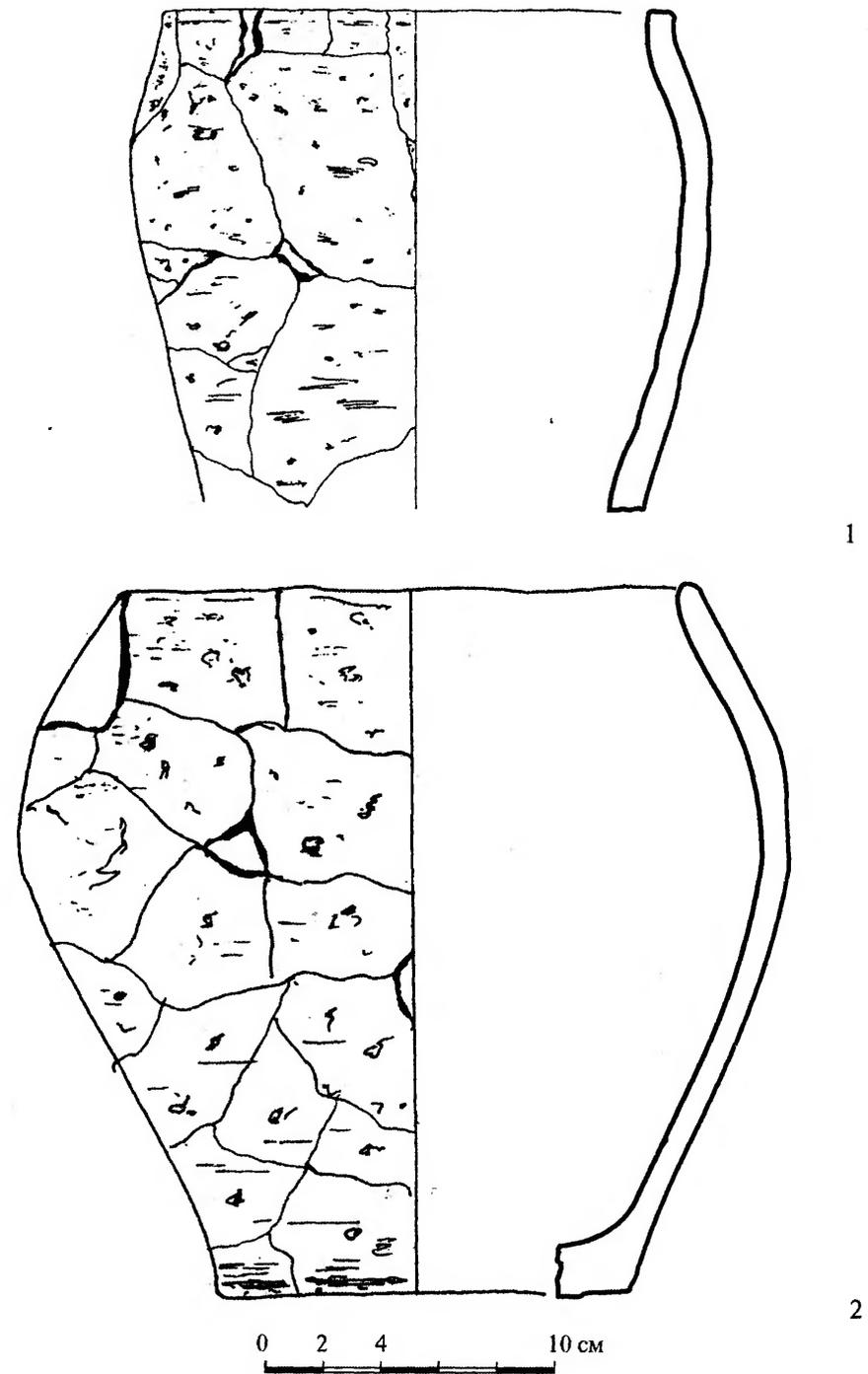

Рис. 94. Тимяшевское селище. Раскоп 2. Сооружение 3. Лепная керамика.

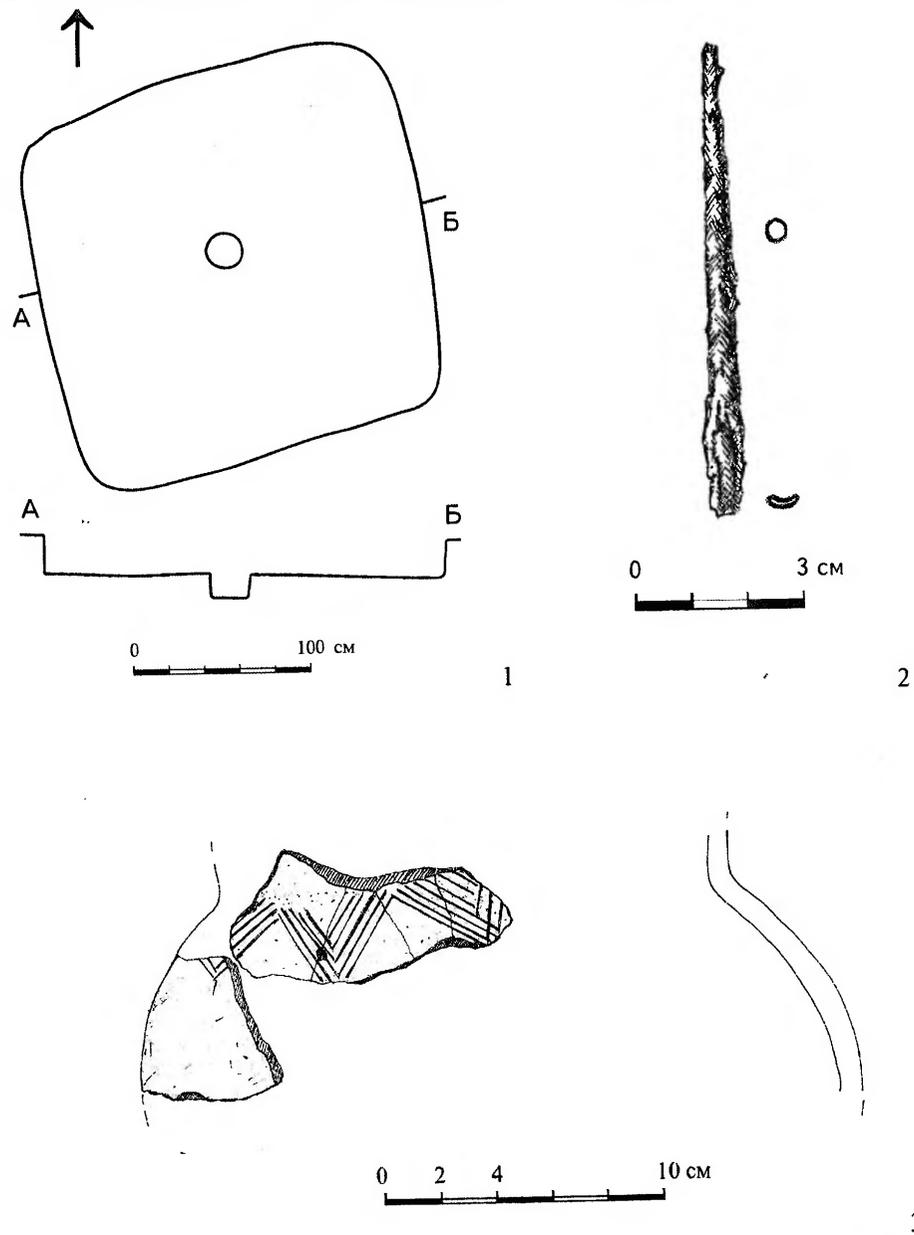

Рис.95. Тимяшевское селище. Раскоп 2. Сооружение 5. 1- план; 2 - железный предмет из сооружения 5; 3 - фрагменты орнаментированного сосуда из верхней части сооружения 5 и прилегающих квадратов (кв.3 ш.2; кв.4 ш.2; кв.21 ш.1; кв.36 ш.1).

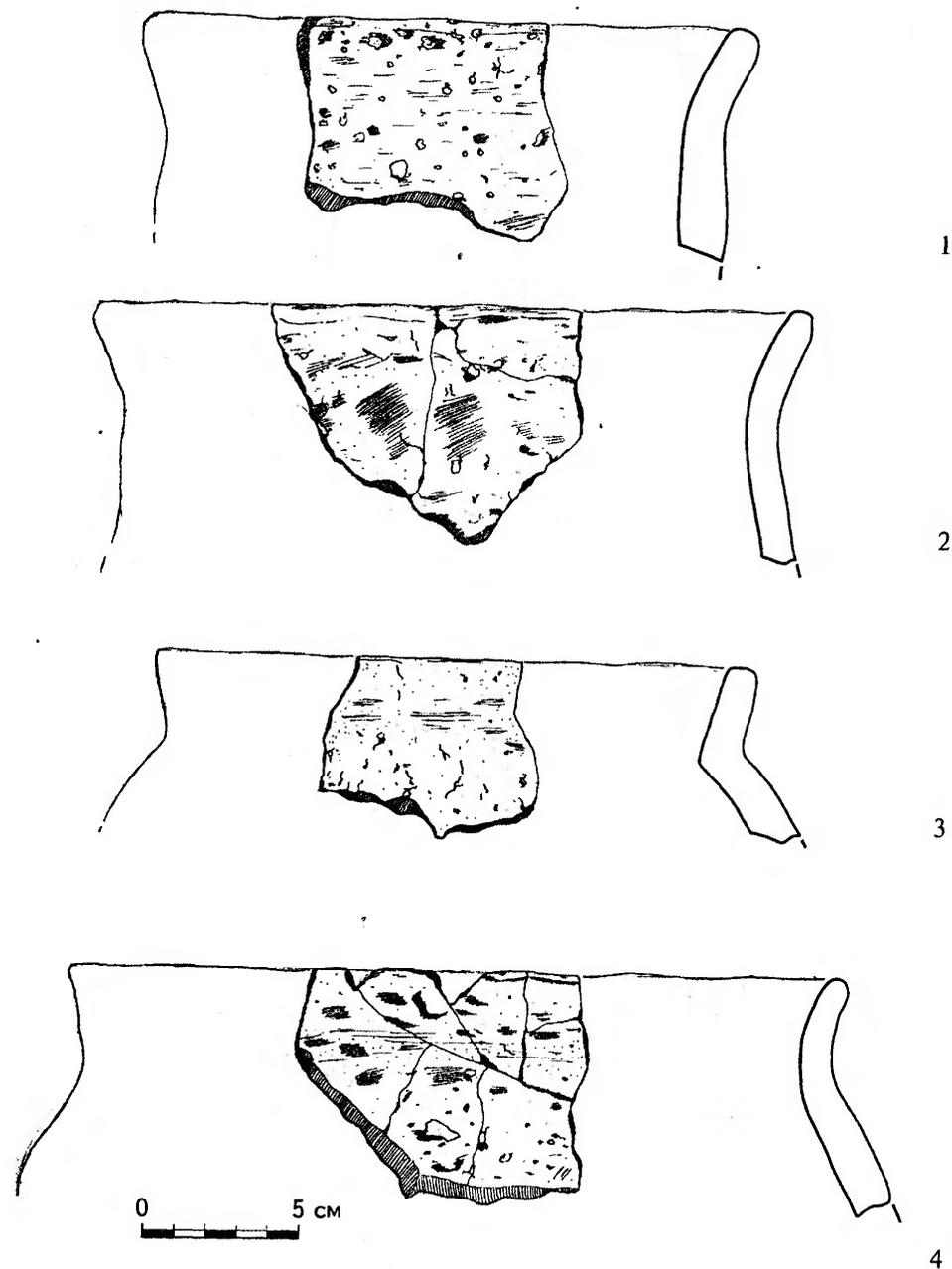

Рис. 96. Тимяшевское селце. Раскоп 2. Сооружение 5. Лепная керамика.

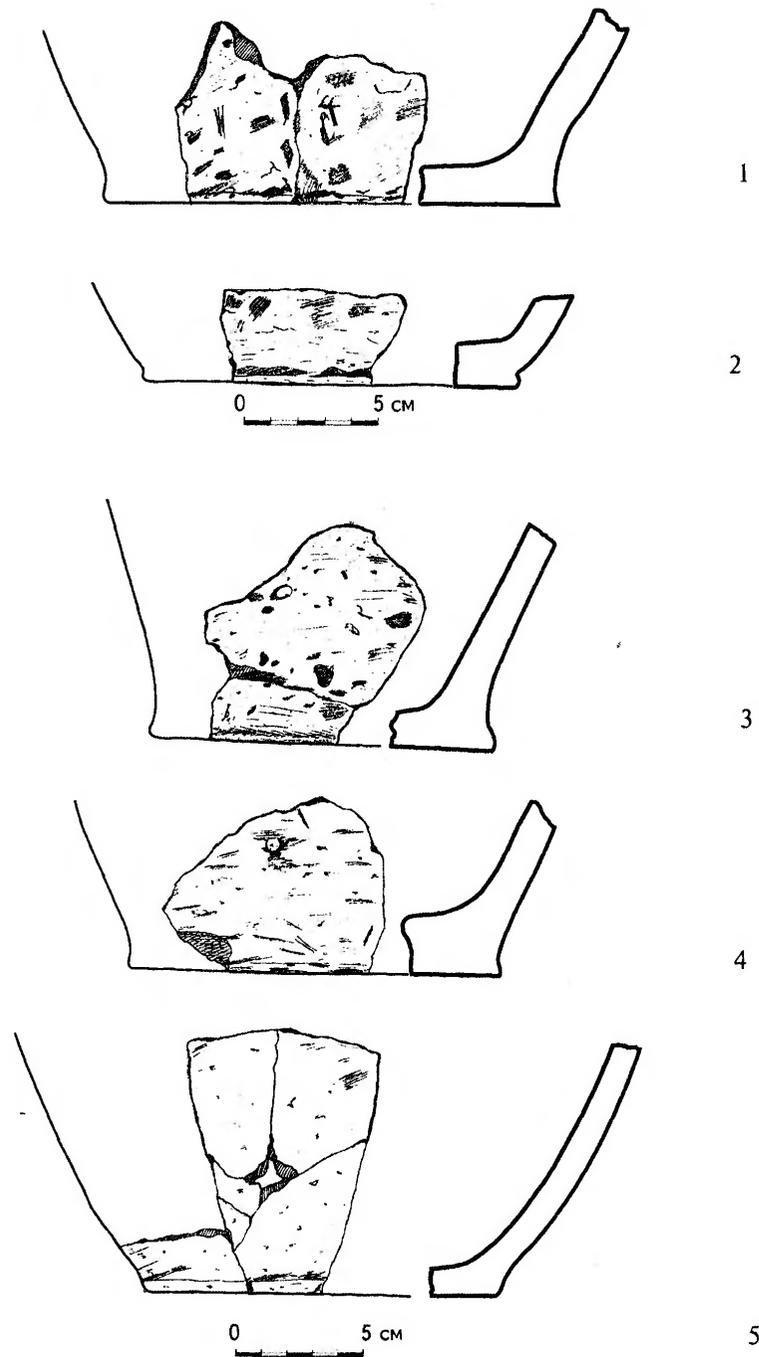

Рис.97. Тимяшевское селище. Раскоп 2. Сооружение 5. Лепная керамика.

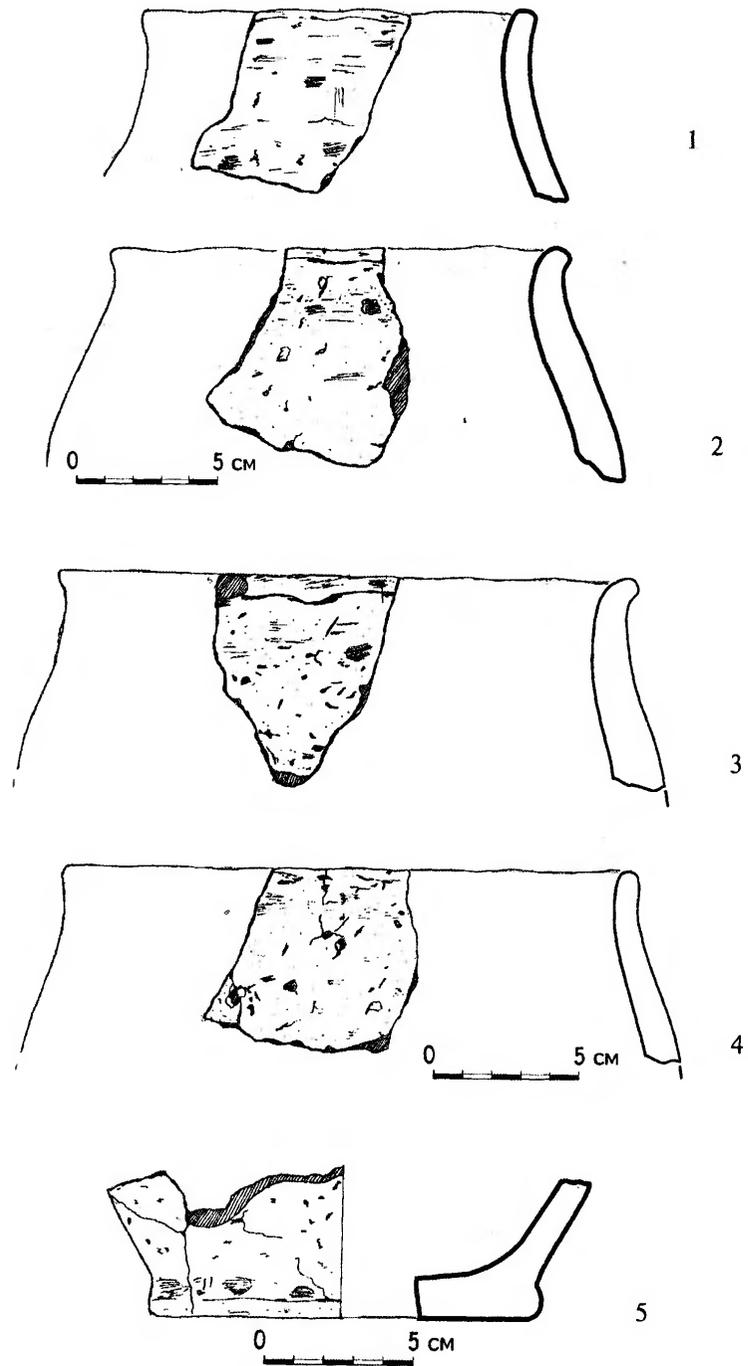

Рис.98. Тимяшевское селище. Раскоп 2. Лепная керамика из слоя над сооружением 5.
1-2 - кв.34 ш.1; 3-4 - кв.37 ш.1; 5 - кв.33 ш.2.

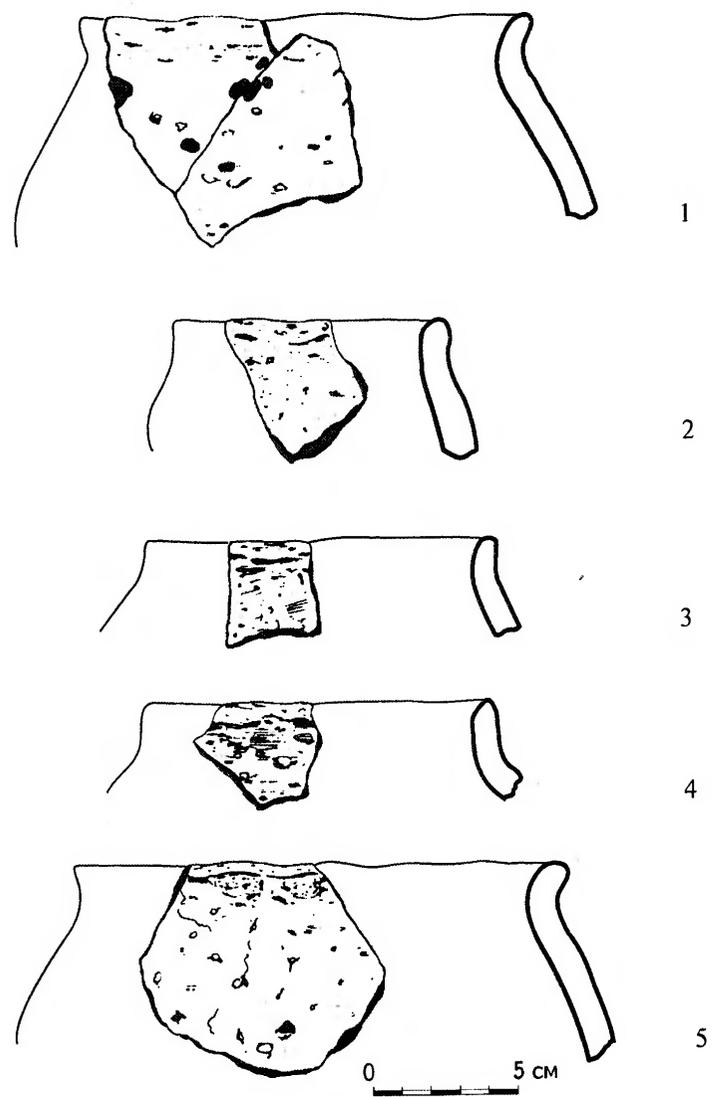

Рис. 99. Тимяшевское селище. Лепная керамика из культурного слоя.

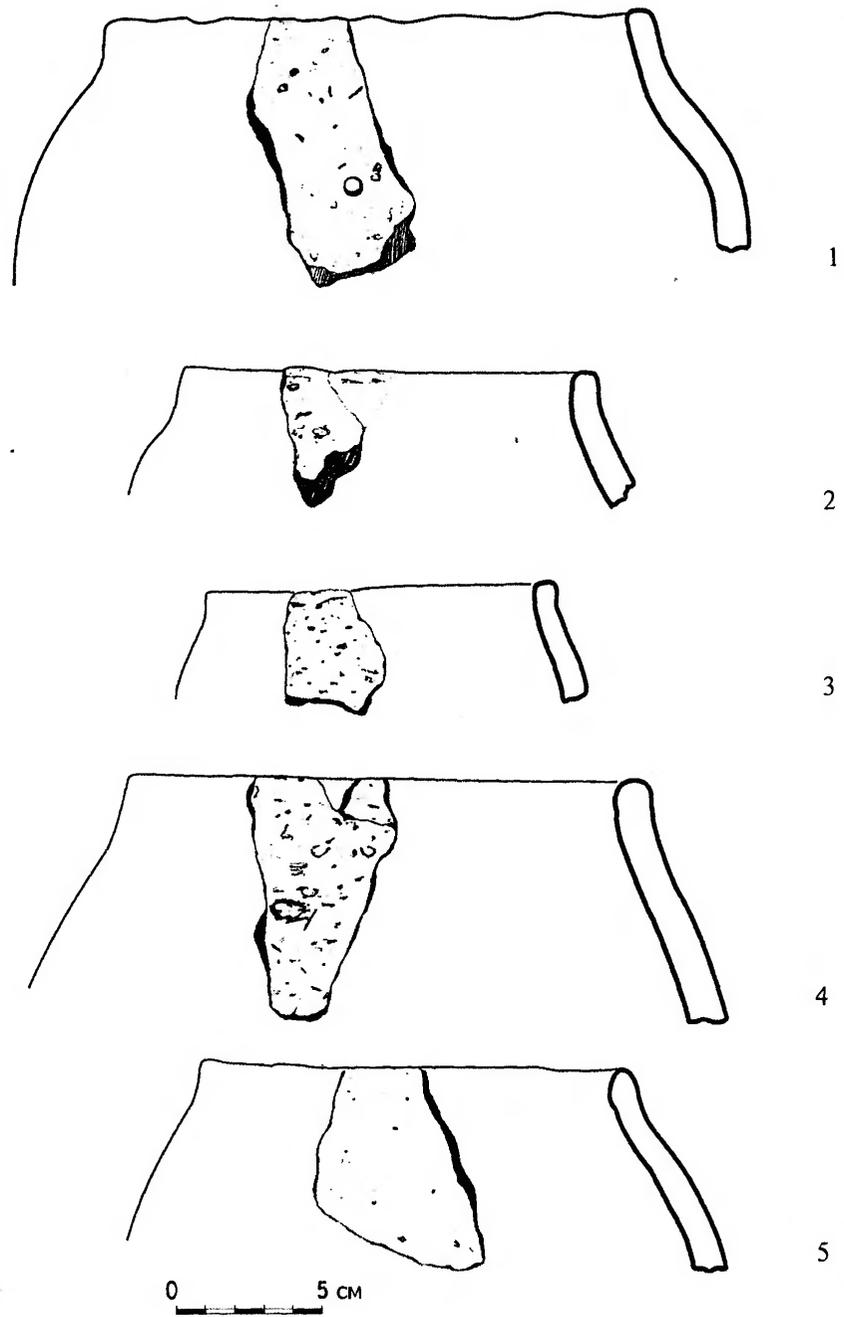

Рис. 100. Тимяшевское селище. Лепная керамика из культурного слоя.

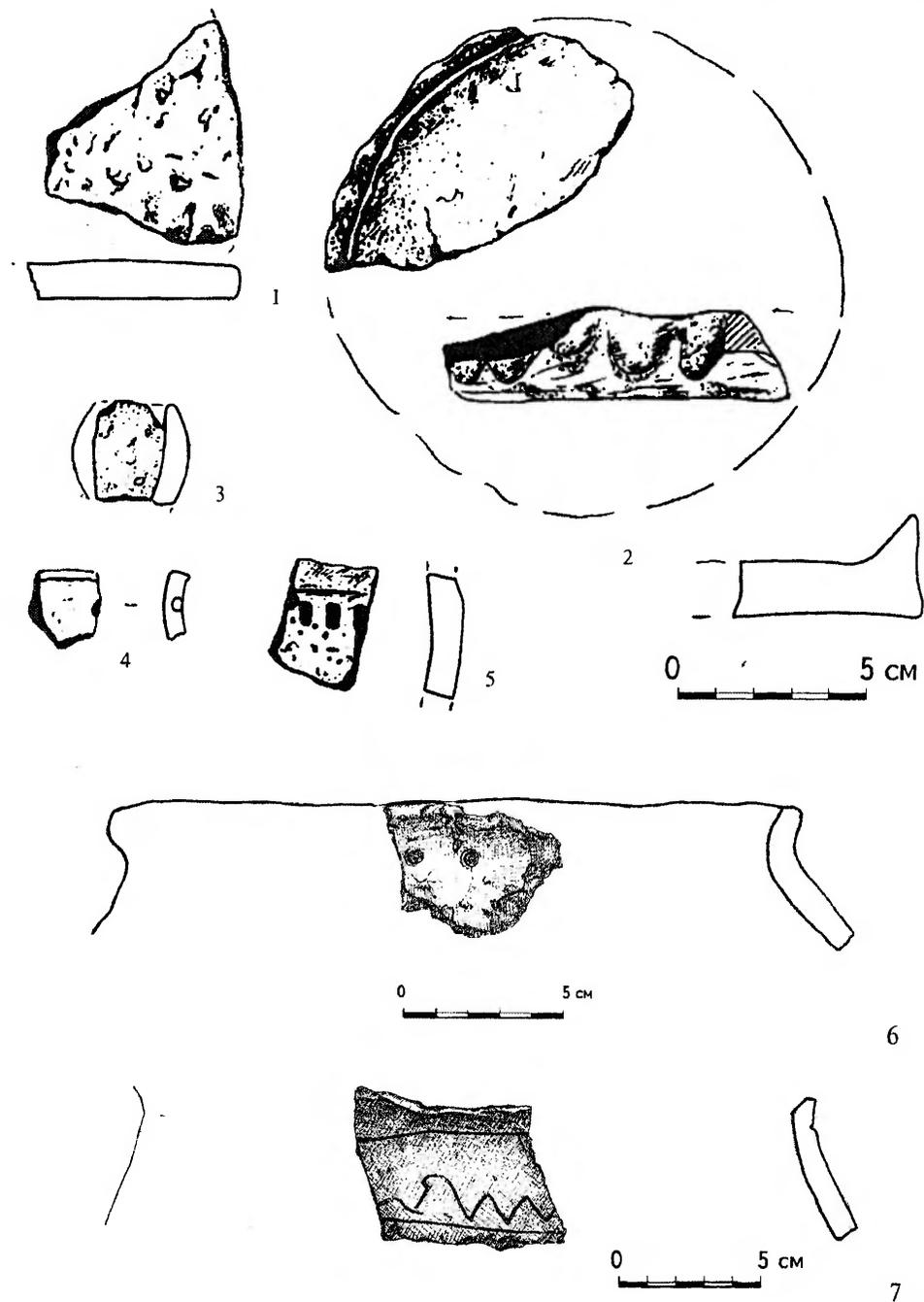

Рис. 101. Тимашевское селище. Фрагменты лепной керамики.

1-2 - фрагменты глиняных дисков; 3 - фрагмент миниатюрного сосудика; 4-7 - фрагменты орнаментированной керамики.

1-5 - раскоп 2, культурный слой; 6-7 - подъемный материал.

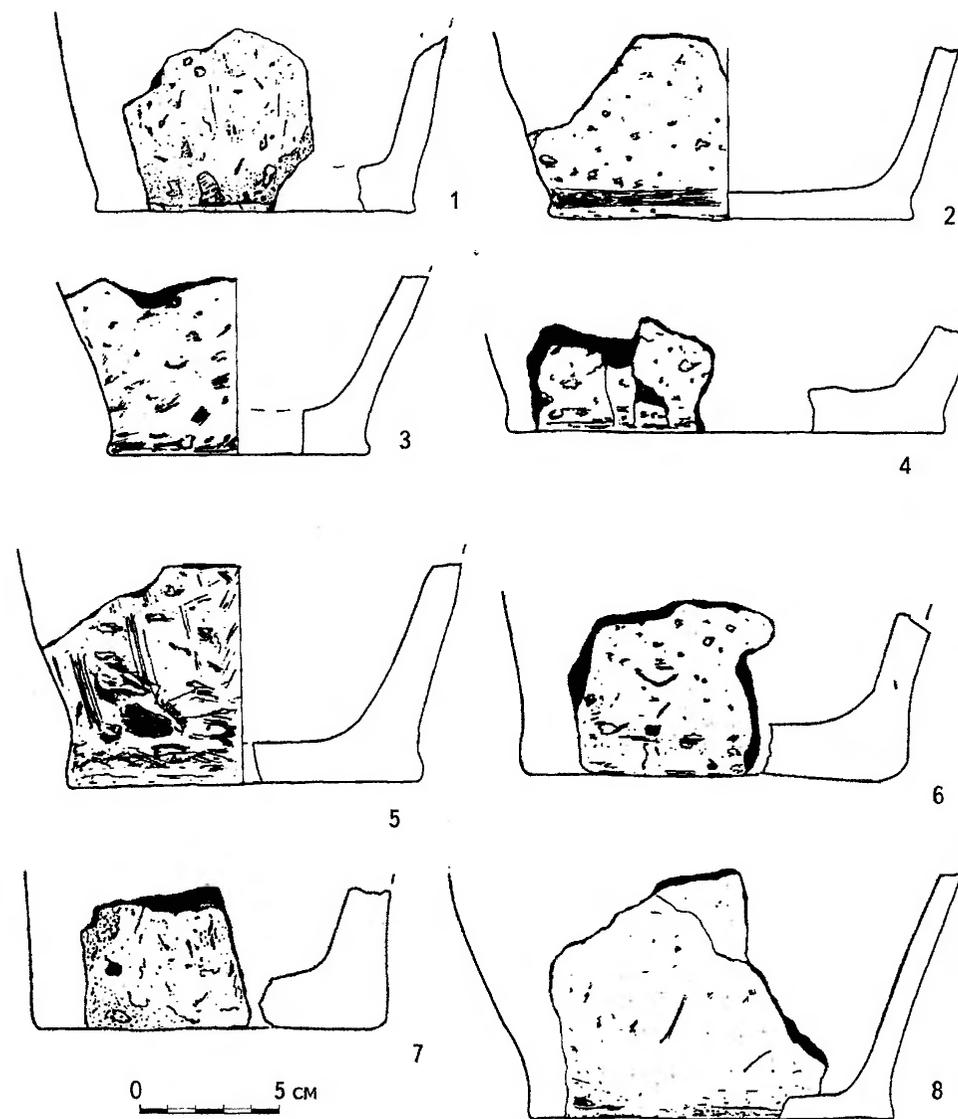

Рис. 102. Тимяшевское селище. Придонные части лепных сосудов из слоя.

Оглавление

Введение	5
Глава 1. История исследования памятников оседлого населения I половины I тыс. н.э. в Самарском Поволжье	8
Глава 2. Самарское Поволжье в I-III вв. н.э.	16
2.1. Царев курган	16
2.2. Памятники царевокурганского круга в Самарском Поволжье	22
Глава 3. Памятники лесостепного Заволжья III-V вв. н.э.	23
3.1. Сиделькинский археологический комплекс	23
3.2. Селище Крепость Кондурча II	34
3.3. Тимяшевское I селище	40
Глава 4. Место памятников лесостепного Заволжья среди памятников сопредельных территорий	44
Литература и архивные материалы	48
Приложение 1.	53
Приложение 2. В.В. Гасилин. Фауна предыменьковских и раннеименьковских памятников лесостепного Поволжья	56
Иллюстрации	63

**Сташенков Дмитрий Алексеевич.
Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V вв. н.э.
(Раннеславянский мир. Выпуск 7).**

Научное издание

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Верстка и макетирование: Д.А. Сташенков
Технический редактор: Н.В. Лопатин

Подписано в печать 17.02.2005. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Печать оперативная. Объем 18,75 п.л.
Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 300 экз. Заказ 336.

Институт археологии Российской академии наук
117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
ЛР ИД №03062 от 18.10.2000 г.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО "Офорт"
Лицензия ПД 7-0050 от 30.08.2000 г.
443068, г. Самара, ул. Межевая, 7.
Тел.: 35-37-01, 35-37-45, 79-08-22.